

Библиотека Знанія.

26 книгъ въ годъ.

№ 26

**Декабрь
1908 г.**

**Исторія славянскихъ
литературъ.**

Проф. Іосифа Карасека.

Часть II.

Девятнадцатый вѣкъ,

Подписная цѣна на 1908 г.
на еженед. газету «БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ» —
второе изданіе съ журналомъ «ОГОНЕКЪ» и
«Библиотечною Знанія» — 5 р. въ годъ, 2 р. 50 к.
за 6 мѣс. и 1 р. 30 к. за 3 мѣс. съ перес. въ
Россіи.

— **Въ 1909 году** —

ПОДПИСЧИНИ

„Биржевыхъ Вѣдомостей“

— ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ —

КРОМѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, ПОЛУЧАТЬ

совершенно бесплатно

большой ежемѣсячный журналъ литературы, исторіи, искусствъ и общественной жизни „НОВОЕ СЛОВО“ и иллюстрированный художественно-литературный еженедѣльный журналъ „НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

«НОВОЕ СЛОВО»

будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца хорошо сброшюрованными книгами, въ обложкѣ, формата обычнаго типа толстыхъ русскихъ журналовъ, размѣромъ 160 страницъ большого формата, напечатанныхъ четкимъ убористымъ шрифтомъ наборныхъ машинъ (около 20,000 строкъ ежемѣсячно).

Къ сотрудничеству въ „Новомъ Словѣ“, подъ общимъ редактированіемъ **И. И. Ясинскаго**, привлечены выдающіяся силы Россіи и Запада.

Журналъ „НОВОЕ СЛОВО“ будетъ издаваться по слѣдующей программѣ:

1) Изящная литература. 2) Художественное творчество. 3) Исторія. 4) Знаніе. 5) Книги. 6) Вопросы этики и поведенія. 7) Картины общественной жизни Запада и Россіи. 8) Открытія и изобрѣтенія. 9) Популярная медицина и гигиена. 10) Анкеты. 11) Афоризмы и цитаты.

Всѣ новинки иностранной литературы найдутъ себѣ мѣсто на страницахъ журнала „Новое Слово“.

Каждая книга журнала „НОВОЕ СЛОВО“ составляетъ законченное цѣлое.

Подписная цѣна на

Биржевыхъ Вѣдомостей Второе Изданіе

Исторія славянскихъ литературъ.

Проф. Іосифа Карасека.

Часть II.

Девятнадцатый вѣкъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40
1908.

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku

FUW0403924

K-86/47/820 64 824

Девятнадцатый вѣкъ:

I.

Возрожденіе польской литературы.

Европа пережила великую революцію; выскочка вознесся до трона всемогущаго императора. Разорванная на три части Польша на нѣкоторое время обновилась въ своемъ сердцѣ. И хотя герцогство варшавское снова было упразднено, но подъ русскимъ господствомъ полякамъ, въ отношеніи ихъ національной самобытности, жилось хорошо. Но „Ученое общество“, состоявшее изъ просвѣщенныхъ людей, не могло оказать нужнаго противодѣйствія опаснымъ узко-теоретическимъ измышленіямъ возбужденныхъ головъ, которыя сводили на нѣтъ всѣ хорошія начинанія русскаго царя.

Псевдоклассицизмъ находился при послѣднемъ издыханіи, погоня за варваризмами доживала послѣдніе дни.

Польскіе легіоны, сражавшіеся по всей Европѣ, знакомились вмѣстѣ съ тѣмъ съ новыми людьми и новыми культурными условіями жизни. Польская знать должна была перевоспитаться для болѣе терпимаго отношенія къ демократическимъ формамъ. Закостенѣвшій классицизмъ смѣнился мятежнымъ

4 ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

романтизмомъ, и нѣмецкій идеализмъ получилъ доступъ въ католическую Польшу.

И въ драмѣ поляки стремились совершенно выйти изъ подъ вліянія Мольера и французовъ, хотя это и не удалось имъ въ полной мѣрѣ; графъ Фредро вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ типовъ (1793—1876 гг.), которые не исчезли съ польской сцены.

Въ литературѣ начинаетъ замѣчаться демократическій элементъ, который вводитъ въ ея жилы свѣжую кровь; герои байроновской складки уже не смѣютъ патетически рассказывать взадъ и впередъ, воспѣвая торжествующее господство могущественной знати.

По необыкновенно счастливому совпаденію обстоятельствъ случилось такъ, что XIX вѣкъ въ 20-ыхъ годахъ былъ богатъ отдѣльными талантами, къ которымъ скоро присоединились и гении.

Наряду съ Бродзинскимъ и Мальчевскимъ въ литературѣ появляется украинская школа съ Залѣскимъ, Гоцинскимъ и пр., а на сѣверѣ возникаетъ литовская школа съ Адамомъ Мицкевичемъ во главѣ.

Казиміръ Бродзинскій (1791—1835), происходитъ изъ австрійской Польши, — онъ родился недалеко отъ Кракова и пережилъ печальную юность. Его учитель — нѣмецъ страшно мучилъ его нѣмецкой литературой, но, благодаря этому, онъ основательно изучилъ ее, что имѣло слѣдствіемъ переводъ Бродзинскимъ стихотвореній Коллинза и „Страданій молодого Вертера“. Когда онъ былъ назначенъ профессоромъ критической исторіи польской литературы въ варшавскомъ университетѣ, то началась лучшая пора его жизни. Для него литература являлась „кормилицей и зеркаломъ національности“, она не должна быть „эхомъ иностранца“. Въ 1820 году онъ написалъ необыкновенно звучную и пронизанную непосредственнымъ ароматомъ народной поэзіи идиллію „Веславъ“, простую, безыскусственную сва-

дебную картинку изъ окрестностей Кракова, въ которой онъ изображаетъ счастье, любовь и доброту простого человѣка, который не становится на ходули для выраженія своихъ чувствъ и черпаетъ изъ природы источникъ своихъ радостей. Это было самой практической и плодотворной попыткой отказаться отъ всего неестественнаго, ужаснаго, чудливаго романтизма.

Въ качествѣ ученаго, онъ неизмѣнно выказываетъ врожденный тактъ, слѣдилъ за прогрессомъ науки, не забывалъ отдавать должное дѣятельности прошлаго поколѣнія, умѣя при этомъ пролагать пути новымъ идеямъ. Хотя онъ и былъ ревностнымъ польскимъ патріотомъ, но умѣлъ согласовать свои взгляды съ основными принципами славянофиловъ.

По его мнѣнію поляки являлись народомъ, имѣющимъ много своеобразныхъ особенностей; по своему быстрому развитію и свободѣ („liberum deto“) они стоятъ въ Европѣ совершенно особнякомъ. Задача поляковъ — продолжать развиваться въ мирѣ, въ нравственной чистотѣ и національномъ достоинствѣ. Онъ совѣтуетъ имъ брать отъ иностранцевъ все хорошее, чтобы пересаживать потомъ на польскую почву, переработавъ въ польскомъ духѣ. Польская книга тогда соответствуетъ своему назначенію, если проникаетъ подъ крышу послѣдняго поденника. Научные труды должны принимать въ расчетъ духовные запросы всего народа.

Бродзинскій неоднократно доказывалъ пользу, принесенную польской литературой; писалъ о романтизмѣ, о классицизмѣ — темы, которыми въ Бюгемин занимался Юнгманъ.

Пронесшій 1830 года самымъ глубокимъ образомъ захватили впечатлительнаго Бродзинскаго; всѣмъ существомъ своимъ прильпился тогда польскіе патріоты къ судьбамъ своего отечества. Несчастье Польши очень сильно и пагубно повліяло на Бродзинскаго.

И этот ясный дух по существу своему столь трезваго Бродзинскаго заразился польскою болѣзью — мессіанизмомъ, затемнившимъ собой столько душъ, якобы открывая имъ глаза на будущее.

Бродзинскій скончался въ Дрезденѣ въ 1835 году. Длительный успѣхъ въ польской литературѣ имѣла украинская школа, которая внесла въ нее національный элементъ. На безконечно раскинутыхъ степяхъ Украины, напоенныхъ ароматомъ травъ, среди предзакатныхъ отблесковъ вечера звучали народныя Думки, въ которыхъ народъ, еще не разучившійся жить общей съ природой жизнью, мечталъ о временахъ славянскаго рыцарства, цвѣтомъ котораго было казачество.

Здѣсь, въ Украинѣ, гдѣ польскій и русскій народы входили въ соприкосновеніе, старый романтизмъ сливался съ новымъ и творилъ героевъ, близкихъ по духу байроновскимъ.

Антонъ Мальчевскій (1793—1826) прославился только послѣ смерти своимъ единственнымъ стихотвореніемъ „Марія“, въ которомъ онъ явилъ первый идеальный образъ польской поэзіи. По сущности и жизни своей Мальчевскій былъ байронистомъ; авантюристъ, несчастливый любовникъ, умирающій съ голоду и болѣзни. При жизни его поэма не была признана, что его сильно огорчало. Его личное несчастье въ жизни, горечь и страданіе переплелись въ этой поэмѣ съ романтической манерой и криминалистической подоплекой; но народная форма обезпечила поэту въ послѣдствіи очень большую популярность.

„Вьеславъ“ и „Марія“ издавались несчетное число разъ и сохранили свое очарованіе и въ славянскихъ переводахъ (наоборотъ — остальные переводы оказались неспособными передать непосредственную прелесть поэмъ). Обѣ поэмы

представляютъ собой перлы польской литературы.

Литературнымъ вожакомъ Украины былъ вѣчно-недовольный Северинъ Гощинскій (1876), представлявшій собою яркій типъ истиннаго революціонера, который способенъ умереть съ голоду, но никогда не отдастъ политическимъ мечтаніямъ, дѣйствуя только согласно своему крайнему убѣжденію; прочими представителями этого направленія были: Залѣскій (1802—1886), извѣстный подъ именемъ „украинскаго соловья“, выразитель украинскихъ настроеній и теченій; Михайлъ Грабовскій (1805—1863), писавшій рассказы въ духѣ Вальтера Скотта, какъ его предшественникъ—Нѣмцевичъ и преемники: Бронниковскій и Бернатовичъ. Грабовскій (у поляковъ встрѣчается много писателей носящихъ эту фамилію) писалъ, между прочимъ, статьи для московскаго „Дня“ Аксакова и былъ выдающимся критикомъ, искавшимъ проявленій истинно-польскаго духа и осуждавшимъ съ точки зрѣнія почитателя украинской школы, галломанію. Онъ великолѣпно охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ украинофиловъ: Мальчевскій изображалъ дворянскую, Залѣскій—казацкую, а Гощинскій гайдамацкую Украину.

Въ историческихъ романахъ онъ показалъ себя скорѣе историкомъ и изслѣдователемъ старины, чѣмъ поэтомъ, такъ какъ въ затруднительныхъ положеніяхъ творческая фантазія очень часто оставляла его совершенно безпомощнымъ.

Наиболѣе непосредственнымъ украинистомъ былъ Северинъ Гощинскій, „Замокъ Канѣвъ“ котораго (1828 г.) былъ переведенъ на многіе языки. Онъ принадлежалъ къ числу вожаковъ польскаго возстанія 1830 года и былъ среди тѣхъ повстанцевъ, которые напали 29-го ноября на Великаго Князя Константина въ замкѣ Бельведерѣ; онъ былъ язв

тѣхъ „трехъ поэтовъ, трехъ офицеровъ и пяти студентовъ“, которые вызвали революцію 1830 года.

„Замокъ Канёвъ“ представляетъ собой самое трагическое изліяніе мятежника, душу котораго раздражаютъ впечатлѣнія отъ происшедшаго несчастья и мощныя политическія страсти. Особенное впечатлѣніе на читателей производили тѣ сцены, изъ которыхъ такъ и несетъ кровавый туманъ и кипучая любовная страсть. Въ исключительно-драматической группировкѣ встаютъ изъ этого произведенія картины ужаса; мрачный колоритъ, возстаніе, страшная смерть—освѣщаются жуткимъ адскимъ пламенемъ. Байронъ и романтизмъ (образъ Ксенія) праздновали здѣсь свою полную побѣду, хотя сфера дѣйствія и взята изъ временъ гайдамачества.

Гощинскій переносится во времена гайдамацкаго возстанія 1768 года. Современное французское литературное теченіе, обожающее ужасъ и отвращеніе, осталось бы довольно той сценой, когда Орликъ бѣжитъ, оставляя вездѣ слѣды своихъ залитыхъ кровью рукъ. Послѣ того, какъ Небаба попадаетъ въ руки поляковъ, которые сажаютъ его на колъ, къ нему устремляется сумасбродная Ксенія и запечатлѣвается на его искривленныхъ предсмертными конвульсіями губахъ страстный поцѣлуй.

Это былъ тотъ же романтизмъ, который въ шестидесятыхъ годахъ нашелъ такой откликъ у чеховъ.

Хотя впоследствии первы Гощинскаго и успокоились, но зато духъ его подпалъ несчастному тованізму, въ духъ котораго написаны его „Письма въ Польшу“ 1856 года.

Съ совершенно другой стороны разсматривалъ Украину Богданъ Залѣсскій; его гибкій умъ, его вѣжночувствующая лирическая душа утопала въ ароматѣ украинской природы и жила въ самой тѣсной дружбѣ съ дѣйпровскими русалками. Даже и тогда, когда онъ жилъ во Франціи, онъ не

могъ забыть напоенную ароматами травъ степь, попрежнему видѣлъ онъ передъ собой раскинувшіяся бѣленькія хатки, передъ которыми рѣютъ милыя дѣвчьи тѣни, слышалъ пѣнье птицъ и меланхолическій рскоть бандуры. Старые атаманы и казаки снова оживали подъ его поэтической обрисовкой, но при этомъ они являлись чисто-лирическими героями.

Лучше всего ему удавались полныя настроенія картинки украинской степи; все поетъ и сверкаетъ яркими красками въ этихъ картинахъ, словно у чеха Гайдуга, съ которымъ у него много общаго.

Въ Римѣ, даже въ Палестинѣ, гдѣ онъ написалъ свое „Святое семейство“, онъ не забываетъ о своемъ народѣ. Вездѣ въ своемъ воображеніи онъ видѣлъ возлюбленную Украину. „Духъ степей“ долженъ былъ бы стать извѣстнаго рода эпопеей всего человѣчества, но на философскія концепціи Залѣскаго не хватало. Несравненный миниатюристъ, онъ былъ невзмѣнно мелодиченъ въ лирическихъ, полныхъ настроенія пѣсняхъ. Но его лирика—не широкаго захвата; поэту ее надо вкушать маленькими дозами, чтобы сладость ея не прѣдалась.

Во Франціи онъ былъ въ самой близкой дружбѣ съ Милкевичемъ, тоже впалъ въ тованізмъ, но потомъ вернулся изъ этого угара къ трезвой дѣйствительности.

Наиболѣе популярными стихотвореніями его были малорусскія „Думки“, которымъ онъ обезпечилъ дружественный приемъ и у прочихъ славянъ. Онъ ввелъ въ моду курганы, гусяровъ, казаковъ, русалокъ и прочіе поэтическіе образы Малороссіи.

Залѣсскій былъ отцомъ украинской школы; по его слѣдамъ сотни жаворонковъ залились поэтической трелью пѣсень, воспѣвающихъ неисчерпаемую красоту безконечныхъ степей. Нѣкоторые даже пользовались малороссійской народной формой.

II.

Періодъ польскихъ геніевъ. Мицкевичъ,
Словацкій, Красинскій.

Въ то время, какъ русская литература достигла вершины своего расцвѣта въ лицѣ Пушкина, на польскомъ Парнасѣ появляется его другъ Адамъ Мицкевичъ, по рожденію—литовець, но по сердцу и перу—истинный полякъ. Было время, когда оба эти геніальные поэты понимали другъ друга, о чемъ свидѣлствуютъ стихотворенія, написанныя при видѣ статуи Петра Великаго, но послѣ 1830 года взгляды ихъ, разумеется, должны были разойтись въ разныя стороны.

Наряду съ Мицкевичемъ, творцомъ національнаго художественнаго эпоса, на литературномъ горизонтѣ появляется его соперникъ—Юлій Словацкій, подъ перомъ котораго языкъ превращается въ оркестровую музыку, сверкая всѣми радужными цвѣтами. Третьимъ корифеемъ былъ аристократъ Зигмундъ Красинскій, поэтъ-философъ, духъ котораго возносился на высоты сверхчужденныхъ идей. Всѣхъ троихъ связываетъ общее несчастье—мессіаниззмъ.

Мессіаниззмъ. Эта эпоха жизни геніальныхъ поэтовъ особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что послѣ 1830 года очагъ литературы переносится почти исключительно за предѣлы Польши, болшею частью—въ Парижъ, благодаря чему и становится понятнымъ многое противуестественное и чудное въ этой эмигрантской литературѣ.

Еще разъ возсіяло для Польши многообѣщающее весеннее солнце въ то время, которое такъ воодушевленно воспѣваетъ Мицкевичъ, а именно—въ 1812 году, когда Наполеонъ, а вмѣстѣ съ нимъ и польскіе легіоны, явились въ Польшу и Литву и по

всей странѣ прозвучалъ могучій кличъ: „Еще Польша не пропала“.

Но, словно морозъ на пышный расцвѣтъ весенней красоты, несчастливый исходъ кампаніи подѣйствовалъ на свѣтлыя надежды всѣхъ польскихъ сердець. Но они все еще не хотѣли сложить руки передъ несчастьемъ. Среди молодежи вспыхиваютъ повстанія, лихорадочное движеніе охватываетъ всю Польшу, учреждаются тайные союзы, предоставляющие себя къ услугамъ національной идеи.

Союзы эти занимаютъ частью литературой, частью политикой и скорѣе напоминаютъ нѣмецкій Тугендбундъ, чѣмъ русскихъ декабристовъ. Преслѣдованія со стороны русской бюрократіи еще тѣснѣе скрѣпляютъ узы между сочленами.

Центральнымъ пунктомъ патріотическаго движенія является виленскій университетъ, закрытый послѣ возстанія 1832 года. Европейскія литературныя теченія встрѣчаютъ самый радостный пріемъ въ Польшѣ. Патріотическія пѣсни нѣмецкихъ борцовъ за свободу встрѣчаютъ живѣйшее сочувствіе. Герои Байрона находятъ въ Польшѣ горячій пріемъ, такъ же какъ и романтизмъ, католическая окраска котораго дѣлала его словно бы специально созданнымъ для поляковъ.

И вотъ—разразилось несчастье, которое повлекло за собой возстаніе 1830 г. взбодоражившее всѣ умы и заставившее лучшихъ сыновъ Польши волей или неволей эмигрировать за границу. Отчаяніе овладѣло польскими бѣглецами, и самый выдающийся среди нихъ, Мицкевичъ, принялся писать свои „Книги народа и польскаго паломничества“ въ формѣ пророчанія будущаго:

„Въ Польшѣ всегда господствовали идеальная свобода и католицизмъ; такъ какъ идолу полезно не воздавалось должное, то Польша погибла. Теперь она раздавлена и унижена; поляки должны принять это, какъ Божью волю; вѣдь когда-то и Огъ

Самъ возжелалъ быть распнатымъ. Но когда придетъ для Польши моментъ воскресенія, то несчастное королевство въ царской роскоши проснется для новой жизни, очищенное пережитыми страданіями. Какъ только возстанетъ польское королевство, такъ сейчасъ же прекратятся войны; Польша страдаетъ не только са себя, но и за всю Европу. Вѣглецы являются Божьими вѣстниками, которыхъ Всемогущій разсылѣтъ на всѣ четыре стороны, чтобы они словомъ и дѣломъ возвращали бы Ему заблудшихъ. — Муза скрылась въ одежду средне-вѣковаго рыцаря, который, казая отправляется въ паломничество ко святымъ мѣстамъ.

Въ это время среди эмигрантовъ объявился религиозный мечтатель Товіанскій, человѣкъ малообразованный, который выработалъ себѣ родъ ученія о невидимомъ мірѣ и переселеніи душъ. Товіанскій сталъ демономъ эмиграціи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось исцѣлить душевно-больную жену Мицкевича. Эмигранты тѣмъ сильнѣе чувствовали несчастіе своего отечества, что видѣли по собственнымъ семействамъ, насколько тѣ денационализировались; склонныя къ вѣрѣ въ чудеса и фатализмъ, онѣ нашли укрѣпленіе и утѣшеніе въ ученіи мечтателя.

Такъ случилось, что духъ лучшихъ сыновъ Польши затемнился облакомъ рока и толкнулся на кривые пути. Товіанскій требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они прекратили всякую литературную работу, чего онъ и въ самомъ дѣлѣ добился отъ Мицкевича. Тридцати шести лѣтъ отъ роду, находясь въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, Мицкевичъ отложилъ въ сторону свое перо, чтобы навсегда отказаться отъ искусства. Правда, онъ писалъ исторію славянскихъ литературъ, которая интересна только по личности ея автора — литературнаго панслависта, но не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія и цѣнности.

И Словацкій, еще болѣе склонный къ вѣрѣ въ духовъ, кинулся въ лоно Товіанскаго; Красинскій долѣе всѣхъ боролся противъ этого теченія, но въ концѣ концовъ, сдался и онъ, такъ какъ у него были физическія основанія для этого.

Конечной цѣлью мессіанизма, оплакивавшего развалины Польши, было — вдохновить все человечество идеей истиннаго христіанства; зерномъ должно было явиться славянство. Идеаломъ ихъ было образованіе родственной общины. Въ экстазѣ и бредовыхъ видѣніяхъ имъ рисовались картины лучшаго будущаго. Благодаря своимъ взглядамъ, пронизывавшимъ также его политическія убѣжденія, Мицкевичъ, въ концѣ концовъ, разошелся съ католицизмомъ.

Адамъ Мицкевичъ (1798—1855) родился подъ Рождество 1798 года въ дорогѣ около Новогрудка, слѣдовательно подобно Врхликскому — во время путешествія. Съ послѣднимъ и Пушкинымъ онъ образуетъ трилистникъ величайшихъ славянскихъ поэтовъ. Во время слушанія имъ университетскихъ лекцій въ Вильнѣ на его впечатлительную натуру особенно сильное вліяніе имѣлъ его другъ Запъ; романтизмъ соотвѣтствовалъ его преданному католицизму духу. Онъ писалъ баллады и знаменитую „Оду къ юности“, которая для его друзей стала марсельезой. Въ „Гражинѣ“ и „Конрадѣ Валленродѣ“ онъ отдался своимъ патріотическимъ чувствамъ. Сюжетъ для этихъ произведеній онъ почерпнулъ изъ эпохи борьбы литовцевъ и поляковъ съ нѣмецкими рыцарскими орденами. Въ этихъ произведеніяхъ Мицкевичъ очистилъ свой духъ — они являются для него выразителями его „Sturm und Drang“ періода.

Тутъ онъ былъ сосланъ Новосильцевымъ въ Россію. Здѣсь появляются его пламенные „Крымскіе сонеты“, полные восточной яркости красокъ. Петербургское и московское общество, въ особенно-

сти литераторы и знать, отнеслись къ нему очень радушно; онъ сталъ всеобщимъ любимцемъ. Въ 1829 году ему было разрѣшено выйти изъ Кронштадта за границу; онъ поѣхалъ черезъ Дрезденъ въ Италію; его другъ Одионецъ описалъ это путешествіе.

Во время послѣдняго онъ посѣтилъ также Гете въ Веймарѣ. Въ Карлсбадѣ онъ поддерживалъ отношенія съ семействомъ знаменитой піанистки Шмаиновской, на дочери которой впоследствии женился. Въ это же время устанавливаются его отношенія къ Ганкѣ и чехамъ.

Въ Римѣ онъ испыталъ несчастливое влеченіе къ дочери гордаго графа Анкивины Скарбека, котораго впоследствии онъ увѣковѣчилъ въ несимпатичномъ образѣ Горешко въ Панѣ Тадеушѣ.

Въ польскомъ возстаніи, котораго онъ совершенно не одобрялъ, Мицкевичъ не принималъ никакого участія; тѣмъ не менѣе это событіе глубоко вѣзлосъ въ его жизнь. На возвратномъ пути домой онъ узналъ, что возстаніе подавлено.

Теперь начинается вторая часть его жизни, время изгнанія. Въ Дрезденѣ онъ встрѣтилъ разрозненное польское общество, члены котораго взваливали другъ на друга вину и отвѣтственность за неудавшееся ниспроверженіе русскаго правительства. Въ то время и появились „Книги польскаго народа и его паломничество“, написанныя совершенно въ духѣ ветхозавѣтныхъ пророчаній.

Большимъ произведеніемъ Мицкевича являются его „Дядя“ (предки), которое онъ писалъ нѣсколько лѣтъ; вслѣдствіе этого черезъ все произведеніе проходятъ разныя наслоенія не только различныхъ настроеній, но и различныхъ философскихъ взглядовъ поэта; третья часть его „Импровизацій“ уже обнаруживаетъ въ немъ будущаго томианиста.

Названіе „Дядя“ происходитъ отъ литовскаго

обычая чтить своихъ предковъ. Для уясненія себѣ этого стихотворенія необходимо совершенно погрузиться въ духовную жизнь поляковъ, знать и вѣрно понимать эту эпоху жизни Польши.

Героемъ его является Густавъ, переживающій въ тюрьмѣ жестокія душевныя муки. Это Прометей, судьба котораго склована съ судьбами Польши. Добрые и злые духи витають вокругъ его чела, гордо поднимающагося противъ всѣхъ высшихъ силъ.

Безконечныя абстрактныя свѣрхчувственные понятія, которыми пересыпана вся поэма, дѣлають ее трудно понимаемой для не-поляка.

У заключеннаго сильнѣе всего развито патріотическое чувство. Въ этой поэмѣ Мицкевича лучше всего сказывается, насколько у поляковъ всякая общечеловѣческая идея становится узко-польской.

Благословенный Богомъ поэтъ считалъ это произведеніе лучшимъ твореніемъ своего духа, но онъ ошибался въ этомъ. Лучшимъ перломъ польской литературы является несравненный „Панъ Тадеушъ“, классически ясное и несложное произведеніе художественнаго эпоса.

Это было въ февралѣ 1834 года, когда Мицкевичъ сообщилъ своему другу Одицу, что только что окончилъ своего „Пана Тадеуша“ въ двѣнадцати пѣсняхъ. Два года проработалъ онъ надъ этимъ произведеніемъ въ такомъ блаженномъ душевномъ равновѣсіи, котораго у него уже больше никогда не было. Сначала онъ хотѣлъ написать польскую идиллію по образцу „Германа и Доротей“, но вмѣсто этого самостоятельное вдохновеніе вылилось въ лучшемъ эпосѣ, пронизанномъ національнымъ духомъ, гдѣ, словно въ зеркалѣ, отразилась польская жизнь начала XIX столѣтія.

Въ то время замрали послѣдніе аккорды польской свободы; еще свѣжо въ памяти было воспоминаніе о Тарговицѣ, о раздѣлѣ Польши; надежды на

возстановленіе королевства польскаго снова зацвѣтали въ народныхъ сердцахъ.

Страданіе, тоска, патристическія чувства, проявляющіяся въ „Панѣ Тадеушѣ“, имѣютъ специфически польскій характеръ; ко всему этому присоединяется рядъ картинокъ природы. Польскіе лѣса, сады, поля и доли правдиво и жизненно встаютъ изъ-подъ вдохновеннаго пера художника.

Здѣсь Мицкевичъ является поэтическимъ реалистомъ, что чувствовалъ и самъ поэтъ, когда писалъ, что лучшими мѣстами этой поэмы являются картины природы, затѣмъ—эскизы родныхъ градовъ и весей.

Затѣмъ онъ далъ картину жизни гостепріимнаго польскаго дворянства, которое поддерживало порядокъ въ странѣ безъ всякой полиціи, жило между собой въ вѣчныхъ раздорахъ, но уже при одномъ крикѣ „отечество“ забывало всѣ междоусобицы.

„Панъ Тадеушъ“, котораго надо читать въ оригиналѣ, чтобы почувствовать всѣ его красоты, принадлежитъ къ числу величайшихъ эпическихъ произведеній. Для современнаго историка литературы значеніе его заключается въ томъ, что „Паномъ Тадеушемъ“ Мицкевичъ создалъ національный эпосъ, имѣющійся изъ всѣхъ славянъ только у русскихъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Но въ немъ больше чувства, больше тоски, а въ обрисовкѣ общества (того важнаго времени) поэтъ является мастеромъ реалистической манеры. Отъ подобныхъ литературныхъ явленій „Панъ Тадеушъ“ отличается тонкимъ, приятнымъ юморомъ и мирными сценами (на охотѣ, во время спора объ охотничьихъ собакахъ, праздничныхъ пиршествъ и т. п.). Какъ остроумно замѣтилъ Красинскій, здѣсь самымъ неподражаемымъ образомъ „Донъ Кихотъ“ сплавляется вмѣстѣ съ „Илиадой“. Только женскіе характеры по сравненію съ мужскими обрисовываются здѣсь не такъ тонко.

Содержаніе „Пана Тадеуша“ вертится вокругъ

вражды семьи Горешко (Оржешко) къ семейству Соплицы.

Гіацинтъ (Ясекъ) Соплица проситъ руки дочери гордаго магната Горешко, но получаетъ отказъ. Изъ мести Соплица застрѣливъ его во время москальскаго набѣга и уничтожилъ такимъ образомъ послѣдній мужской отпрыскъ фамиліи Горешко.

Гіацинтъ кается и исчезаетъ. Сынъ его Тадеушъ воспитывается дядей, который заботится также объ образованіи дочери Горешко. Послѣдняя, Зося, довѣряется кокетливой Телименѣ, которая сама съ радостью привязала бы къ себѣ неопытнаго Тадеуша, проводящаго праздники дома. Графъ, вступившій во владѣніе наслѣдствомъ Горешко, подпадаетъ вліянію мятежнаго слуги покойнаго и подъ его уговорами поднимаетъ прежнюю вражду противъ Соплицы. Онъ осаждаетъ замокъ брата Гіацинта, въ чемъ ему помогаетъ мелкая шляхта. Осаждающіе опыняются легкой побѣдой, тогда приближаются русскіе, чтобы освободить замокъ; но русскіе снова терпятъ пораженіе отъ польской знати, во главѣ которой становится монахъ Робакъ. Неукротимая ненависть между поляками и русскими находитъ тоже отголосокъ въ этой поэмѣ.

Таинственной личностью является бернардинецъ Робакъ, оказывающійся въ сущности французскимъ эмиссаромъ, подготавливающимъ среди шляхты почву для возстанія противъ русскихъ. Оказывается, что монахъ, который съ такой самоотверженностью работаетъ на пользу отечества — Гіацинтъ Соплица, отецъ Тадеуша. Смертью онъ искупаетъ вину; прошлое его забыто, и Наполеонъ посылаетъ на его могилу орденъ Почетнаго Легіона. Тадеушъ сражается на чужбѣ, когда наступаетъ чреватый надеждами 1812 годъ, онъ возвращается съ Домбровскимъ въ родину, гдѣ и празднуется его обрученіе съ Зосей, благодаря чему кончается вражда между

обоими слугами враждовавшихъ домовъ—Гервазіемъ и Протасомъ.

Въ общій рисунокъ разсказа вплетается масса лицъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ современнаго шляхетства.

Послѣдніе 20 лѣтъ жизни Мицкевича являются цѣпью горя и несчастій; даже нужда стучалась въ дверь къ величайшему сыну Польши, предоставленному на милость чужеземцевъ. Онъ жилъ въ Парижѣ и Женевѣ, пока не сталъ въ 1840 году профессоромъ „Collège de France“ по кафедрѣ славянскихъ языковъ; но черезъ 4 года онъ долженъ былъ оставить эту кафедру, такъ какъ не хотѣлъ порвать съ тованизмомъ. Онъ былъ большимъ почитателемъ Наполеона III, несмотря на происшествіе 2-го декабря 1848 года; въ 1855 году онъ отправился съ политической миссіей въ Константинополь, гдѣ его и застала смерть. Онъ былъ похороненъ въ Парижѣ на Меморанси—послѣднемъ прибѣжищѣ польскихъ бѣглецовъ; въ 1890 году останки его были перевезены въ Краковъ.

Мицкевичъ былъ основателемъ литовской школы; вокругъ него вращался кружокъ меньшихъ талантовъ. Онъ самъ представлялъ изъ себя предметъ объемистыхъ изслѣдованій и является гордостью польской литературы. „Панъ Тадеушъ“ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, а на нѣмецкій даже 3 раза. Кромѣ того, политическіе взгляды Мицкевича были въ ходу еще долго послѣ его смерти, вплоть до 1863 года.

Его желаніе проникнуть подъ крышу послѣдней польской хижины давно уже исполнилось; отдѣльныя изданія сочиненій Мицкевича выдерживаютъ по сто тысячъ экземпляровъ. Лучшей иллюстраціей его популярности является трогательный разсказъ Сенкевича: сторожъ одного изъ американскихъ маяковъ, прирожденный полякъ, черезъ много лѣтъ жизни на чужбинѣ получаетъ въ руки

книгу „Панъ Тадеушъ“; онъ читаетъ ее, читаетъ—и забываетъ все на свѣтѣ, себя, окружающихъ, свои обязанности. Первый разъ въ жизни онъ забываетъ зажечь огонь на маякѣ

Юлій Словацкій (1809—1849), соперникъ Мицкевича, умеръ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано. Его отчимъ—Беку—Мицкевичъ увѣковѣчилъ въ неблагоприятномъ свѣтѣ, что повело къ длительной антипатіи между обоими поэтами. Кромѣ того, Словацкій съ самой ранней юности своей былъ недюжинно образованъ, самоуверенъ, полонъ идеальныхъ стремленій и нервозности. Не безъ основанія его сравнивали съ павлиномъ.

Главнѣйшей особенностью его поэзіи является огненная фантазія; но пестрая красочность картинъ и сила впечатлѣній очень часто затемняютъ ясность основного мотива, такъ что трактовка сюжета зачастую кажется недостаточно логически проведенной и обоснованной. Это особенно справедливо по отношенію къ тѣмъ произведеніямъ, которые написаны въ драматической формѣ; тѣмъ не менѣе Брикнеръ причисляетъ его къ первымъ славянскимъ драматургамъ. Его богатая, полная движенія фантазія работаетъ зачастую за счетъ дѣйствительности. Въ любви онъ подобенъ мимозѣ, бонитса узъ и наслажденій любви. Все, даже чужія мысли давали ему импульсъ къ творчеству, чѣмъ онъ напоминаетъ Врхлицкаго, но по сочности поэтическихъ красокъ онъ болѣе близокъ Святополку Чеху.

Вовремена его юности распространялся романтизмъ; это вполне соответствовало природнымъ даннымъ Словацкаго, который всегда считалъ себя особеннымъ талантомъ, стоящимъ много выше всѣхъ. Въ 1830 году онъ далъ выходъ своимъ антирускимъ чувствамъ, благодаря чему долженъ былъ вступить на тернистый путь эмиграціи. Влаженнымъ періодомъ его жизни было время, проведенное въ Женевѣ (1833—1836), гдѣ онъ служилъ музамъ въ

отелѣ госпожи Патей подѣ Монѣ Бланомъ; только ревность хозяйской дочки мѣшала этой дѣятельности.

Въ годы его юности Байронъ больше всего соотвѣтствовалъ его безпокойному духу. Герои его — романтическіе люди, демоны, сражающіеся со всѣмъ міромъ, переметывающіеся во вражескій лагерь, чтобы отомстить за свою оскорбленную честь. Сюжетъ онъ бралъ охотѣе изъ страны востока, изъ татарской жизни, чѣмъ изъ болѣе ему близкой обстановки. Подобный характеръ имѣетъ, напри- мѣръ, „Миндова“: великій литовскій князь принимаетъ изъ политическихъ побужденій христіанство, за что его проклинаетъ родная мать. Большой интересъ возбуждаетъ его „Марія Стюартъ“, трагедія, которая производитъ болѣе драматическое впечатлѣніе, чѣмъ одноименное произведеніе Шиллера.

Въ этой трагедіи Марія рисуется прекраснѣйшей женщиной, очаровывающей всѣхъ; хвастливому юношѣ Рицци любовь стоитъ жизни. Оскорбленная Марія влюбляется въ Вотвеля; Дарилея взрываютъ на воздухъ; Вотвель съ сообщниками спасается бѣгствомъ, когда народъ уже готовъ возстать.

Новую эпоху въ литературной дѣятельности Словацкаго образуетъ его „Кордіанъ“, рисующій польскаго патріота тридцатыхъ годовъ. Изъ этого стихотворенія и происходитъ крылатое слово: „Польша это Винкельридь народовъ“.

Важнымъ моментомъ жизни Словацкаго была его дружба съ Красинскимъ и путешествіе на востокъ, въ Палестину и Египетъ. Съ того времени онъ началъ писать произведенія, полныя символизма и страданія. Полнымъ отчаянія произведеніемъ польской литературы является его „Ангелъ“, наполняющій сердце читателя безумной болью; встрѣчающіеся въ немъ картины Сибири напоминаютъ жертвы Перона и разстраниваютъ читателя нервы.

Къ болѣе здоровымъ произведеніямъ его отно-

сится „Въ Швейцаріи“, гдѣ поэтъ пережилъ дни своей любви среди альпійскихъ гигантовъ. Тутъ все правдиво и естественно. Наиболѣе художественно законченнымъ является его „Отецъ зачумленнаго“, картина восточной покорности волѣ Аллаха. Для нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній Словацкій пользовался сюжетомъ изъ повитой легендами польской старины. Тутъ лучше всего могла развиться его способность изображенія личностей и эпохъ и богатый полетъ творческой фантазіи.

„Лила Венеда“ является собственно психологическимъ изслѣдованіемъ дѣлхъ народовъ; при этомъ Словацкій воспользовался и античнымъ хоромъ.

Венды — доброе, мирное племя, правителями котораго являются пѣвцы — чисто романтически-славянское представленіе. На нихъ нападаютъ чужеземцы-ляхи, подобно тому, какъ русскіе славяне подвергались набѣгамъ варяго-русовъ. Къ концу приведено стихотвореніе: „Къ гробу Агамемнона“, гдѣ поэтъ приводитъ слѣдующія слова: „Не будьте павлинами среди народовъ“.

Менѣе удалась ему поэма „Мазепа“, приключенія котораго описывалъ уже Пасекъ.

Насколько великъ былъ кругозоръ поэта, доказываетъ его романъ „Веньовскій“, и, хотя въ то время многіе большіе романы трактовали ту же тему, но произведеніе Словацкаго встрѣтило большое возбуденіе среди поляковъ.

Веньовскій былъ авантюристомъ, венгерскимъ магнатомъ, сражавшимся съ конфедератами, имѣвшимъ сношенія съ татарами, но пойманнымъ русскими и сосланнымъ ими въ Камчатку.

Тамъ онъ поднялъ знамя возстанія и убѣжалъ на Мадагаскаръ, туземцами котораго былъ избранъ королемъ и въ 1786 году убитъ по подстрекательству французовъ. По другой версіи онъ самъ бросился въ какой-то кратеръ.

Въ 1840 году Словацкій встрѣтился съ Мицкеви-

чемъ. Тогда имѣла мѣсто та достопамятная импровизация, послѣ которой оба поэта слились въ братскомъ объятіи. Тѣмъ не менѣе, безтактность друзей поселила между ними нелады. Въ это время духъ Словацкаго сталъ затемняться товѣанізмомъ, которому, въ концѣ-концовъ, онъ окончательно подпалъ.

Чувство и фантазія всегда имѣли у Словацкаго перевѣсъ надъ критикой и философской выработкой духа. Это особенно сказывается въ его наиболѣе значительной поэмѣ: „Круль-Духъ“.

Словацкій началъ вѣрить въ возможность непосредственнаго общенія съ Богомъ, тогда какъ прежде, въ качествѣ художника, онъ являлся богохульникомъ. По его мнѣнію, его соотечественники должны были обновиться духомъ, то есть, отъ мала до велика перевоспитаться. Въ то же время онъ увѣровалъ въ спиритизмъ и переселеніе душъ; послѣдняя мысль позднѣе пришлась по сердцу также кроату Прерадовичу.

„Круль-Духъ“ (1847 г.; 1-ая рапсодія) неудобопонятенъ для иноземца, хотя и современнымъ Словацкому полякамъ онъ тоже показался непонятнымъ. Это въ высшей степени оригинальная работа, плавающій въ крови Попель (подобіе Ивана Грознаго) уничтожаетъ всю округу; въ гвастливомъ самомнѣніи онъ даже вызываетъ на единоборство божество. Но появляется комета, предсказывающая гибель тирана.

Дружба между Красинскимъ и Словацкимъ послѣ 1843-го года нѣсколько ослабла, а впоследствии даже превратилась въ совершенно обратное чувство. Хотя, ставъ приверженцемъ Товѣанскаго, Словацкій и смягчился характеромъ, но отъ своей экзальтированности, когда онъ пренебрегалъ всякими внѣшними формами, онъ отдѣлаться не могъ. Въ 1849 году

онъ умеръ въ Парижѣ на рукахъ будущаго архіепископа варшавскаго—Феликса Фелиньскаго.

За исключеніемъ Красиньскаго, Словацкій при жизни не встрѣтилъ ни въ комъ ни полного пониманія, ни признанія. Только въ послѣднее время молодое поколѣніе признало его предтечей модернизма и въ качествѣ таковаго возвело его въ свой идеаль. И въ научныхъ кругахъ тоже возгорѣлся жестокий споръ по поводу признанія его литературнаго значенія.

Словацкій стоитъ дальше отъ своего народа, чѣмъ Мицкевичъ, хотя бы по сюжетамъ, мистицизму и склонности къ абстракціи. Мицкевичъ, и какъ поэтъ, является полякомъ, Словацкій же—космополитъ, романтикъ, спиритъ, хозяинъ въ сверхчужденныхъ сферахъ, но при этомъ—ярко выраженная личность и великій художникъ.

Словацкій обогатилъ польскую литературу большимъ количествомъ женскихъ типовъ, которые до того времени не находили въ польской литературѣ своего отраженія; даже герои ея зачастую отличаются чисто женской нервозностью.

Графъ Зигмундъ Красинскій (1812—1859). Аристократъ въ польской литературѣ, аристократъ по рожденію и духу, довольно несчастливая, но симпатичная личность, философъ въ польской литературѣ: вотъ Зигмундъ Красинскій.

Это было его глубочайшимъ убѣжденіемъ, когда онъ писалъ, что истинно-геройскій духъ надо искать не у юристовъ, купцовъ или рабочихъ, а только у дворянства и простого народа; ему принадлежить извѣстное изреченіе: „Съ польской шляхтой, польскій народъ“.

Красинскій—оригинальнѣйшее явленіе не только въ польской, но и въ міровой литературѣ. Въ его лицѣ воплотились всѣ высшія стремленія и принципы поляковъ послѣ ноябрьской революціи.

Онъ чувствовалъ за свое несчастное отечество и глядѣлъ вмѣсто него въ будущее. Его душа содрагается въ псалмахъ и молитвѣ Всевышняго въ раздирающихъ душу молитвахъ о помощи и освобожденіи. Дыханіе мистицизма сказывается въ его поэзіи. Для дѣйствительности и природы у него нѣтъ чутія. Ни пѣсни настроенія, ни картины чувственной любви не выходили изъ-подъ его пера, занятого сверхчувственнымъ познаниемъ и высшими идеалами. Поэтому онъ малодоступенъ широкимъ массамъ. Его персонажамъ, носителямъ этихъ высокихъ мыслей не хватаетъ плоти и крови, жизни и естественности; очень вѣрнымъ является сравненіе ихъ съ античными статуями. Отдѣльные мѣста его твореній производятъ впечатлѣніе колоссальной картины изъ дворца дождей въ Венеціи: въ серединѣ сидитъ Богъ—Судьба, взирающій на ходъ развитія и боренія человѣчества. Одна изъ этихъ картинъ представляетъ кровавую исторію Польши; въ то же время въ нихъ имѣются общечеловѣческія черты.

Красинскій происходилъ изъ родовитой семьи, состоявшей въ родствѣ съ королевскими родами. Въ 1830—1831 гг. онъ былъ въ Италіи съ Мицкевичемъ, на слѣдующую зиму—съ Ржевусскимъ. Весьма характерной чертой его творчества была болѣзненность, именно—унаслѣдованное отъ матери (Радзивиллы) разстройство нервовъ. Сорокатрехъ лѣтъ отъ роду онъ уже выглядѣлъ старикомъ. Неоднократно въ его жизнь врывались несчастливныя любовныя приключенія и разнища во взглядахъ съ отцомъ.

Самымъ извѣстнымъ изъ его произведеній является „Небожественная комедія“, написанная имъ на двадцать первомъ году своей жизни. Тѣмъ не менѣе, это вполне зрѣлое произведеніе; на поэтическую арену Красинскій выступаетъ уже сформировавшейся личностью. Онъ сразу сталъ въ ряды вы-

дающихся поэтовъ, но съ теченіемъ времени у него не замѣчается совершенствованія, да и муза его была не изъ многостороннихъ; онъ оставался вѣрнымъ протореннымъ путемъ; можно даже сказать, что послѣ пятидесятихъ годовъ творческая сила его ослабѣваетъ.

Въ „Небожественной комедіи“ въ сильныхъ картинахъ выводится революція и борьба двухъ великихъ идей, являемыхъ, съ одной стороны—графомъ Генрихомъ (снабженнымъ личными чертами характера автора), аристократомъ и поэтомъ, который сражается вмѣстѣ съ остатками шляхты, духовенства и народа; съ другой—Панкратіемъ, вожакомъ демократіи. Послѣдній, честолюбивый человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ и трезвымъ умомъ, жаждетъ почетной сдачи врага. Генрихъ умираетъ, но Панкратій тоже сраженъ и, умирая, видитъ въ облакахъ бѣлое видѣніе съ крестомъ въ рукахъ. Съ крикомъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ онъ испускаетъ духъ.

Въ описаніи боя чувствуется ясная печать романтизма; читателю вспоминается средневѣковая осада крѣпостей. Объясненіе этой драматической поэмы, въ особенности характеровъ обоихъ героевъ, представляетъ изъ себя большія трудности для профессиональных критиковъ. Впечатлѣніе отъ общаго совершенно неизгладимо; читатель испытываетъ такое же томительное чувство и возбужденіе, какъ и послѣ чтенія романовъ Достоевскаго.

Национальная ненависть, надъ которой торжествуетъ крестъ и очарованіе классическаго и христіанскаго Рима, анализируется въ „Ирридіонѣ“.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является грекъ, воспитанный во времена Геліогабала въ стени въ ненависти къ римлянамъ. При этомъ христіанство и только что появившійся въ немъ разладъ играютъ большую роль. Здѣсь появляется также дьявольскій

образъ античнаго Мефистофеля—Массиниссы, которому Ирридіонъ продаетъ свою душу.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія Массинисса снова пробуждаетъ Ирридіона къ жизни и ведетъ его по *via sacra* въ Римъ, гдѣ теперь форумъ весь засыпанъ соромъ и развалинами, въ Колизей—пыль и зола, а Капитолій весь загаженъ. На форумъ слить двое нищихъ—остатки римскаго народа. Такимъ образомъ, здѣсь все такъ же раздавлено и принижено, какъ и въ его Элладѣ, но, все-таки, спасено въ вѣчности. Ирридіонъ освобождается изъ подъ власти Массиниссы, но долженъ начинать жить сначала, и посылается въ страну гробовъ и крестовъ—Польшу.

Пристрастіе Красинскаго къ символизму становилось все значительнѣе. „Легенды“ живописуютъ польскихъ пилигримовъ въ Римѣ, которымъ молодой кардиналъ возвѣщаетъ рожденіе Бога. Кардиналъ становится святымъ Іоанномъ, церковь начинаетъ разваливаться; въ ней остаются исключительно папа и поляки, которые держатъ надъ главою папы облаженные мечи, чтобы защитить его, „такъ какъ, —говорятъ они,—намъ не приличествуетъ оставить старца одного“. Церковь превращается въ развалины, но святой Іоаннъ Логофетъ отвѣчаетъ на вопросъ поэта тѣмъ, что Богъ зачтетъ мертвымъ оказаніе ими послѣдней почести старцу. И въ этой поэмѣ тоже встрѣчаются картины увлекательной мощи и красоты.

Послѣ сороковыхъ годовъ на Красинскомъ начинается замѣчательное вліяніе любви и гегелевской философіи.

Когда пѣвецъ воспѣвалъ „Предзакатные часы“, онъ былъ уже почти во власти мессіанизма. Идеалистъ по натурѣ, онъ смотрѣлъ на прошлое Польши именно съ этой точки зрѣнія. И на небо онъ хотѣлъ взойти благороднымъ дворяниномъ. Польша, вождь всѣхъ народовъ, должна сначала внутренно

очиститься и обновиться, отбросивъ отъ себя все нехристіанское, безчеловѣчное, послѣ чего въ будущемъ она получитъ свободу безъ всякаго кровопролитія. Но не только Европа—все чело́вѣчество должно воспринять истинно христіанскій духъ. Раздѣломъ Польши прегрѣшили противъ основныхъ принциповъ христіанства.

Въ концѣ концовъ, Красинскій становится псаломѣвцемъ своего народа. Онъ предсказываетъ имъ, къ чему поведетъ подготавливаемый государственный переворотъ. И страшное дѣло! Словацкій, его бывший единомышленникъ, отвѣчаетъ автору „Трехъ псалмовъ“, представителю шляхетства, ѣдкими замѣчаніями.

Послѣ „Псалма добраго желанія“, 1848 года и „Неоконченнаго стихотворенія“, 1851 г., Красинскій написалъ очень мало; его слабое тѣло не могло выдержать тѣхъ сверхчеловѣческихъ чувствъ, которыя обуревали его во время творчества.

Возвышенные принципы, плавный стиль и философскій духъ Красинскаго дѣлаютъ его необыкновеннымъ явленіемъ въ поэзіи, которая, по его взглядамъ, должна обнимать собой все чело́вѣчество. Какъ и у русскихъ романтистовъ, въ особенности у философа Толстого, у котораго выше всего ставится дѣятельная любовь, но никакъ не ненависть.

Когда Массинисса требуетъ грека Ирридіона къ себѣ, такъ какъ онъ жилъ въ пустынѣ и ненавидѣлъ Римъ, то ангелъ отвѣчаетъ ему: „О, господинъ, онъ мой, такъ какъ онъ любилъ Грецію. Возстань, о сынъ Греціи, и виждь! По свидѣтельству Корнелія, по молитвѣ Корнелія ты спасенъ, такъ какъ любилъ Грецію. Въ полночь иди во имя Христова—иди и не останавливайся, пока не придеши въ страну мольбы и крестовъ“.

По взглядамъ Мицкевича, Польша явилась невинной искупительницей чужихъ грѣховъ, почему народъ могъ сказать себѣ: „Мы ни въ чемъ не пре-

грѣшили, и намъ нечего исправлять“. Но Красинскій исходитъ изъ другого принципа: „обезпеченіе будущаго счастья заключается во взаимной любви и старательной работѣ, во имя Христова!“

Интересъ къ польскимъ дѣламъ въ Европѣ. Мало по малу въ Европѣ и славянскомъ мірѣ стали обращать вниманіе на польскую литературу; поводомъ къ этому было возстаніе 1830 года, которому симпатизировали всѣ передовые умы запада.

Во власти русской бюрократіи они видѣли воплощеніе тиранніи и реакціи, подъ гнетомъ которой они сами стонали въ Германіи, Италіи и Франціи. Въ Германіи принимали такое горячее участіе въ польскихъ дѣлахъ, что даже самъ Мицкевичъ посвятилъ „Книги паломничества благородному нѣмецкому народу“.

Нѣкоторые нѣмецкіе писатели рѣшительно встали на сторону Польши. Глубокій Ленау пѣлъ „Польскія пѣсни“; Платенъ былъ имъ преданъ душой и тѣломъ; Генрихъ Лаубе писалъ „Новое столѣтіе“, Мозенъ черпалъ сюжеты для своей поэмы „Послѣдній десятокъ изъ четвертаго полка“ изъ польской жизни.

Французы въ усмиреніи Польши видѣли паденіе политической свободы; эмигранты лично сносились съ Викторомъ Гюго, Беранже, Лапрандомъ, Жоржъ Зандъ, Ламенэ, который даже заимствовалъ у эмигрантовъ форму мистическаго воодушевленія и прославлялъ Польшу въ гимназахъ; Монталамберъ перевелъ „Книги польскаго паломничества“ на французскій языкъ.

Такъ же, какъ „молодая Германія“, поколѣнія юныхъ чешскихъ поэтовъ было въ тридцатыхъ годахъ всей душой на сторонѣ поляковъ. Среди чеховъ многіе лично знали Галицію, какъ Цашъ (его жена была полячка), Риттербергъ и Кубекъ. Въ Словакии среди кружка поэта Штура польская революція вызвала такое возбудженіе, что сѣмилѣтній

дающійся словацкій поэтъ Само Халупка всталъ добровольцемъ въ ряды повстанцевъ, причѣмъ былъ раненъ.

Но когда появилось „Объединеніе“ Коллара, чехи въ сороковыхъ годахъ вернулись къ „матери Славян“. На славянскомъ конгрессѣ 1848 года принимали участіе также и поляки.

Неоромантики шестидесятыхъ годовъ снова встали на сторону поляковъ, и даже въ 1863 году мнѣнія о польскомъ возстаніи были главными причинами, раздѣлявшими богемцевъ на два политическихъ лагеря. Старо-чехи по многимъ основаніямъ не одобряли возстанія, тогда какъ младочехи въ „Народни листи“, такъ же, какъ и студенчество, боготворили эмигрантовъ.

Даже на славянскомъ югѣ замѣтно вліяніе польской эмиграціи. Нѣкоторые изъ членовъ тайнаго союза были послѣ 1830 года сосланы въ Лайбахъ, гдѣ они обратили вниманіе Прешерна на Мицкевича. Тотъ даже писалъ Врацу, что отъ него можно было бы ждать лучшаго перевода твореній великаго польскаго поэта. Сильный полякъ Корытко отблагодарилъ словенцевъ тѣмъ, что собралъ ихъ на родныя пѣсни.

Въ Россіи даже Пушкинъ перевелъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Мицкевича. Но когда въ 1831 г. появились „Бородинскій бой“, самодовольное, задорное стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“ и направленное противъ поляковъ „Хвастливый полякъ и вѣрный россиянинъ“, огорченный Мицкевичъ въ предисловіи къ третьей части „Дядювъ“ разразился упреками по адресу „московскихъ друзей“ и задѣлъ Пушкина, который „продать свою душу за любовь царя“. Пушкинъ отыѣтилъ почти пророческимъ предвѣдѣніемъ грядущаго душевнаго разстройства своего бывшаго друга:

„О, Боже, возврати мнѣ его разстроенной душой!“

30 ВОЗРОЖДЕНІЕ ЧЕШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

III.

Возрожденіе чешской письменности.

Въ „возрожденіи“ чешскаго народа принимали участіе, кромѣ тѣхъ принциповъ и обстоятельствъ, которые обновили польское общество и оказали воздѣйствіе на литературу, еще и многія другія условія.

30-лѣтняя война въ корнѣ подорвала какъ матеріальное благосостояніе, такъ и культуру чеховъ; лучшіе и богатѣйшіе сыны этого народа должны были спастись бѣгствомъ на чужбину; новое дворянство не было въ странѣ своимъ; католицизмъ, за немногими исключеніями, не имѣлъ никакого вліянія на народное образованіе, правительство старалось его германизировать, а одинъ изъ прибудныхъ съ чужбины дворянчиковъ, незнакомый съ историческими традиціями народа, даже закрылъ въ 1749 году богемо-австрійскую канцелярію.

Народъ стоялъ подъ жестокимъ игомъ, но чешскій языкъ продолжалъ жить въ деревнѣ, среди крестьянъ и той части интеллигенціи, которая произошла отъ нихъ. Города были нѣмецкими, хотя и существовала разница между тѣми, которые находились въ нѣмецкихъ мѣстностяхъ, и находившимися въ мѣстностяхъ богемскихъ.

Гнетъ германизации вызвалъ противодѣйствіе; реформы императора Іосифа II повлекли за собой большую свободу религіозной совѣсти и гражданственности; изъ Франціи доносились отголоски новыхъ идей.

Мало по малу и въ Австріи тоже сознавали важность второго провинціального нарѣчія для Богеміи и Моравіи. Пишутся сочиненія, защищающія право богемскихъ нарѣчій на самостоятельность, указывается на ихъ практическую важность, воспоминается литературное ихъ прошлое.

Количество сочиненій подобнаго рода все увеличивалось; даже военные и дворянскіе круги признавали важность богемскихъ нарѣчій. Разумѣется, за небольшимъ исключеніемъ, дворянство стояло въ сторонѣ отъ литературы, но въ 1790 году, когда въ сороковыхъ и въ концѣ шестидесятихъ годовъ дворянство, по крайней мѣрѣ въ своей консервативной части, связало свои интересы съ судьбами богемцевъ, и стало имъ моральной опорой.

Нельзя обойти молчаніемъ вліяніе церкви и школы. Чешское духовенство проповѣдывало въ церквахъ на народномъ языкѣ. Въ концѣ XVIII столѣтія текстъ библіи былъ пересмотрѣнъ, и изученіе его положило начало славистикѣ.

Чешскіе патріоты, въ особенности духовенство, были классически образованы и хорошо знали нѣмецкій языкъ; они тщательно выбирали тѣ литературныя произведенія, которыя могли обезпечить народу полезное чтеніе. Перепечатывались книги „Золотого Вѣка“ (хроники, географическія описанія); кромѣ того, патріоты заботились также и о культурѣ народнаго языка, писали грамматики, альманахи и драматическія произведенія. Каждое слово, каждое стихотвореніе, хотя бы для пониманія его и требовался нѣмецкій пересказъ, встрѣчались съ большимъ сочувствіемъ.

„Королевское ученое общество“ стало научнымъ центромъ; въ эту эпоху оно было самымъ знаменитымъ обществомъ средней Европы; чехи и нѣмцы, связанные общимъ стремленіемъ къ распространенію и насажденію образованія, братски подавали здѣсь руки другъ другу. Многіе члены принадлежали къ числу бывшихъ іезуитовъ.

Очень большое значеніе имѣла, кромѣ того, школа. Дѣло австрійскаго народнаго образованія было упорядочено прусскимъ выходцемъ—Фельбгеромъ. Хотя богемское правительство охотно сдѣлало бы школы орудіемъ германизации, но истин-

ния потребности помѣшали проведенію этого плана въ жизнь. Въ народныхъ школахъ чешскій учитель долженъ былъ преподавать по-чешски, а въ эпоху наполеоновскихъ войнъ у правительства не было времени заняться преслѣдованіемъ языка и литературы своихъ подданныхъ.

Эпоха богемскаго возрожденія носить на себѣ ученый характеръ. Многіе писали по-нѣмецки, но занимались дѣлами богемской короны. Какъ только чехи почувствовали, что давленіе сверху нѣсколько ослабло они ревностно принялись за свой родной языкъ.

Съ 1793 года въ университетѣ открывается кафедра чешскаго языка; по счастью, ученне находилось въ хорошихъ отношеніяхъ съ знатію, на которую вліяли благотворно.

Между учеными того времени выдается фигура экс-іезуита, аббата Добровскаго, критическаго отпавшика, чловѣка высокообразованнаго, уважаемаго выдающимися умами Европы.

Его произведенія являются неистощимымъ кладомъ для исторіи славистики. Любимецъ аристократическихъ кружковъ, аббатъ сдѣлалъ старославянский языкъ объектомъ своего изученія, стѣдствиемъ чего явились знаменитыя „Institutiones“. Добровскій былъ знаткомъ славистики во всемъ ея тогдашнемъ объемѣ; вездѣ онъ брался за первоисточники и прежде всего принялся изслѣдовать чешскій языкъ. Его грамматика сдѣлалась образцовой для грамматикъ прочихъ странъ, такъ какъ, благодаря ревностной пропагандѣ Ганки, она была переведена и на другіе языки. Добровскій написалъ классическое произведеніе „Исторія богемской литературы“, составилъ словарь, издавалъ всевозможныя періодическія изданія, изслѣдовалъ и опубликовалъ старыя чешскія легенды.

Къ концу XVIII столѣтія изученіе чешскихъ хроникъ, древностей, библіографій и проч. давало

поводъ къ частымъ спорамъ. Добровскій былъ выдающимся явленіемъ, истиннымъ патриотомъ, хотя онъ никогда не писалъ по чешски и даже не вѣрилъ въ чешскую будущность. Онъ тоже принималъ участіе въ спорѣ по поводу чешскаго стихосложенія, вызвавшемъ большое движеніе среди патриотовъ, подобно возгорѣвшемуся въ 20-хъ годахъ враженію за „у“ и „і“, напоминающему, въ свою очередь, борьбу сербскаго новатора Вука съ приверженцами старой школы, или разногласіе среди польскаго общества по поводу классицизма и романтизма.

Подобные споры хотъ и обостряли иногда отношенія, но зато сосредоточивали на себѣ общее вниманіе и влекли за собой болѣе глубокое изученіе предмета.

При разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ Добровскій являлся компетентнымъ лицомъ, такъ какъ дѣйствительно обладалъ яснымъ взглядомъ; онъ основалъ свою собственную школу. Ганка старался провести въ жизнь Богеміи его принципы; но къ критическому духу Добровскаго ближе стоялъ болѣе энергичный, хотъ и задорный Копитаръ въ Вѣнѣ, руководившій младшимъ поколѣніемъ славистовъ.

Копитаръ сдѣлалъ въ 30-хъ годахъ Вѣну (гдѣ еще раньше появился цѣнный журналъ Громадько) важнымъ центромъ славистики.

Копитаръ имѣлъ громадѣйшее вліяніе на Добровскаго и Вука Караджича. Онъ занимался преимуществу написанными глаголицей памятниками письменности (которые Добровскій не зналъ) и высказалъ предположеніе, что церковно-славянский языкъ былъ языкомъ древнихъ словенцевъ. Но когда онъ заподозрилъ подлинность краледворской и зеленоторской рукописей, то между ними, Палацкимъ и Шафаржикомъ возгорѣлся жестокий споръ.

Тѣмъ временемъ въ Богеміи расцвѣла плеяда исторіи славянск. литературы, ч. II. 2

поэтовъ и прозаиковъ, которые были важнѣе читающему міру, чѣмъ четырехтомная грамматика. Сначала приходилось бороться съ ужасными трудностями; языкъ былъ особенно неприспособленъ для версификаціи, но и эта звуковая грубость уступила ихъ настойчивому труду надъ языкомъ. Появились талантливые люди, подобно Шухмайеру, басни и стихотворенія котораго удержались въ народной памяти цѣлыхъ сто лѣтъ.

Рядомъ съ нимъ на сцену выступили другіе грациозныя языки, которые обоюдно называли другъ друга Гораціемъ, Овидіемъ, Пиндаромъ или Виргиліемъ, читали произведенія другъ друга, хвалили и восторгались всѣмъ чешскимъ.

Нѣкоторые стихотворенія читались съ истиннымъ воодушевленіемъ по всей Богеміи; ихъ списывали, декламировали, чѣмъ повсемѣстно разбрасывались искры патріотическаго чувства.

Многіе изъ этихъ, въ сущности довольно незначительныхъ, поэтовъ знали польскую литературу; въ большинствѣ случаевъ это были священники, которые вдохновлялись идеями славизма. Объ имѣвшихъ длительное значеніе художественныхъ произведеніяхъ того времени не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи. Но для развитія литературы они имѣли громадное значеніе.

Достопримѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ двадцатыхъ годовъ былъ генералъ Здиразъ Полякъ, написавшій въ молодости большое стихотвореніе о „Величіи природы“, въ которомъ впервые живописалъ и возвеличивалъ природу, по призыву нѣмецкаго поэта Клейста и англійскаго Галлера. Онъ—утилитаристъ; его поэтический талантъ еще болѣе проявляется въ описаніи Италіи, откуда онъ писалъ подъ шумъ битвы и барабанный бой очень интересныя письма своему почитателю Циглеру.

Кромѣ поэзии, интересъ къ чешской литературѣ

будили также и прозаическія произведенія, которыя съ жадностью глотались народомъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ Крамерій, содержатель типографіи. О немъ можно сказать, что онъ явился во время и вполне выполнилъ свое предназначеніе. Издаваемую имъ газету онъ по большей части наполнялъ цѣлымъ самъ; кромѣ того, онъ составлялъ календари, всевозможныя практическія книги, а также и всевозможныя рассказы съ страшнымъ содержаніемъ, рыцарскіе романы, разбойничьи и любовныя приключенія, которыя онъ обыкновенно передѣлывалъ или переводилъ съ нѣмецкаго. Его календари съ рассказами „на случай“ были дѣятельнѣйшими распространителями патріотической общности въ самыхъ отдаленныхъ богемскихъ мѣстностяхъ. При этомъ онъ пользовался образцовымъ языкомъ, такъ что его стиль вошелъ въ поговорку и служилъ для позднѣйшихъ поколѣній образцомъ. Его книги переиздаются и по сіе время и пользуются въ народѣ большою популярностью.

Прозаическая литература имѣетъ всегда серьезный, поучительный характеръ, но неизмѣнно патріотична.

Но и о чешской сценѣ мы не можемъ не упомянуть здѣсь.

Если театральныя представленія чеховъ и не имѣютъ художественнаго значенія, то въ то время они во всякомъ случаѣ отвѣчали своей задачѣ. Изъ нѣмецкихъ драматурговъ большое одобреніе вызывалъ Коцебу и Иффландъ; кромѣ того, переводили также и классиковъ. Для пражцевъ было особенно важно хотя бы ужъ то, что вообще играли на ихъ національномъ языкѣ. Актеры и зрители составляли ядро чешскаго общества, имѣвшаго, кромѣ того, и вообще литературное чутье. На протяженіи всего XIX столѣтія сцена сохраняетъ для сельскаго населенія свое громадное національное значеніе.

Въ это время перваго расцвѣта національной поэзіи громадное значеніе имѣло открытіе рукописей старыхъ поэмъ. Въ 1818 году Ганка обнаружилъ Краледворскую рукопись; въ это же время какими-то тайными путями въ Прагу попала Зеленогорская рукопись, сдѣлавшаяся достояніемъ только что учрежденнаго въ то время подъ эгидой графа Штернберга чешскаго музея.

Въ то время средневѣковая и народная поэмы вошли въ большую моду, и содержаніе обихъ рукописей, заключающихъ въ себѣ много эпическихъ стихотвореній и пѣсенъ, отвѣчало этому теченію.

Онѣ относились къ древней исторіи Богеміи, и отзвуки легендарныхъ сказаній смѣшивались въ нихъ съ историческими фактами, имѣвшими мѣсто въ Оттавѣ и Хрубѣ Скала; въ особенности подробно трактуется побѣда Ярослава Штернберга надъ татарами у Гоштейна, о чемъ исторія совершенно молчитъ. Что въ этой рукописи такъ возвеличивается членъ могущественной въ то время фамиліи Штернберговъ, совершенно неудивительно, особенно если припомнить, что открылъ эту рукопись будущій бібліотекарь музея — Ганка, совершившій цѣлый рядъ поддѣлокъ и даже поставившій чехамъ старыхъ боговъ. Относительно графовъ Штернберговъ въ то время была цѣлая литература.

Кромѣ того, въ Краледворской рукописи было много лирическихъ стихотвореній въ народномъ духѣ.

Картину еще болѣе древняго времени являетъ Зеленогорская рукопись, — истинный памятникъ древне-славянскаго права. Легендарная княгиня Богеміи — Либужа, разсуживаетъ спорящихъ братьевъ, но, будучи опозоренной старшимъ изъ нихъ, отказывается отъ трона.

Такимъ образомъ, у чеховъ вдругъ оказались такіе литературные произведенія, которыя говорили о свободной, высокоразвитой культурѣ, и которыя

они смѣло могли поставить рядомъ съ пѣснями Нибелунговъ, Словомъ о полку Игоревѣ, Киршой Даниловымъ и сербскимъ богатырскимъ эпосомъ. Это преисполнило сердца ихъ гордостью, такъ какъ даже Гёте высказалъ интересъ къ этимъ пѣснямъ, адмиралъ Шишковъ, президентъ Императорской академіи наукъ перевелъ ихъ на русскій языкъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени онѣ были переведены на всѣ языки. По старинному складу и необычной формѣ эти „рукописи“ напоминали сербскія пѣсни или русскія былины. Онѣ стали святынями древне-чешской письменности и образовали собой родъ Палладіума и лексикона древнечешской науки.

Литература, языкъ, культура — все брало ихъ своей исходной точкой; историческія изысканія прямо опирались на нихъ; для науки изъ этого образовалось нѣчто вроде „Circulus vitiosus“, изъ котораго она смогла вырваться не ранѣе восьмидесятихъ годовъ.

Образованный богемецъ притѣплялся сердцемъ своимъ къ этимъ пергаментнымъ свиткамъ, къ этому святому наслѣдію отцовъ, національному евангелію, и общенародный гнѣвъ грозилъ тому, кто дерзалъ усумниться въ подлинности этихъ „Рукописей“.

Добровскій немедленно же высказался противъ Зеленогорской рукописи — но только черезъ полстолѣтіе послѣ его смерти это было зачтено ему въ заслугу. Копитаръ оставилъ послѣ себя до сихъ поръ плохую память, такъ же какъ и преждевременно скончавшійся гениальный Фейфаликъ, а когда въ восьмидесятыхъ годахъ профессоръ Гебауеръ въ компаніи съ Мазурикомъ подняли голоса противъ подлинности „Рукописей“, то старое поколѣніе, разумѣется, не могло такъ сразу отдѣлаться отъ воссавшагося въ плоть и кровь убѣжденія.

Автора рукописей нельзя, разумеется, определить съ математической точностью; но едва-ли ошибается тотъ, кто назоветъ имъ Ганку. Мнѣ лично удалось установить, что рукопись попала къ Ганкѣ черезъ одного изъ свидѣтелей на его свадьбѣ.

Но, несмотря на поддѣлку, авторъ „рукописей“ и тотъ, кто ихъ „открылъ“, оказали большую услугу національному самосознанію Богеміи, такъ какъ онѣ произвели такое глубокое впечатлѣніе, съ которымъ можетъ сравниться развѣ революція 1848 г. Защитники подлинности „рукописей“ увидѣли себя вынужденными заняться тщательнымъ изслѣдованіемъ прошлаго, такъ что „рукописи“ и съ этой стороны дали хорошіе плоды.

Въ силу этого, для оцѣнки добраго намѣренія автора этихъ рукописей необходимо принять во вниманіе самые благодатные результаты; онѣ хорошо выполнили свою задачу.

Научная литература того времени можетъ, за исключеніемъ уже перечисленныхъ именъ, похвастаться еще нѣсколькими личностями, значительность которыхъ встрѣтила всеобщее признаніе. Въ другихъ литературахъ научная письменность строго разграничивается съ художественной, но въ чешской и сербо-кroatской и ученые находятъ свое вполне заслуженное мѣсто въ качествѣ проводниковъ новыхъ руководящихъ идей, оплодотворявшихъ письменность, и людей, имѣвшихъ выдающееся значеніе для возрожденія народа.

Въ Богеміи бывали образованные люди, которые въ юности сами проходили чрезъ горнило поэтическаго вдохновенія, а потомъ вступали въ число борцовъ за стихосложеніе и переводили иностранныхъ поэтовъ. Это можно сказать, главнымъ образомъ, о знаменитой троицѣ: Юнгманѣ, „тихомъ гени“; Фр. Паладкѣ, „отцѣ чешскаго народа“, и прославленномъ изслѣдователѣ старины—Шафаржикѣ. Къ нимъ присоединились и другіе, какъ, напри-

мѣръ, Ганка, „открывшій“ Краледворскую рукопись и основательный знатокъ средневѣковой старины—Небескій.

Іосифъ Юнгманъ былъ сначала профессоромъ въ Лейтмерицѣ, потомъ—директоромъ академической гимназіи въ Прагѣ. Своими переводами изъ Шатобріана, Мильтона и нѣмецкихъ поэтовъ онъ обратилъ вниманіе чеховъ на всевозможныя теченія въ западной литературѣ. Кроме того, онъ былъ хорошо знакомъ съ славянской и, особенно, съ русской письменностью.

Какъ неутомимый работякъ съ желѣзнымъ терпѣніемъ и выдержкой, онъ лично укрѣпилъ куполь чешскаго возрожденія многими капитальными колоннами. Его онтологія съ правилами искусства стихосложенія имѣла для того времени громадное значеніе, а значеніе его исторіи литературы и связанной съ нею библиографіи сохраняется и по сіе время. (Изъ послѣдователей его особенно выдается Іосифъ Гиречекъ). Но нерукотворный памятникъ воздвигъ себѣ Юнгманъ своимъ колоссальнымъ словаремъ, къ которому приложены примѣры изъ всей литературы, чѣмъ онъ положилъ прочное основаніе новому литературному языку, только-только выкристаллизовавшемуся въ то время. Что въ другихъ мѣстахъ дѣлалось въ теченіе десятковъ лѣтъ цѣлыми академіями, то здѣсь являлось результатомъ работы одного человѣка, заслужившаго себѣ этимъ къ концу своей жизни всеобщее уваженіе.

Что касается вліянія, то въ этомъ отношеніи на недостигаемой высотѣ стоитъ моравскій протестантъ Францъ Паладкій. По желанію богемской аристократіи, съ которой онъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, онъ написалъ исторію Богеміи, которую довелъ вплоть до 1526 года, то есть—до начала Габсбургской династіи.

Первоначально исторія эта была написана на нѣмецки, но потомъ переведена имъ самимъ на

чешский языкъ. Въ ней онъ открылъ Богемію ея прошлое; въ некоторыхъ частяхъ ея, напримѣръ, древнѣйшаго періода, онъ вообще коснулся впервые; любимой эпохой его былъ гусситизмъ съ Іоанномъ Гусомъ во главѣ, къ которому онъ возвращался неоднократно количество разъ.

Палацкій былъ тонкой, эстетически-развитой натурой съ широкимъ кругозоромъ, критическимъ изслѣдователемъ, глядящимъ въ будущее, имѣвшимъ истинное представленіе о дѣйствительныхъ потребностяхъ и запросахъ своего народа. Онъ сталъ во главѣ чешскаго возрожденія, такъ какъ Богемія ожила для политической жизни; но въ этомъ отношеніи ему не посчастливилось. Онъ редактировалъ „Журналъ Музея“, основалъ чешскую Матицу (общество для изданія научныхъ трудовъ), поддерживалъ своего зятя Ригера при изданіи имъ большого словаря, положилъ основаніе союзу „Святоборъ“, поставившему себѣ задачей помогать бѣднымъ писателямъ и даже заботился о національномъ театрѣ; несмотря на многостороннюю самоотверженную дѣятельность, онъ нерѣдко бывалъ жертвой черной неблагодарности.

Наряду со своей большой исторіей, Палацкій писалъ рядъ монографій изъ чешской исторіи, издавалъ важнѣйшіе памятники чешской и латинской письменности, занимался разрѣшеніемъ этическихъ и философскихъ задачъ и оставилъ міру также свой дневникъ. Такъ какъ онъ воспитался на лучшихъ произведеніяхъ богемской литературы, то писалъ яснымъ классическимъ стилемъ, столь же привлекательнымъ, какъ и его четкій, прекрасный почеркъ, напоминавшій литографію.

Его всеобъемлющая, всесторонняя и плодотворная дѣятельность можетъ быть сравнена только съ дѣятельностью кроата Рачки, который, благодаря своимъ историческимъ трудамъ является родственной Палацкому душой.

Палацкій никогда не былъ профессоромъ университета; однимъ изъ его сотрудниковъ былъ знаменитый Вацлавъ Владивой Томекъ, Несторъ чешскихъ историковъ, написавшій такую исторію города Праги, подобной которой можетъ похвастаться еще развѣ только Римъ. Переводы историческихъ трудовъ Палацкаго дѣлались частью Томекомъ, частью—министромъ Резекомъ. Основателемъ новой исторической школы былъ профессоръ Голль.

Слѣдующей внушающей уваженіе личностью за Палацкимъ можно поставить словака Шафаржика, который въ своей юности отдавался поэтическому вдохновенію и былъ друженъ съ Палацкимъ. Онъ учился въ Іенѣ и былъ директоромъ гимназій въ Неузацѣ (Венгрія), гдѣ познакомился съ южно-славянской литературой, принялся изучать ее и собирать различныя рукописи; вслѣдствіе этого онъ основательно познакомился съ южно-славянской письменностью.

Когда почва въ Неузацѣ стала для него слишкомъ горячей, то онъ послѣдовалъ приглашенію Палацкаго и переехалъ въ Прагу, не имѣя, однако, въ виду какого-либо хлѣбнаго мѣста.

Сдѣлавшимъ эпоху трудомъ Шафаржика являются его „Славянскія древности“, произведеніе повсемѣстно признанное очень важнымъ и переведенное на русскій, польскій и нѣмецкій языки.

Въ Прагѣ Шафаржикъ занимался, главнымъ образомъ, чешской литературой и грамматикой. Такъ какъ онъ подумывалъ о диссертациі, то написалъ „Славянскую этнографію“ и организовалъ кафедры славистики въ Берлинѣ и Вресьлавѣ. Въ Германіи для этой отрасли науки кафедру учредили ранѣе Австріи.

Шафаржикъ и Палацкій были въ числѣ первыхъ сочленовъ Императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ; первому изъ нихъ грамматика Миклошича обязана своимъ появленіемъ въ печати. Въ послѣднее время

онъ занимался древней славянской литературой, ея родиной и вопросом о происхожденіи глаголицы и кириллицы. Такимъ образомъ, онъ отчасти служилъ чехамъ, а отчасти—сербамъ, и все-таки въ сущности—всему славянству. Своей жизнью и идеальной дѣятельностью Шафаржикъ даетъ истинный образъ благороднаго патріота, жертвующаго даже насущнымъ хлѣбомъ за дѣло своей совѣсти; несмотря на неопредѣленность матеріальнаго положенія, ожидавшую его и его большую супругу въ Прагѣ, онъ посвятилъ себя наукѣ съ такой любовью и преданностью, на которую могли быть способны только люди, отдавшіеся во времена возрожденія служенію великой идеи. Такъ работали изъ однихъ моральныхъ побужденій эти „пробудители“ національнаго самосознанія надъ подъемомъ духовной жизни ихъ народа.

Къ людямъ, которымъ пришлось поплатиться злѣйшей нуждой за свою преданность общеславянской идеѣ, во которые, тѣмъ не менѣе, неуклонно шли къ намѣченной цѣли, принадлежитъ первый истинный поэтъ Богеміи—Ярославъ Челяковскій.

Нѣкоторое время онъ былъ профессоромъ бреславльскаго университета; по натурѣ онъ былъ очень воспримчивъ къ литературнымъ теченіямъ иностранцевъ, хотя и подходилъ къ нимъ съ критическимъ чутьемъ. Въ позднѣйшее время онъ углубился въ изученіе славистики, хотя еще ранѣе погружался въ красоту славянской поэзіи.

Челяковскій переводилъ изъ Гете („Сестры“) и одѣвалъ русскія или сербскія пѣсни въ чешскія одежды, причемъ не стиралъ переводомъ аромата ихъ поэзіи, первоначальный характеръ, стиль. По его балладамъ и стихотвореніямъ можно узнать въ немъ поэта Вожьей милостью; онъ были переложены также на музыку и раздавались по всей Богеміи тамъ, гдѣ проснулось національное чувство. Вѣдкія эпиграммы Лессинга побуждали его самого къ самостоятель-

нымъ шуточнымъ стихамъ, въ которыхъ онъ проявляется во всей своей самобытности, и которые иногда достигаютъ высочайшаго сарказма; съ равной ѣдкостью послѣ него могъ писать только Карль Гаваличекъ, который вслѣдствіе непримиримой оппозиціи противъ системы Ваха былъ сосланъ въ концѣ концовъ въ Вриксенъ (Тироль). Плодомъ этой ссылки были тирольскія элегіи, которыя извѣстны такъ же, какъ и его „Крещеніе святаго Владимира“.

Лучшимъ произведеніемъ Челяковскаго является сборникъ его стихотвореній „Центифолій“, въ немъ поэтическихъ перловъ, въ которыхъ жизнь отражается съ всевозможнѣйшихъ точекъ зрѣнія и на которомъ „Westöstliche Divan“ оставилъ замѣтный слѣдъ.

Челяковскій собралъ цѣлую массу славянскихъ поговорокъ, въ которыхъ тогда усматривали самобытную народную мудрость.

И Челяковскаго тоже преслѣдовалъ въ жизни злой рокъ. Пламенный поклонникъ Россіи, онъ мечталъ посѣтить „Святую Русь“; его совѣтъ уже было намѣтили въ профессора университета или, по крайней мѣрѣ, въ бібліотекари академіи наукъ, когда его, въ качествѣ редактора правительственной газеты въ Прагѣ, постигла неудача, явившаяся слѣдствіемъ неосторожности: онъ раскритиковалъ отвѣтъ Царя польскимъ выборнымъ. Вслѣдствіе представленія русскаго посланника въ Вѣнѣ его смѣстили, и онъ съ семьей впалъ въ жестокую бѣдность. Только послѣ сороковыхъ годовъ его положеніе облегчилось, когда онъ получилъ приглашеніе въ бреславльскій университетъ, гдѣ работалъ также и Пуркиней.

Метеоромъ засверкалъ на славянскомъ поэтическомъ небосводѣ тридцатыхъ годовъ Гинекъ Маха, который слишкомъ рано умеръ. Это былъ романтикъ чистой воды, вослѣвавшій старыя брѣвности, под-

земелья, луну и любовь. Онъ является представителемъ чешскаго байронизма, при этомъ — пламеннымъ поклонникомъ польской литературы, Грильпарцера и Шиллера.

Положительно поразительный успѣхъ и необыкновенное влияние на литературу, какъ ни одинъ поэтъ до или послѣ него, имѣлъ Янъ Колларъ со своей философско-историческо-политическо-славянской эпопеей „Дочь Славянъ“, поэтическое предисловіе которой въ двадцатыхъ годахъ очаровало и захватило рѣшительно всѣхъ.

Извѣстный инициаторъ „славянскаго объединенія“, словакскій протестантскій пасторъ въ Будапештѣ, затронулъ въ первыхъ трехъ пѣсняхъ неслыханныя до него струны.

Но хотя отдѣльные сонеты и имѣютъ длительную цѣнность, и если эта объемистая работа по своему выдающемуся значенію и достойна особо-почетнаго мѣста, все же нельзя не замѣтить, что Коллару трудновато было владѣть литературнымъ языкомъ. Не музы, а феи (вилы) и русалки стояли у его колыбели.

Первыя три пѣсни, къ которымъ Колларъ позднѣе, къ сожалѣнію, присоединилъ еще двѣ, остаются, во всякомъ случаѣ, большимъ національнымъ памятникомъ, хотя авторъ мѣстами и впадаетъ въ высокопарный, поучительный проповѣдничскій тонъ и преслѣдуетъ идейныя цѣли за счетъ чисто-художественныхъ. Колларъ нагромождаетъ здѣсь столько учености, что позднѣе самъ видитъ себя вынужденнымъ написать въ объясненіе объемистую книгу, полную научныхъ примѣровъ.

Все произведение, образцомъ которому служила „Божественная Комедія“ Данте, раздѣляется на предисловіе, написанное гекзаметромъ, и пять пѣсень, составленныхъ изъ цикловыхъ сонетовъ. Какъ Беатриче Данте, такъ и Милка, дочь пастора въ Лобдѣ ведетъ поэта въ тѣ мѣстности Германіи, гдѣ

когда-то жили славяне. Взглядъ на жизнь славянъ въ мѣстахъ прежняго жительства на Эльбѣ, Заалѣ, Молдавѣ, Рейнѣ и Дунаѣ — своеобразно чему озаглавлены первыя три пѣсни — вдохновляетъ автора на настоящее прославленіе славянской братской любви и миролюбія въ противоположность воинственности закоренныхъ нѣмцевъ.

Милка ведетъ его на славянское небо — Лету, гдѣ царитъ мать Славян со своими дочерьми. Здѣсь онъ привѣтствуетъ всѣхъ выдающихся славянскихъ талантовъ и даже людей другихъ національностей, которые хорошо относились къ славянамъ, какъ: Гриммъ, Гердера, Аделунга, Шлепера, Гёте и пр. На „Ахеронѣ“ онъ ссылаетъ всѣхъ враговъ и предателей-сыновъ Славянъ.

Выходъ въ свѣтъ этого произведенія былъ встрѣченъ взрывомъ восторга по всему славянскому міру.

Если Колларъ и не былъ прирожденнымъ поэтомъ, то онъ былъ зато замѣчательнымъ ораторомъ, что доказываетъ изданное собраніе его проповѣдей.

Кромѣ того, онъ занимался также собираніемъ народныхъ пѣсень; какъ этнографъ, такъ же, какъ и педагогъ, онъ до сихъ поръ еще не оцѣненъ по достоинству.

Наоборотъ, въ качествѣ изслѣдователя старины онъ совершилъ крупную ошибку, отыскивая происхожденіе „Славянъ“ въ Индіи и относя мѣстожительство славянъ къ Италіи. Онъ даже предпринялъ поѣздку съ научной цѣлью по Италіи, плодомъ которой была „Древнеславянская Италія“, опубликованная вѣнской академіей, и, тѣмъ не менее, ошибочная, какъ и его археологическія открытія. Онъ сдѣлался основателемъ собственной школы историковъ, которые искали славянъ по ту сторону Рейна, въ Швейцаріи и Италіи.

Несмотря на тяжелыя условія, Колларъ без-

страшно дѣйствовалъ въ качествѣ вождя словаковъ въ Пештѣ; онъ умѣлъ заступиться съ перомъ въ рукахъ за свои убѣжденія и хотѣлъ улучшить положеніе словаковъ сообразно своимъ основнымъ взглядамъ, которые высказалъ въ 1849 году, когда былъ вызванъ въ Вѣну въ качествѣ уполномоченнаго правительствомъ лица по словацкимъ дѣламъ.

Еще до сихъ поръ вѣнецъ славы окружаетъ чело автора „Дочери Славян“, который личнымъ и литературнымъ воздѣйствіемъ проложилъ дорогу славянской идеѣ и объединенію.

Больше всего его вліяніе сказалося у словаковъ и чеховъ.

IV.

Начатки словенской литературы.

Реформація распространила свои основоположенія на народномъ языкѣ; противники реформаціи считали эти книги и были вынуждены дать что-либо взамѣнъ.

Такимъ образомъ, появились нѣкоторые книжки религіознаго содержанія, но мы можемъ совершенно безошибочно сказать, что въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, собственно говоря, еще не было словенской литературы. Только въ концѣ XVIII и у половины XIX вѣка начинается зарождаться словенская литература, связанная съ именами Водника и Прешерна.

Въ особенности у Водника было громадное чутье къ тому, какихъ именно книгъ не хватало простымъ людямъ. Это былъ прежде всего практикъ, переведшій на словенскій языкъ даже поваренную книгу и руководство для повивальныхъ бабокъ. Наряду съ грамматикой онъ посвящалъ себя поэзіи; въ народной пѣснѣ онъ видѣлъ идеалъ поэзіи. Хотя онъ съ самаго начала впалъ въ ошибку, усмотрѣвъ въ четверостишіи, бывшемъ въ Оберкрайнѣ въ ходу

по нѣмецкому образцу, природный размѣръ народной поэзіи, но всеякомъ случаѣ ясно, что для словенской поэзіи это оказалось болѣе подходящимъ, чѣмъ древнеклассическій размѣръ.

Онъ умѣлъ усвоить себѣ не только народную форму, но и духъ народныхъ пѣсень. Первое собраніе его стихотвореній появилось въ 1806 году, но лучшія его стихотворенія приходятся на послѣдующее время, когда угрожавшая со стороны французовъ опасность вызвала его, въ подражаніе Коллинзу, на рядъ воинственныхъ пѣсень.

Когда французы заняли Крайну и обезпечили словенцамъ известную свободу, а Водника назначили главнымъ инспекторомъ словенскихъ школъ, то онъ примирился съ французскимъ господствомъ и написалъ въ 1811 году на словенскомъ и латинскомъ языкѣ „Illyria rediviva“, гдѣ воспѣвалъ свою родину и Наполеона.

Но эта симпатія къ французамъ дорого стоила Воднику. Когда Иллирія была снова присоединена къ Австріи, то Водника уволили въ отставку съ нѣсколькими гульденами пенсіи, которой не было достаточно даже на его необходимѣйшія житейскія потребности; ударъ освободилъ его въ 1819 году отъ жизни полной горя и нужды.

Водникъ пользовался для своихъ произведеній въ большинствѣ случаевъ сюжетами изъ окружающаго его узкаго быта его отечества; онъ воспѣвалъ радости и страданія жизни, которыя постигаютъ всякаго человѣка, и проявлялъ при этомъ жизнерадостный юморъ, не покидавшій его даже тогда, когда его давила бѣдность.

Хотя Водникъ и облекалъ свои мысли въ стихотворную форму, но при этомъ онъ не обладалъ ни художественнымъ подъемомъ, ни искрящейся красотой рѣчи. За нимъ остается та заслуга, что онъ былъ первымъ словенскимъ поэтомъ, давшимъ стихи въ народномъ духѣ.

Мало по малу словенцы выросли до національнаго самосознанія. Извѣстный литературный центръ образовалъ баронъ Жига Соизъ (Зойзъ), бывший въ дружбѣ съ Водникомъ и Копитаромъ, написавшій въ 1808 году свою грамматику и пославшій полное чрезвычайнаго значенія письмо Добровскому.

Грамматикѣ писались у словенцевъ одна за другою, но истинная литература находилась еще въ періодѣ дѣтства; къ тому же и правописаніе было въ ужасающемъ состояніи, чего не испытывали грамматиксты.

Филологически правильно установилъ нормы языка вѣнскій славистъ Копитаръ, вызвавшій этимъ жестокую азбучную войну. Его теорія, что церковнославянскій языкъ былъ предтечею теперешняго словенскаго, долгое время наполняла сердца интеллигенціи гордымъ самосознаніемъ, которое еще усилилось послѣ Лайбахскаго конгресса 1821 года, когда пышность и могущество русскаго царя и его свиты явились имъ во всемъ своемъ великолѣпіи.

Послѣ смерти Водника въ литературѣ наступила десятилѣтняя пауза; только въ тридцатыхъ годахъ была сдѣлана робкая попытка издать небольшой „Альманахъ музъ“, для котораго нѣсколько словенскихъ энтузіастовъ доставили статьи. Главное мѣсто въ этомъ альманахѣ занялъ Францъ Прешернь (1800—1849), первый истинный поэтъ словенцевъ. Первые стихотворенія его были вызваны юлой, но несчастливою любовью къ Юліи Приницъ, его ученицѣ. Въ ней Прешернь нашелъ свою Лауру, которую воспѣлъ въ сладкихъ тонахъ. Вѣнецъ его сонетовъ принадлежитъ къ числу лучшихъ украшеній словенской литературы. Бурно вздымавшіеся валы этой любви не изгладились и въ позднѣйшія времена.

Въ Прешернѣ мѣстная патріотическая школа нашла своего вожака, тогда какъ другіе, обучав-

шіеся въ Грацкомъ университетѣ, стояли за идею иллиризма. Онъ оставался вѣрнымъ своему народу, хотя ему и приходилось бороться съ величайшими трудностями, въ особенности, что касалось языка, мало приспособленнаго въ то время для поэтической выразительности. Но его истинно поэтической духъ поборолъ все препоны; онъ разорвалъ узкія рамки утилитаризма, сковывавшаго до сихъ поръ свободный полетъ фантазіи, раздвинулъ горизонты творчества, въ то время обыкновенно не считавшагося съ иностранными вліяніями и ограничивавшагося подражаніемъ народной пѣснѣ. Альманахъ „Чбелница“ (Пчела) впервые имѣлъ въ виду образованную часть населенія и вознесся надъ прежнимъ уровнемъ, ограничивавшемся служеніемъ полезному.

Юные мечтатели работали также и по-нѣмецки; такъ же, какъ и въ письменныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, они пользовались нѣмецкимъ языкомъ, а иногда даже самъ Прешернь прилагалъ къ своимъ стихотвореніямъ ихъ нѣмецкій переводъ. Вполнѣ естественно, слѣдовательно, что къ началу эпохи своей дѣятельности онъ находился подъ особеннымъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Онъ переводилъ Бюргера, Кернера. Въ нѣкоторыхъ балладахъ и романсахъ онъ отдавался современному романтическому теченію. Нѣсколько особнякомъ стоитъ его лирико-эпическое стихотвореніе „Крещеніе на Савицѣ“, посвященное его талантливому другу Чопу, утонувшему въ Савѣ. Въ остальномъ же Прешернь является ярко выраженнымъ лирикомъ.

Это былъ человѣкъ, шедшій впереди своего вѣка и стоявшій много выше послѣдняго по своему духовному круговору. Мелкія житейскія дѣлишки, недостатокъ счастья, борьба за существованіе затерли этого человѣка, духъ котораго былъ созданъ для великихъ дѣлъ. Его родная деревенька Врба была той свѣтлой точкой, къ которой страстно тянуло

переносившаго жестока испытанія поэта, и которую онъ постоянно воспѣвалъ.

Но кромѣ пронизанныхъ глубокимъ чувствомъ стихотвореній, онъ выдѣлся также своими боевыми эпиграммами, по которымъ можно судить, насколько болѣзненно и какъ проникновенно Прешеръ оцѣнивалъ ограниченность своего времени. Онъ не пощадилъ въ нихъ и всемогущаго цензора—грамматика Копитара; иллирійское движеніе никогда не встрѣчало въ немъ пржеверженца.

Хотя значеніе его въ полной мѣрѣ долго не было оцѣнено по достоинству, но еще при жизни онъ былъ признанъ Челюковскимъ, внимательно слѣдившимъ за его дѣятельностью. Только въ 1866 году онъ былъ критически и этически освѣщенъ и оцѣненъ въ изданномъ Стритаромъ собраніи его сочиненій.

Стихотворенія его были переведены на русскій, чешскій и неоднократно на нѣмецкій языки. Другомъ и ученикомъ его былъ Анастасій Грюнь.

Для словенцевъ Прешеръ важенъ во многихъ отношеніяхъ. Не только потому, что онъ первый нашелъ истинную поэтическую форму для выраженія своихъ мыслей и чувствъ, но и потому, что онъ первый показалъ путь къ всевозможнымъ поэтическимъ формамъ, чѣмъ открылъ дорогу послѣдующимъ поколѣніямъ.

Столѣтній юбилей его былъ блестяще отпразднованъ. Но и до сихъ поръ словенцы исходятъ въ поэзіи отъ Прешерна и несмотря на нѣкоторыя отклоненія, въ концѣ концовъ, неизмѣнно возвращаются къ тому духу, который съ такой наглядностью отражается въ его стихотвореніяхъ.

V.

Иллиризмъ.

Кроаты съ древнихъ временъ занимались литературой на Кварнерійскихъ островахъ и прилежащихъ

береговыхъ полосахъ, пользуясь для письма глаголицей. На ряду съ этимъ для прославленія Бога и святыхъ Его они пользовались латинскими письменами, и даже провинціальнымъ діалектомъ.

Зачатки новой кроатской литературы приходятся только на 1835—1836 годы, но пробужденіе славянскаго самосознанія достигаетъ у нихъ уже конца XVIII столѣтія; вся эволюція указываетъ на сходства съ возрожденіемъ Богеміи.

И здѣсь тоже мощными пружинами развитію народнаго самосознанія были западныя идеи свободы и политическія обстоятельства, такъ какъ кроаты составляли самостоятельную часть короны св. Стефана. Какъ и у чеховъ, германизаціонныя попытки Іосифа II натолкнулись у мадяровъ на сопротивленіе. Мадьяры защищали свое національное „status quo“ противъ исходящихъ изъ Вѣны стремленій къ централизаци и германизаци, но на кроатовъ они производили такое же давленіе, которое испытывали сами изъ Вѣны. Это вызвало въ Кроатіи національное движеніе.

Вначалѣ дворянство стояло за то, чтобы официальнымъ языкомъ былъ латинскій, такъ какъ боялись потери своихъ правъ и перехода власти въ руки народа; но позднѣе графъ Дражковичъ (1770—1856) бывшій въ Парижѣ свидѣтелемъ зарожденія новыхъ идей, всталъ во главѣ національнаго движенія.

Кроатское общество получало нѣмецкое образованіе, но оно не могло такъ легко приспособить иностранныя произведенія къ своему духу, какъ это имѣло мѣсто въ Богеміи. То тутъ, то тамъ встрѣчались дословные переводы съ иностранныхъ литературъ, но самыя сильныя теченія (Оссіанъ, Байронъ, нѣмецкіе классики) не встрѣтили въ кроатской литературѣ такого отраженія, какъ у богемцевъ или поляковъ; даже въ сборникахъ народныхъ пѣсень кроаты не могли идти въ сравненіе съ сербами. Въ

нѣмецкихъ классикахъ они видѣли скорѣе романтиковъ.

Зарождавшаяся національная жизнь получила сознательное опредѣленное направление только благодаря Людовику Гаю. Въ качествѣ ученика Коллара онъ изъ Пешта вынесъ знакомство съ методою чешскихъ патріотовъ и успѣхами Вука.

Докторъ Людовикъ Гай (1809—1872), бывшій официальнымъ агентомъ Меттерниха и впоследствии состоявшій на мадьярской службѣ, не былъ плодовитымъ писателемъ самъ, но являлся великодушнымъ организаторомъ въ духѣ илиризма, поддерживаемого графомъ Дражковичемъ.

Типографія Гаю была великодушнѣйшимъ средствомъ для распространенія его взглядовъ. Когда Гай получилъ отъ меттерниховскаго правительства разрѣшеніе на изданіе газеты, то въ 1835 году онъ сталъ печатать „Новине Хорвацке“ и „Данице Хорвацка, Славонска и Далматинска“; въ нихъ онъ обслуживаетъ своихъ единоплеменниковъ, кроатовъ. Литературное приложеніе указывало на подражаніе пражскимъ образцамъ. Но уже въ слѣдующемъ году онъ измѣнилъ заголовокъ на „Иллирске народна новине“, съ приложеніемъ—„Даница илирска“.

Здѣсь впервые всплываетъ официально имя „илирійскій“, которое прилагается затѣмъ къ самому движенію.

Оно происходило отъ древняго народа илирійцевъ, которые въ свое время жили въ этой мѣстности, нынѣ заселенной южными славянами. Школа Коллара видѣла въ нихъ славянъ. Такимъ образомъ было воспринято прежнее стремленіе къ литературному объединенію южныхъ славянъ, которое отказывалось отъ мѣстныхъ нарѣчій для литературнаго языка, которымъ избрали звучное, развѣтвленное южное нарѣчіе, введенное въ литературу Вукомъ. Это кладетъ краеугольный камень въ

исторію южнославянскихъ литературъ. Съ объединеннымъ именемъ „илирійскій народъ“ и „илирійскій языкъ“, южныхъ славянъ объединила и взаимная любовь въ духѣ Коллара. Илиризмъ былъ благороднымъ звономъ, связывавшимъ кроатовъ, сербовъ и даже словенцовъ, а послѣ усвоенія аналогичнаго чешскому правописанія, они стали ближе и доступнѣе чехамъ.

Самъ Шафарикъ одобрилъ въ 1838 году въ своемъ „Западѣ и востокѣ“ это движеніе; онъ надеялся, что на кроатскомъ и вендскомъ (словенскомъ) нарѣчіяхъ можно будетъ издавать книги для народа, но все-таки стоялъ за объединеніе различныхъ илирійскихъ развѣтвленій общимъ литературнымъ языкомъ.

Въ 1843 году названіе „илирійскій“ было запрещено австрійскимъ правительствомъ; но этимъ нельзя было подавить господствовавшего движенія. Въмѣсто названія „илирійскій“ было введено „южно-славянскій“; позднѣе академія и университеты пользовались этимъ названіемъ.

Такимъ образомъ, „южные славяне“ стали называться „илирійцами“. Но введеніе новаго объединеннаго языка шло не безъ столкновений и насмѣшекъ. Кроаты, говорившіе на кайкавскомъ діалектѣ, должны были сначала научиться благозвучному южному нарѣчію; стиль и языкъ доставляли аграмцамъ немало трудностей; но и сербы нѣсколько, хотя и незначительно, удалились отъ своего гармоничнаго діалекта и стали въ извѣстномъ смыслѣ провинціалами; къ тому же сначала сербы не хотѣли соглашаться на то, чтобы кроаты пользовались ихъ языкомъ.

Главной побуждательной силой кроатскаго возрожденія была общеславянская идея, сношенія съ другими славянскими народами, которая особенно культивировалъ словенецъ Станко Враць (1810—1851). Его „Коло“ образовало собой научный и

художественный центръ для новыхъ вѣяній. Важнымъ моментомъ этого періода было основаніе „Матица илirsка“ въ 1842 году, процвѣтающая и до сихъ поръ и съ 1864 по 1867 годъ издававшая интересный журналъ „Книжевникъ“, вѣчто вродѣ журнала-музея, которому наследовала южно-славянская академія своими журналами „Радъ“, „Старине“ и „Монумена“.

Литературное движеніе имѣло большую поддержку въ сельскохозяйственныхъ союзахъ, основанныхъ словакомъ епископомъ Гавликомъ, и въ „читальныхъ залахъ“, выписывавшихъ славянскія повременныя изданія. Въ своихъ клубахъ южные славяне пользовались роднымъ языкомъ.

Колларъ разразился градомъ похвалъ, когда по дорогѣ въ Италію зашелъ въ „Читальницу“.

Кромѣ того, женщины - патриотки образовали союзъ, и самъ графъ Дражковичъ написалъ въ 1838 году „Слово къ мужественнымъ дочерямъ Илиріи, по поводу древней исторіи и регенераціи ихъ отечества“. Хотя это произведеніе и было написано по-нѣмцки, но въ самомъ непродолжительномъ времени его перевели на чешскій языкъ.

Съ начала сороковыхъ годовъ систематическая работа ведется на всѣхъ фронтахъ, какъ журналистическимъ, такъ и политическимъ путемъ. Раздались воодушевленные національные гимны, направленные противъ мадьяръ, готовились событія 1848 года, въ которыхъ такую замѣтную роль сыграли Бланичъ и Кукулевичъ. Илирійское движеніе выиграло въ политической остротѣ, когда повдиге литература стала ближе къ политикѣ.

Подобно Богеміи, и на югѣ ученые сыграли выдающуюся роль въ регенераціи народа. Нѣкоторые изъ нихъ выдающимся образомъ работали въ пользу этой идеи, какъ напримѣръ, Кукулевичъ-Сакцинскій, такъ что въ исторіи кроатской литературы ихъ нельзя обойти молчаніемъ.

Илиризмъ былъ національнымъ движеніемъ, а слѣдовательно—дѣломъ чувства, почему онъ и оставилъ самые замѣтные слѣды въ лирикѣ. „Илирійцы“—типическое названіе для тѣхъ патриотовъ, которые пережили сороковые года—основали родъ своей школы съ яснымъ славянскимъ отпечаткомъ, къ которой причислялись также и лучшіе кроатскіе поэты, какъ Мажураничъ и Прерадовичъ; послѣдній между ними Трискій; Фра Грго Мартичъ умеръ во время солнечнаго затмѣнія 1905 года; докторъ Ильяшевичъ умеръ весьма недавно въ глубокой старости. Будучи девятидесятилетнимъ старикомъ послѣдній еще издалъ собраніе стихотвореній патриотическаго и сатирическаго содержанія; главной чертой илирійцевъ была пламенная любовь къ отечеству, которая проявлялась съ южной пылкостью и искала путей въ сатирическихъ или правоучительныхъ поэмалъ.

Иванъ фонъ-Трискій, теперь президентъ кроатскаго союза писателей, родился въ 1819 году; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые уже съ тридцатыхъ годовъ дѣйствовали въ духѣ Гаа; временами высокочтимый старецъ беретъ и теперь за перо и пишетъ стихотворенія. Онъ долженъ быть признанъ первымъ явнымъ талантомъ того времени. По рожденію—словакъ, онъ освободилъ поэтический языкъ отъ всѣхъ прежнихъ грубостей. Онъ былъ и для Прерадовича стилистическимъ авторитетомъ и исправлялъ его стихотворенія въ этомъ отношеніи. Онъ заслуженный эклектикъ; его эластическій умъ умѣлъ избрать изъ иностранныхъ литературъ лучшіе плоды для перевода; такъ перевелъ онъ, между прочимъ, „Евгенія Ояѣгина“ и „Колоколъ“ Шиллера.

Въ лирику онъ любилъ пользоваться народными мотивами, чему онъ отчасти обязанъ своей популярностью. Въ послѣднее время его лира звучала

на каждый важный случай, какъ напримѣръ, въ четырехсотлѣтнему юбилею Марко Марулича.

Иванъ Мажураничъ (1813—1890) былъ классически образованнымъ человекомъ, имѣвшимъ тонкое чутье къ народной поэзіи. Изъ его интереса къ этому роду поэзіи проистекла его эпическая поэма „Смерть Смаилага Ченгичъ“, переведенная на всевозможные языки и даже изданная глаголицей. Это произведеніе, въ которомъ прославляется геройскій духъ Рай и которое базируется на главной мысли: „Бойся того, кто привыкъ идти на смерть безстрашно“, обезпечиваетъ ему долгую славу, хотя въ общемъ Мажураничъ и не плодovitъ. Сюжетъ для этой, написанной въ духѣ эпическихъ богатырскихъ пѣсень, поэмы, взятъ изъ черногорской исторіи и опирается на историческій фактъ. Въ 1836 г. Ченгичъ-Ага заманилъ въ засаду триста молодыхъ черногорцевъ, за что соплеменники послѣднихъ отомстили ему, когда Ага задумалъ увеличить налоги.

Поэма раздѣляется на пять пѣсень, среди которыхъ особенно выдѣляется третья красотой языка и мѣткостью характеристикъ. Въ Агованіи поэтъ изображаетъ, какъ застигнутые врасплохъ морачане, заманенные Смаиль-Агой въ засаду, безстрашно идутъ на вѣрную смерть. Турокъ Дуракъ, который тоже обрекается имъ на смерть, предостерегаетъ предателя-Агу отъ мести черногорцевъ. Сынъ Дурака, Новица, во второй части отправляется въ Цетинье и возбуждаетъ черногорцевъ къ мести Ченгичъ-Агѣ. Кучка храбрыхъ черногорцевъ предлагаетъ ему свою помощь, выступаютъ лагеремъ для отдыха. Съдой пастухъ-священникъ ободряетъ ихъ въ предпріятіи, утѣшаетъ и напоминаетъ, что въ бой надо идти съ чистой совѣстью. Между ними появляется Новица, который принимаетъ святое крещеніе. Всѣ готовятъ ся къ бою, причащаясь. Въ четвертой пѣснѣ поэтъ

набрасываетъ картину страданій, испытываемыхъ райянами, на которыхъ Смаиль Ага накладываетъ непосильную дань. Его пламенное желаніе быть воспѣтымъ получаетъ довольно нелюбезное осуществленіе, когда Баукъ высмѣиваетъ его въ пѣснѣ. Вдругъ на Смаиль Агу нападаютъ черногорцы, и въ этомъ бою падаетъ сраженнымъ на смерть какъ Ага, такъ и Новица. Но наказаніе Смаиль Аги еще не кончилось. Въ послѣдней части рисуется участь мертваго Аги, который отдается на народное позорище.

Въ 1844 году Мажураничъ окончилъ „Османа“ Гундулича двумя пѣснями, въ 1848 году онъ написалъ достопримѣчательную брошюру „Кроаты мадырама“.

Пѣлхъ семь лѣтъ онъ былъ кроатскимъ баномъ.

Его односельчанинъ изъ Себенице, Николо Томасео, тоже южно-славянскій поэтъ и авторъ „Искрице“, былъ въ 1848—1849 годахъ товарищемъ послѣдняго дожа, Манина, и въ качествѣ полиисторика, въ особенности же—эстета и историка литературы, заслужилъ большую извѣстность.

Онъ совершенно отдавался итальянской поэзіи, проявля въ ней большую дѣятельность, но и славянамъ онъ оказалъ услугу своими „Canti popolari Slavi“ (1842 г.). Онъ, Ленартовичъ и Конте Поцца служили посредниками между итальянцами и славянскимъ міромъ, а Поцца (Пуцичъ) стоялъ во главѣ славянско-илирійскаго движенія, перебрасываясь даже и на Рагузу.

Томасео чувствовалъ вмѣстѣ съ славянами, онъ самъ сознавалъ, что его мать говорила по-славянски, и изъ всѣхъ его произведеній видно, что онъ былъ на сторонѣ илирійскихъ идей. Въ Италіи славянскіе языки изучали въ особенности далматскіе итальянцы, занимавшіеся переводами съ этихъ языковъ. Кромѣ того, польская интеллигенція въ Рамѣ заботилась о переводахъ съ польскаго языка;

самое дешевое изданіе сочиненій Сенкевича появилось на итальянскомъ языкѣ.

Петръ Прерадовичъ (1818—1872 г.) происходилъ изъ семьи военныхъ и посвятилъ себя военному дѣлу, причемъ почти забылъ кроатскій языкъ. Еще находясь въ военной академіи, онъ уже писалъ стихи, но на вѣмеккомъ языкѣ. Гарнизонъ его находился по преимуществу въ Италіи, но въ своемъ полку онъ снова научился родному языку, такъ что въ 1844 году, когда въ рангъ оберъ-лейтенанта онъ прибылъ въ Зару, онъ могъ уже редактировать газету „Зоря Далматинска“ и напечатать вдохновенное стихотвореніе: „Уже блеситъ заря, день близокъ“.

Въ исторіи австрійской военщины онъ представляетъ изъ себя исключительное явленіе. Хотя Прерадовичъ и былъ непредвидѣнно переведенъ въ Пештъ, но всю свою жизнь онъ оставался явнымъ кроатомъ. Онъ умеръ въ 1872 году въ генеральскомъ чинѣ, а въ 1879 году останки его были перевезены въ Аграмъ, гдѣ онъ и опочилъ, согласно своему желанію, въ родной землѣ.

Подъ солдатскимъ мундиромъ у него билось настоящее поэтическое сердце; Прерадовичъ умѣлъ поднять духъ своихъ соотечественниковъ, такъ что среди нихъ онъ до сихъ поръ считается величайшимъ поэтомъ.

Въ его патріотическихъ пѣсняхъ звучитъ тоска по родинѣ, что особенно вылилось въ пламенныхъ словахъ его оды къ отечеству. На всѣхъ стихотвореніяхъ его лежитъ далекій отъ ходульнаго поэты отпечатокъ искренняго страданія челоуѣка, принужденнаго жить на чужбинѣ, вдалекѣ отъ своего отечества. Какъ и свое отечество, Прерадовичъ любилъ всѣхъ славянъ; на груди у Славянъ достаточно мѣста для всѣхъ дѣтей. Въ благородномъ соревнованіи съ Колларомъ онъ написалъ захватывающую оду къ славянству (1865). Прерадовичъ однако являет-

ся болѣе значительнымъ поэтомъ, чѣмъ философствующій Колларъ, оплакивающій кладбище славянства. Но есть у нихъ общая черта—это та гуманность, которая обезпечитъ славянамъ мировую будущность, если они вырвутъ изъ сердецъ свое единодушіе.

„Твои геніи преодолеваютъ послѣднія чары сна, чтобы скоро проснуться и взглянуть въ лицо чудному дню, которому вмѣсто солнца свѣтитъ любовь“,— пророчески воскликнулъ Прерадовичъ.

И здѣсь, слѣдовательно, выражается покорность судьбѣ и надежда на будущее, что настанетъ то время, когда славянство объединится въ одно царство, въ которомъ будетъ царить одна только любовь; царство, предсказанное Святымъ Писаніемъ.

Мысль, что любовью на землѣ насадится рай, отражается въ одѣ „Любовь“, украшеніи кроатской литературы. Изъ нея видно, насколько Прерадовичъ вѣрилъ французскому спиритизму, который училъ, что тѣло уничтожается, но душа, освобожденная отъ воспоминаній о прошломъ, продолжаетъ жить далѣе. Въ этомъ стихотвореніи, какъ и въ одѣ „Къ Богу“, гдѣ онъ мѣряется силой съ Державинымъ, далѣе—въ „Смерти“, „Старый каменьщикъ“, сказывается глубокой философскій умъ Прерадовича, воспитанный на вѣмеккой мудрости и въ умѣренномъ пафосѣ парящій надъ повседневностью.

Наряду съ этимъ, онъ неоднократно обращался и къ восточному міру, чтобы, напримѣръ, въ „Муэдзинѣ“ высказать старую истину „вѣчно только измѣненіе“. Но больше всего удастся Прерадовичу творчество въ духъ южно-славянскихъ пѣсень.

Насколько очаровательное впечатлѣніе производятъ его подраженія народнымъ пѣснямъ, написанныя дѣльными стихами, можно судить изъ слѣдующаго примѣра:

Средь листьевъ щебечетъ птичка,
Средь листьевъ у синя-моря,

Синя-моря, океана:

„Вотъ летѣть мнѣ черезъ море

„Цѣлыхъ три дня и три ночи,

„Гдѣ же это мнѣ осилить?“

А дѣвица слышитъ щебетъ,

Слышитъ щебетъ и поетъ ей:

„Ой, останься здѣсь ты, птичка,

„Птичка, маленькая птаха!“

„Вѣдь не встрѣтишь ни сучечка

„На далекомъ синемъ морѣ.

„Слишкомъ слабы твои крылья,

„Чтобъ три дня и всѣ три ночи

„Пролетѣть не отдыхал!“

Птичка слышитъ пѣснь дѣвицы,

И дѣвицѣ отвѣчаетъ:

„Иль не видишь небосводъ ты,

„Что повисъ надъ синимъ моремъ?

„Коль любви устанутъ крылья,

„Для нея опора—небо!“

Марко Краевичъ то же привлекалъ его къ драматической обработкѣ. Очень удалась ему его эпическія поэмы. Въ прежнее время его поэзія встрѣчала отголосокъ и у поляковъ, которые хотѣли видѣть въ немъ приверженца мессіанскихъ идей.

Во всякомъ случаѣ Прерадовичъ принадлежитъ въ славянской литературѣ къ звѣздамъ второй величины, почти какъ Прешернъ и Цейлеръ, но въ кroatской литературѣ ему принадлежитъ первое мѣсто.

Почетное мѣсто въ кругу иллирицевъ занимаетъ также и Станко Враць (1810—1851), прирожденный словенецъ. Онъ былъ родомъ изъ окрестностей Луттенбурга, откуда происходили выдающіеся славы Миклошичъ и Ягичъ.

Станко Враць былъ въ перепискѣ со многими славянскими учеными и позднѣе писалъ на велико-сербскомъ чешскомъ языкѣ обзоръ южно-славян-

скихъ литературъ для „Вѣстника Музея“. Онъ находился подъ большимъ влияніемъ, хоть и болѣе молодого годами, но болѣе зрѣлаго духомъ Миклошича. Поэта въ немъ разбудилъ Людовитъ Гай, который сумѣлъ настолько воспламенить его къ иллиризму, что въ 1838 году Враць переселился изъ Граца въ Аграмъ, гдѣ посвятилъ себя одной только литературѣ. Вообще, весь грацскій кружокъ питалъ симпатіи къ иллирійскому движенію, которое укрѣпляло самосознаніе объединенныхъ славянъ, тогда какъ украинцы издавна были сепаратистами.

Словенцы обязаны ему собраніемъ ихъ народныхъ пѣсень (1839), которыя онъ собралъ изъ всѣхъ концовъ Словеніи и издалъ въ качествѣ первой книги, написанной по новому чешско-кroatскому правописанію. Въ Богеміи онъ встрѣтилъ откликъ у Челяковского; кромѣ того, онъ написалъ стихотвореніе къ эрцгерцогу Іоанну.

Станко Враць старался, кромѣ того, увлечь словенца Прешерна идеей иллиризма, но это ему не удалось.

Въ отношеніи поэтического вдохновенія и плодотворности онъ могъ бы, пожалуй, перешагнуть самого Прерадовича, если бы далъ развиваться своему таланту, такъ какъ онъ былъ прирожденнымъ поэтомъ.

Словенецъ Станко Враць былъ въ духовномъ отношеніи самымъ живымъ послѣдователемъ иллиризма.

Иллиризмъ внесъ новыя идеи въ кroatскую литературу, но еще болѣе сдѣлалъ онъ въ національномъ и политическомъ отношеніяхъ. У словенцевъ же онъ, наоборотъ, вызвалъ литературный застой.

VI.

Словенская литература послѣ Прешерна.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, прежде чѣмъ словенская литература смогла дать такого поэта,

котораго можно было бы поставить рядомъ съ Прешерномъ. Въ послѣднее время письменность ихъ развивается самымъ отраднѣмъ образомъ, и въ этомъ отношеніи словенцы опередили кроатовъ.

Важной исходной точкой для литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ была „Новице“, издававшаяся съ 1843 года въ Лайбахѣ подъ редакціей „отца націй“ доктора И. Влейвейса (1808—1881).

Посвященная первоначально потребностямъ сельскаго населенія, затѣмъ—образовательная, газета эта тѣмъ болѣе стала отвѣчать своей задачѣ, когда Влейвейсъ догадался пригласить въ сотрудники поэтовъ. Первымъ поэтомъ этого времени былъ Везель Козескій (1798 — 1884); онъ былъ очень плодотворенъ и умѣлъ патріотическими пѣснями дѣйствовать на народное самосознаніе. Будучи очень популярнымъ въ свое время, онъ пользовался преувеличенной славой.

Свѣжее дыханье, пронизавшее въ 1848 году національную и политическую жизнь словенцевъ, кроатовъ и чеховъ, вызвало у словенцевъ появленіе многихъ періодическихъ изданій, которыя тѣмъ не менѣе, долго не удержались.

Истиннымъ пробудителемъ народнаго самосознанія былъ епископъ А. М. Сломжекъ (1800—1862), который приималъ самыя подходящія средства, чтобы поднять свой народъ. Великолѣпный проповѣдникъ и разсказчикъ, онъ старался, какъ истинный народный писатель, дѣйствовать на народъ нравственными и поучительными произведениями. Онъ проявилъ себя великолѣпнѣйшимъ педагогомъ и прославился основаніемъ союза святого Гермагора, писанія котораго находили доступъ подъ кровлей самаго послѣдняго изъ словенцевъ.

Совершенно въ сторонѣ отъ національнаго дви-

женія дѣйствовалъ Фр. Миклошичъ, профессоръ славистики въюскаго университета, европейски-извѣстный ученый.

Кромѣ четырехтомной славянской грамматики и важныхъ словарей, онъ издалъ въ свѣтъ важныя паннонскія легенды и памятники древнеславянской письменности.

Въ силу необычайной широты его духовнаго кругозора, было очень трудно провѣрять его изслѣдованія, но каждая отдѣльная фраза являлась плодомъ долголѣтняго размышленія. Миклошичъ не допускалъ перерывовъ въ своей литературной работѣ ради полемики или привлеченія учениковъ; онъ былъ до глубины души кабинетнымъ ученымъ—славистомъ, который однако въ своихъ научныхъ изысканіяхъ не избѣгалъ и мадьяровъ, румыновъ, грековъ и албанцевъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ Клагенбургъ былъ важнымъ поэтическимъ центромъ. Тамъ Янежичъ (1825—1869) объединилъ въ своемъ изданіи старое и молодое поколѣніе поэтовъ. Среди его сотрудниковъ особенно выдѣлялся одаренный критическимъ чутьемъ Фр. Левстикъ (1831—1887), названный словенскимъ Лессингомъ; строгій къ другимъ, какъ и къ самому себѣ, онъ своей тонкой прозой, а порой и сарказмами наводилъ литераторовъ на правильный путь. Большое сочувствіе вызвало изданіе имъ своихъ дѣтскихъ пѣсенокъ, а своимъ разсказомъ „Мартинъ Крпанъ“ онъ вызвалъ новое направленіе въ литературу, такъ какъ писатели стали теперь пользоваться для своихъ произведеній сюжетами изъ сельской жизни и жизни провинціальныя городковъ.

Въ этомъ отношеніи выдается И. Юрчичъ (1844—1881), создавшій типъ мужика, воспринятый имъ естественно и сильно. Его читали очень охотно; онъ обладалъ такимъ даромъ живого

изображенія, что два его романа были недавно инсценированы и съ успѣхомъ исполнены на сценѣ.

Среди послѣдующихъ дѣятелей выдаются Керзинъ (1852—1897) и докторъ Тавчаръ (1851).

Новымъ сборнымъ пунктомъ въ семидесятыхъ годахъ стала Вѣна, гдѣ профессоръ Стритаръ издавалъ газету „Звонъ“, которая теперь уже давно выходитъ въ свѣтъ въ Лайбахѣ. Воспитанный на западно-европейской литературѣ, Стритаръ извѣстенъ, какъ почитатель нѣмецкой философіи. Свою литературную карьеру онъ началъ съ критико-эстетическаго этюда о значеніи Прешерна, имя котораго въ шестидесятыхъ годахъ почти забыто словенцами. Своей газетѣ Стритаръ отдавался съ образцовой энергіей; онъ писалъ діалоги, философскія статьи, критическіе очерки и помѣщалъ въ ней стихи, отличающіеся такимъ же прекраснымъ языкомъ, какимъ отмѣчена и его проза. Тоской, даже, пожалуй, міровой скорбью, вѣетъ отъ его стихотвореній и путевыхъ картинокъ. Клерикалы—соплеменники Стритара не могли понять его либеральныхъ и глубокихъ взглядовъ, почему они и попрекали его шопенгауэрствомъ.

Истинными жертвами этой нетерпимости, ограниченности и злобности были два лучшихъ современныхъ поэтовъ, а именно—Симонъ Грегорчичъ (1844) и Антонъ Ашкерсъ (1856), оба изъ духовнаго сословія. Собраніе лирическихъ стихотвореній Грегорчича (1882—1888) возбудили большое воодушевленіе, и словенцы узнали въ нѣжныхъ, порою скорбныхъ звукахъ—соловья своихъ дѣйственныхъ лѣсовъ. Тѣмъ не менѣе его братья по сословію обругали на него съ такимъ ожесточеніемъ, что Грегорчичъ замолчалъ на цѣлыхъ 15 лѣтъ и только въ 1902 году выступилъ съ третьимъ сборникомъ, въ которомъ онъ на всевозможные лады рассматри-

ваетъ вопросъ о смерти. Грегорчичъ нашелъ рядъ послѣдователей, изъ которыхъ, однако, ни одинъ не достигъ до него.

То значеніе, которое имѣетъ Грегорчичъ въ чистой лирикѣ, принадлежитъ Ашкерцу въ области эпоса. Обоимъ ихъ объединяетъ любовь къ матери Славін.

Славу Ашкерцу создали его баллады и романсы, переведенные на всѣ языки и даже—на шведскій. Сюжеты онъ черпалъ или изъ временъ крестьянскихъ войнъ, или изъ современной эпохи, изъ происшествій на Балканскомъ полуостровѣ, изъ бурной войны. Его здравый смыслъ, сказавшійся въ оцѣнкѣ дѣйствительности, поставилъ его въ ряды передовыхъ бойцовъ за реализмъ.

Онъ совершалъ путешествія въ Россію и на Балканы, что оставило въ его впечатлительной душѣ много глубокихъ и прекрасныхъ впечатлѣній. Тяжелая борьба за существованіе, которую ему пришлось испытать, и склонность къ реализму, вызвали въ немъ стремленіе къ трактовкѣ социальныхъ темъ. Подробному обзору его вдохновенной музыки удѣлялось уже мѣсто и въ нѣмецкой наукѣ. Въ „Златогорѣ“ онъ соперничаетъ съ нѣмецкимъ поэтомъ Ваумбахомъ. Ашкерцъ долженъ быть категорически признанъ первымъ словенскимъ поэтомъ настоящаго времени.

Словенское духовенство принимаетъ значительное участіе въ литературной дѣятельности, проявляющейся въ разсказахъ, имѣющихъ, главнымъ образомъ, религіозное, поучительное содержаніе, но лишенныхъ какого-либо намека на художественную дѣйность, такъ какъ они предназначены для сельскаго населенія.

Въ научномъ отношеніи еще не могло быть много сдѣлано. Но образованное собраніе словенскихъ народныхъ пѣсенъ, изданныхъ Штрекелемъ, заслуживаетъ быть упомянутымъ съ большою похвалой.

VII.

Сербская литература.

Сербская литература вплоть до начала XIX столѣтія носила на себѣ церковный отпечатокъ; писалась она на противоестественной смѣси языковъ церковно-славянскаго и русскаго, представлявшей изъ себя такое нагѣчие, которое еще годилозъ для историческихъ произведеній, но ужъ никакъ не для поэзіи. Этимъ и долженъ быть объясненъ недостатокъ художественной поэзіи въ Сербіи, который съ другой стороны надо приписать также долготному пребыванію сербовъ подъ турецкимъ промъ и тому обстоятельству, что насадителями литературы долгое время были поны.

Но и здѣсь долженъ былъ совершиться переворотъ; природа должна была пробить свои собственные здоровые пути. Разумѣется, дѣло не могло обойтись безъ борьбы, такъ какъ до сего времени литературный языкъ былъ въ то же время и богослужебнымъ; къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что существенную часть населенія составляли и составляютъ православные; слѣдовательно, надо было изгладить слѣды этого расслоенія.

Изъищной словесности сербовъ едва 100 лѣтъ отъ роду, такъ какъ борьба за литературный языкъ была окончена Вукомъ, или Вѣриѣе, — его ученикомъ Данчичемъ, только въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Досифей Обрадовичъ (1744—1811) былъ человѣкомъ, одареннымъ судьбой Одиссея, который первый среди всѣхъ южныхъ славянъ понялъ важность народнаго языка. Онъ охватилъ современныя ему западныя идеи во всемъ ихъ объемѣ, былъ другомъ просвѣщенія и умѣлъ найти подходящія средства для подъема національнаго самосознанія своего народа. Его, стремящійся къ знаніямъ и образованію, духъ былъ полонъ неугасимой тоски по чужимъ странамъ и постоянно гналъ его вдалѣ. Ко-

гда его жизни приходится на то бурное время, когда подъ предводительствомъ Карагеоргія сербы росли съ себя турецкое иго.

Начало сербской литературы тѣсно связано съ ейпцитомъ и Вѣной. Первые сербскія книги были печатаны (въ силу цензурныхъ и практическихъ изображеній, такъ какъ у Брейткопфа былъ наборъ для кириллицы) въ Лейпцигѣ; первые сербскія газеты и произведенія Вука шли изъ вѣнскихъ типографій.

Въ 1783 году Досифей Обрадовичъ издалъ въ ейпцигѣ описаніе своей богатой приключеніями жизни.

Досифей былъ родомъ изъ Банате; одинъ изъ родственниковъ принялъ участіе въ сиротѣ, который тѣмъ много и съ громадной охотой, но мальчикъ тѣмъ убѣжать отъ него въ пустыню. Ремесло тоже удовлетворило его, и онъ уѣзжалъ на Фрушку ру. Въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей онъ еще читалъ Писаніе, чѣмъ игуменъ. Досифей былъ монахомъ, но тайно оставилъ монастырь, гонимый тоской по неизвѣданнымъ далямъ. Онъ отъѣхалъ въ Аграмъ, гдѣ научился латинскому языку; затѣмъ онъ отправился въ Далмацію. Здѣсь онъ занялся переводомъ Іоанна Хризостома на сербскій языкъ. Онъ хотѣлъ добраться до Аеоискаго монастыря, но судьба завела его въ Смирну, гдѣ онъ познакомился съ грекомъ Гіеіеотеосомъ, ученикомъ котораго былъ въ 1783 году. Ко времени русско-турецкой войны онъ уже былъ спасенъ бѣгствомъ въ Албанію, научился албанскому языку и даже писалъ книжки для епископа. Оттуда онъ уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ въ продолженіи шести лѣтъ обучалъ сербскую и греческую молодежь. Послѣ этого онъ отправился черезъ Силезію въ Константинополь, но чума прогнала его изъ Силезіи, и онъ поѣхалъ черезъ Молдавію и Лембергъ въ Лейпцигъ и Галле, гдѣ онъ сорокалѣтнимъ воспитателемъ служилъ въ вѣнскихъ епископскихъ въ университетѣ.

тѣ лекціи профессора Борна. Послѣ этого онъ жилъ въ Англіи, Вѣнѣ, а въ 1788 году—въ Россіи.

Въ 1788 году Обрадовичъ издалъ въ свѣтъ въ Вѣнѣ Эзопа, къ которому приложилъ 27 басенъ Лессинга. Изъ Лессинга онъ перевелъ, кромѣ того, „Дамонъ, или истинная дружба“. Точно также онъ издалъ тамъ же въ 1794 году „Совѣты здраваго разума“. Онъ писалъ также оды на взятіе Вѣлграда и сербское возстаніе. Съ 1802 года поэтъ жилъ въ Венеціи, гдѣ пользовался, главнымъ образомъ, поддержкой патріотически-настроенныхъ сербскихъ купцовъ, чтобы получить возможность заниматься литературой. Въ 1807 году онъ былъ приглашенъ воспитателемъ дѣтей Карагеоргія и умеръ въ Вѣлградѣ въ 1811 году.

Обрадовичъ былъ основателемъ сербской литературы; онъ, правда, еще не писалъ на чистомъ народномъ языкѣ, но уже высказывалъ необходимость пользоваться имъ; онъ первый ввелъ книгу въ народное обращеніе. Уже Обрадовичъ имѣлъ изъ-за этого враговъ, но также—и—почитателей и послѣдователей, которые съ большимъ или меньшимъ счастьемъ пошли по его стопамъ.

Но истиннымъ создателемъ сербской литературы былъ Вукъ Караджичъ.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ (1787—1864). На этомъ человѣкѣ въ полной мѣрѣ сказалась мудрость пословицы, что „Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ“. Это былъ сильный волею интеллектъ, который не боялся борьбы за свои убѣжденія, прилежный работникъ, который никогда не уставалъ и не боялся никакихъ трудностей, хотя ему частенько приходилось терпѣть холодъ и голодъ въ Вѣнѣ. Его здравое чутье истинныхъ потребностей своего народа привело къ составленію грамматикъ, хотя онъ и не былъ филологически образованъ для этого. Самымъ выдающимся явленіемъ на славянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ 1848 года былъ

Вукъ въ фескѣ и съ деревяшкой вмѣсто ноги, на которой онъ исходилъ вдоль и поперекъ всѣ южно-славянскія земли, собирая тѣ знаменитыя пѣсни, о которыхъ рѣчь ведется въ другомъ мѣстѣ.

Самой значительной заслугой его было то, что онъ окончательно помогъ прекрасному, звучному народному языку стать литературнымъ, тогда какъ въ другихъ странахъ литературный языкъ является плодомъ теоретическихъ изысканій и въ дѣйствительности не живетъ въ народѣ. Только теперь сербы могли изъясняться вполне естественно, отъ всего сердца; ихъ поэзія и изящная словесность могла теперь взвиться къверху.

Далѣе, заслугой Вука является упорядоченіе правописанія. До того времени, даже дѣлая пробы съ народнымъ языкомъ пользовались церковно-русской орфографіей, не вполне соответствовавшей выговору. По совѣту Копитара, Вукъ держался правила: „Пиши, какъ слышишь, не обращая вниманія на этимологию и историческія традиціи. Кромѣ того онъ принялъ изъ латинскаго алфавита „J“—камень преткновенія для консервативныхъ оппонентовъ его, усмотрѣвшихъ въ этомъ католическую тенденцію—и ввелъ чисто сербскіе знаки для „dz“ и „с“, взятыя имъ изъ древнихъ памятниковъ сербской письменности.

Вукъ Караджичъ умѣлъ практически обосновать свои принципы грамматикой—къ нѣмецкому изданію ея Гриммъ написалъ предисловіе—и издалъ также для этой цѣли тройной словарь (Вольфа Стефансона, Сербско-нѣмецко-латинскій словарь). Этимъ Вукъ Караджичъ становится на одну ступень съ русскимъ Далемъ; ученикъ и другъ Вука, Данчичъ, довершилъ этотъ трудъ изданіемъ историческаго словаря. Но наибольшую извѣстность Вуку Караджичу обезпечило то, что онъ открылъ Европѣ сокровищницу сербской народной поэзіи и при этомъ какъ разъ въ эпоху романтизма, когда

проявлялся особенный интерес къ этому. Вуковское собраніе сербскихъ (и болгарскихъ) народныхъ пѣсень, богатырскихъ и женскихъ, поговорокъ, сказокъ и разсказовъ вызвало и другихъ на подобные же труды.

Вукъ умѣлъ работать для своего народа; онъ писалъ статьи по исторіи и статистикѣ и составилъ нѣчто вродѣ „Вадемекума“ для сербовъ, въ которомъ были собраны необходимыя свѣдѣнія изъ различныхъ отраслей знанія.

Вукъ, бывшій выдающимся сербскимъ этнографомъ, долженъ былъ перенести тяжелую борьбу, пока ему удалось одержать побѣду. Враждебное отношеніе къ нему дошло до такой степени страстности, что его сочиненія были даже запрещены въ Сербіи.

Запретъ этотъ былъ снятъ только въ 1860 году, а въ 1868 году, то есть, всего только черезъ четыре года послѣ его смерти, его языкъ былъ официально введенъ въ сербскую литературу.

Мало-по-малу сербы стали заботиться также и о своихъ культурныхъ потребностяхъ, т. е. — объ учебникахъ и книгахъ для народа. Литература культивировалась, главнымъ образомъ, въ газетахъ и журналахъ. Важнымъ литературнымъ сборнымъ пунктомъ являлась Вѣна, гдѣ уже съ 1791 года выходили въ свѣтъ сербскія газеты, извѣстныя особенно по 1813—1822 годамъ. Позднѣе, многое печаталось въ Пештѣ; и здѣсь сказывалось благотворное вліяніе Коллара. Съ признательностью надо вспомнить также и то мѣсто, гдѣ дѣйствовала Шафаржикъ — Неусацъ, гдѣ съ 1825 года стала издаваться до сихъ поръ самая главная газета: „Лѣтопись Магиде србске“, по образцу которой въ славянскомъ мірѣ возникали и другія „Матиде“.

Сербскія повременныя изданія выходили въ свѣтъ также и въ Сербіи и въ Зарѣ, но въ 1842 г. Станко Враць горько жалуется, что онъ не можетъ

получить въ Кроаціи книгъ, отпечатанныхъ въ Далмаціи. Кромѣ того, большой любовью пользовались альманахи.

Прошло много времени, пока сербы стали писать на своемъ природномъ языкѣ: долгое время пользовались чѣмъ-то вродѣ переходнаго языка. Писатели были обыкновенно классически образованными, а, кромѣ того, многіе изъ нихъ знали также и нѣмецкую литературу; русская литература въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ не имѣла доступа на югъ. Многіе сербскіе писатели были пламенными поклонниками идеи славянства, въ особенности урожденные рагузяне, и многіе изъ нихъ находились въ письменныхъ сношеніяхъ съ инославянскими писателями.

Удивительно то, что сербы, этотъ отъ природы одаренный поэтической натурой народъ, такъ долго не выдѣляли изъ себя истиннаго, Божьей милостью, поэта.

Развитіе сербской поэзіи приходится только на вторую половину XIX столѣтія.

Самыми извѣстными поэтами первой половины XIX столѣтія являются: авторъ „Сербянки“ Симъ Милутиновичъ; свѣтлѣйшій поэтъ Петръ II Негошъ, авторъ знаменитаго „Горнаго вѣка“, и безвременно скончавшійся Вранко Радичевичъ.

Симъ Милутиновичъ (1791—1847), названный по мѣсторожденію — Сараево-Сараильей, издалъ въ 1826 году въ Вѣнѣ лирико-эпическій циклъ стихотвореній (въ четырехъ частяхъ), названный „Сербянка“.

Въ немъ онъ воспѣваетъ освобожденіе сербовъ въ 1804 и 1815 годахъ подъ предводительствомъ Карагеоргія и Милоша Обреновича.

Въ этихъ стихотвореніяхъ автору создали славу живость описаній, изящество изображеній и патристизмъ; книга эта вызвала большое сочувствіе въ образованныхъ кругахъ, но для широкихъ на-

родных массъ она не была доступной, такъ какъ содержаніе ея пересыпано мифологіей, варваризмами и нѣмецкой философійю.

Ученикомъ Милутиновича былъ Петръ II Петровичъ Негошъ (1813—1851).

Черногорія, прежде Зета, издавна слыла славянской Спартой, высокія скалы которой герои-орлы умѣли отстоять; властителями ея были епископы; только въ послѣднее время скипетръ находится въ свѣтскихъ рукахъ.

Раде (это имя дано ему при крещеніи) вступилъ на престолъ уже на 17-мъ году своей жизни и отнесся къ своему званію съ образцовой заботливостью и сознательностью; страшное переутомленіе и тоска по образованію довели его до гроба.

Въ его литературной дѣятельности замѣтны слѣды вліянія со стороны его воспитателя Милутиновича и народной поэзіи, что должно быть зачтено ему скорѣе въ заслугу.

Свѣтлѣйшій поэтъ хорошо сознавалъ отвѣтственность своего званія и отдалъ свою музу на службу народу, о поднятій котораго онъ заботился всѣми доступными ему способами.

Только послѣ его смерти вышла въ свѣтъ его „Слободьяда“, юношеское стихотвореніе, въ которомъ онъ воспѣвалъ сраженія между турками и черногорцами; кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько героическихъ и патріотическихъ пѣсней, какъ напримеръ — оду саблѣ безсмертнаго воеводы Кара Георгія: „О, святое оружіе, осіянное славой!“, и драматическую исторію „Джепаръ Стефанъ Малый“ (1766—1773). Но самымъ знаменитымъ произведеніемъ его является „Горный Вѣнокъ“, выдержавшее уже 14 изданій. Оно представляетъ собой рядъ драматически сгруппированныхъ сценъ, изображающихъ сраженія съ турками, заговоры, военные совѣты, картины изъ черногорской жизни того

времени, когда храбрые горцы прокладывали дорогу къ свободѣ.

Новымъ духомъ и благотворной свѣжестью повѣяло отъ сербской поэзіи, когда на литературное поприще выступилъ молодой Бранко Радичевичъ (1824—1853), отецъ котораго перевелъ Вильгельма Теля Шиллера.

Подъ благопріятными предзнаменованіями развивалась его лирическая душа: естественность, чувство, воспримчивость, молодость, жизнерадостность и жажда любви были основными чертами его характера; въ лирическихъ стихотвореніяхъ его заложено также извѣстное эпическое зерно. Только въ послѣднее время его жизни въ его поэзіи проглядываетъ какой-то скорбный, болѣзненный тонъ.

Радичевичъ выдержалъ наибольшее изъ всѣхъ сербскихъ поэтовъ количество изданій; многія изъ его стихотвореній были положены на музыку, повсюду извѣстны и вездѣ поются. Изъ перевелъ также на нѣмецкій языкъ.

Среди прочихъ писателей слѣдуетъ упомянуть еще доктора Ювана Суботича (1817—1866), работавшаго также на грамматическомъ, педагогическомъ, поэтическомъ и политическомъ поприщахъ. Уже семнадцатилѣтнимъ юношей онъ печаталъ свои стихотворенія, а также — переводы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Суботичъ, оставившій полные захватывающаго интереса мемуары, былъ заслуженнымъ патріотомъ.

Среди народа большой популярностью пользовался Любомиръ Ненадовичъ (1826—1895), сербскій патріотъ, который охотно впадалъ въ поучительный тонъ, такъ какъ разсудокъ у него перевѣшивалъ чувство.

Къ группѣ илирійцевъ принадлежалъ Утѣже-новичъ, написавшій (1843) „Привѣтъ Сербіи изъ Кroatіи“.

VIII.

Новѣйшая сербская литература.

Сербская и болгарская литературы находятся еще въ стадіи первоначальнаго развитія. Сербская относительно старше. Обѣ выказываютъ самобытность и нѣкоторое взаимоотношеніе съ народной жизнью, которая представляеть и по сіе время богатое поле для изслѣдованій не только для этнографовъ, но и для писателей. Именно въ этомъ и сказывается самобытность сербской письменности, и при этомъ не только по содержанію, но и по формѣ. Но и то и другое недоступно иностранцамъ. Въ переводахъ пропадаютъ своеобразныя синтаксическія детали, пластичность, пристраіе къ повтореніямъ, къ красивымъ характернымъ сравненіямъ, которыя накладываютъ на сербскій языкъ своеобразный отпечатокъ.

Чтобы оцѣнить по достоинству подобныя литературныя проявленія, необходимо хорошо знать деревенскую жизнь сербовъ, и въ особенности—сербскаго крестьянина, все богатство котораго составляютъ стада. У пастуховъ имѣется своя собственная по зія; богатое сербское купечество тоже образуетъ свое литературное сословіе. Въ свое время большую роль игралъ гайдукъ, боровшійся за сербскую самостоятельность. Православная церковь съ ея попами во главѣ и своими обычаями накладываетъ на сербское общество своеобразный отпечатокъ. Побратимство даетъ романтическую окраску дружбѣ; преобладающее у сербовъ міровоззрѣіе требуетъ покоя и философской покорности судьбѣ.

На протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій сраженія съ турками давали неисчерпаемый матеріалъ для литературы. Матеріалъ этотъ давала освободительная эпоха шестидесятихъ годовъ, когда происходили сраженія черногорцевъ на Грачевомъ полѣ. Это бы-

ли славныя времена, которыя напоминали о далекомъ прошломъ.

Наряду съ турецкими сраженіями, литераторы занимались также изученіемъ народной жизни, въ которую глубоко проникали и которую передавали съ мельчайшими оттѣнками—пристраіе къ описанію дѣйствительной жизни проявляется здѣсь съ особенной силой—часто для этого выбираютъ, какъ у чеховъ, опредѣленныя мѣстности. Разумѣется, рассказы, взятые изъ жизни сербскаго королевства существенно отличаются отъ тѣхъ, которые взяты изъ жизни баната Зирмъ, Босніи или Герцеговины; совершенно особый отпечатокъ лежитъ на рассказахъ изъ приморскихъ мѣстностей, гдѣ они подобны кроатскимъ, а тѣ, которые касаются Черногоріи, въ свою очередь отличаются отъ послѣднихъ.

Но на художественную лѣпку произведеній въ Сербіи обращается еще слишкомъ мало вниманія; имъ нехватаетъ продуманности построенія. Романъ культивируется очень слабо, и литературныя проявленія этого рода далеко еще не удовлетворительны. Центръ тяжести романа возлагается обыкновенно на сюжетъ, въ которомъ можно встрѣтить много здороваго и новаго, но необработанность и тяжеловѣсныя остроты производятъ непріятное впечатлѣніе.

Какъ бы то ни было, по этотъ родъ письма кажется намъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ излюбленная теперь въ западной Европѣ рафинированная вышечность, не соотвѣтствующая истинному духу народнаго языка.

Природный черногорецъ, обращающійся съ женой по турецкому обычаю, по своей личности является болѣе первобытнымъ, чѣмъ сербъ изъ Бѣлграда, который охотно пускается въ политиканство. Проза ближе поэзіи житейскому взгляду сербовъ; послѣдняя является болѣе захватываю-

щей тамъ, гдѣ за образецъ берется народная пѣсня и дается выходъ патриотическимъ чувствамъ. Въ двадцатомъ вѣкѣ едва-ли болѣе десяти писателей заслужать вѣнецъ безсмертія.

Проза.

Старое поколѣніе, познакоившееся во время учебныхъ годовъ въ Вѣнѣ съ романтическимъ теченіемъ, не могло избѣжать его вліянія. Къ романтизму ихъ влекло всей сербской жизнью, съ ея турецкими сраженіями, проявленіями народнаго героизма, гайдуками; нѣкоторымъ писателямъ удалось счастливой рукой пересадить основоположенія западнаго романтизма на сербскую почву.

Сербскіе романтики въ большинствѣ случаевъ были родомъ изъ банства. Нѣкоторые изъ нихъ создали рядъ произведеній и приоткрыли сербовъ къ чтенію, какъ Видаковичъ (1780—1841), который писалъ нѣчто вродѣ рыцарскихъ романовъ безъ мѣстнаго колорита, затѣмъ—Вогобой Афанасковичъ (1826—1858), который исколесилъ въ качествѣ переселенца всю Европу и написалъ романъ „Два идола“, въ которомъ отразилась современная ему жизнь, хотя мѣстами и проступаетъ явная сентиментальность. Яковъ Игнатовичъ (1824—1889) былъ столько же романтикомъ, сколько и реалистомъ. Къ сожалѣнію, онъ писалъ слишкомъ поспѣшно. Истиннымъ поэтомъ въ разсказѣ былъ также Дюра Якивичъ (1832—1878), который чересчуръ идеализировалъ народъ. Весьма плодотворной была литературная дѣятельность управляющаго бѣлградскимъ театромъ, драматурга Милорада Шапчаннина (1842—1895), который особенно симпатизировалъ Вогумиламъ и былъ особенно силенъ въ эпосѣ. Его „Деревенскіе разсказы“ очень охотно читались въ Сербіи.

И въ области историческаго романа пробовали свои силы нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ—

соціологъ, знатокъ Константинополя и сербскій посланникъ въ Лондонѣ—Чеда Митовичъ и профессоръ Андра Гавриловичъ, извѣстный, какъ хорошій историкъ литературы и знатокъ славянскихъ теченій пачала XIX столѣтія.

Съ наимыгоднѣйшей стороны является сербская литература въ повѣствовательной формѣ, когда черпаетъ матеріалъ изъ народной жизни, имѣя въ виду читателя изъ народа. Лучшими писателями этого рода являются бывшій лейбъ-медикъ короля Милана Лаза Лазаревичъ, изучавшій медицину въ Берлинѣ, и Сима Матавулій.

Лаза Лазаревичъ (1851—1891) лучше всего писалъ тогда, когда оставался вѣрнымъ отечественной почвѣ; онъ особенно хорошо былъ знакомъ съ жизнью маленькихъ сербскихъ провинціальныхъ городовъ, существенно отличающейся отъ чешской и польской. Съ Сербіи представителями королевства является купечество; остальное населеніе состоитъ изъ крестьянъ. И въ Сербіи начинается замѣчаться переходъ къ западной культурѣ, хотя на югѣ еще можно встрѣтить минареты. Политика портитъ естественный здравый смыслъ и сербскіе крестьяне становятся заправскими адвокатами. Лаза былъ реалистомъ, которому особенно удавалось изображеніе отдѣльных фигуръ. Къ сожалѣнію, онъ писалъ мало и рано умеръ. Тургеневъ и Гете съ своимъ „Вертеромъ“ имѣли на него большое вліяніе. Разсказы его были переведены также и на нѣмецкій языкъ.

Лучшимъ и наиболѣе плодотворнымъ писателемъ является Матавулій, родившійся въ Каттарской бухтѣ и въ настоящее время посвятившій свою жизнь въ Бѣлградѣ исключительно литературной дѣятельности. Онъ прожилъ очень бурную жизнь.

Матавулій является истиннымъ художникомъ и реалистомъ, истиннымъ самородкомъ сербской по-

вѣствованія и романа. Онъ является вѣрнымъ изобразителемъ сербской жизни.

Своими разсказами изъ Вокка-ди-Катаро прославился Стефанъ Любича (1824 — 1878). Среди болѣе молодыхъ поколѣній крупное имя заслужилъ Янко Вазелиновичъ. Онъ является признаннымъ знатокомъ крестьянской жизни, умѣющимъ выбрать изъ жизни повседневности крестьянъ захватывающіе ваше вниманіе типы (еще недавно онъ ввѣлъ подъ свою защиту „тещу“). Но онъ нерѣдко впадаетъ въ прикрасы; въ изображеніи отдѣльных деталей онъ несравненно искуснѣе, чѣмъ въ общей концепціи.

Охотнѣе всего онъ описываетъ крестьянина изъ Мачева, деревеньки, находящейся между Дриной и Савой. Здѣсь онъ умеръ въ 1905 году.

Среди старѣйшихъ писателей лучшимъ знатокомъ крестьянства является дѣятельный этнографъ Миланъ Миличевичъ (1831).

Черногорію и близкую Албанію увѣковѣчилъ въ своихъ разсказахъ безвременно скончавшійся Вукичевичъ (1898). Изъ болѣе молодого поколѣнія слѣдуетъ назвать профессора Стевана Сремака (Чича Йорданъ), у котораго сказывается здоровое чутье къ природѣ и дѣйствительности; кромѣ того, ему нельзя отказать въ сатирической жилкѣ и необыкновенно спокойномъ настроеніи его произведеній.

Боснія можетъ похвастаться Митой Живковичемъ; Герцеговинѣ описалъ Св. Коровичъ, Протичъ и Грчиць Вѣлокосичъ; различное отношеніе со стороны критики встрѣтилъ Миланъ Вудиславевичъ (Карловичъ); знатоками Далмаціи являются поэтъ Іосифъ Верза и Марко Каръ, фельетонистъ и пропагандистъ сербской литературы въ Италіи; Воиславъ Станковичъ изображаетъ борьбу старыхъ обычаевъ съ цивилизаціей на границѣ Македоніи.

Наука сосредоточивается въ бѣлградской акаде-

міи, въ университетѣ и въ „Лѣтописи Матице Србске“, редакторъ коей докторъ Савичъ ознакомилъ вѣмцевъ и мадьяръ съ сербской литературой.

Въ Сараевѣ особенно усердно занимаются археологіей. Южно-славянская академія въ Аграмѣ тоже занимается исторіей и литературой сербовъ.

Сербская поэзія.

Сербская художественная поэзія—очень недавняго происхожденія. Истиннымъ лирикомъ былъ Вранко. Поэты періода отъ шестидесятыхъ до девяностыхъ годовъ охотно выбирали типическіе мотивы, въ большинствѣ случаевъ взятые изъ народной жизни, при чемъ удачѣе всего у нихъ выходило тогда, когда они опирались на народную пѣсню.

Наоборотъ, новѣйшіе поэты очень богаты сюжетами, которые они претворяютъ сообразно своей художественной индивидуальности. Они хорошо знакомы съ современной, особенно пѣмепкой и французской, поэзіей, но благодаря этому поэзія потеряла свою дѣвственную красоту и превратилась въ модернизированную куклу.

Рядъ поэтовъ второй половины XIX столѣтія открываетъ собой Дьюра Якшичъ (1832—1878), проведшій очень бурную жизнь. Это была въ высшей степени самобытная, замкнутая личность, безыскусственный поэтъ съ глубокимъ чувствомъ и сердечнымъ тономъ, не подражающій ничему иностранному. Ни одному изъ сербскихъ поэтовъ не удалось достигнуть его темперамента и его творческой силы изобразительности.

Отличаясь бурнымъ, страстнымъ характеромъ, легко поддаваясь первому впечатлѣнію, Якшичъ не остался въ сторонѣ и отъ патристическаго движенія. Онъ отличается своеобразнымъ стилемъ, своеобразной манерой воспроизведенія картинъ. На ряду съ Змаемъ онъ былъ лучшимъ лирикомъ, несравненно болѣе значительнымъ, чѣмъ романи-

стомъ, отличаясь склонностью къ идеализированію.

Змай, или собственно — Іованъ Іовановичъ (1833—1904) былъ величайшимъ сербскимъ поэтомъ, хотя наклонъ лѣтъ ему и дѣлались частые упреки, будто онъ уже исписался, и въ поэзіи его преобладаетъ одна форма. Змай въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ; творчество давалось ему очень легко, при чемъ онъ великолѣпно подражалъ народной пѣснѣ. Вѣчную славу онъ заслужилъ своими пѣснями любви, отъ которыхъ вѣетъ чистой, спокойной и постоянной любовью.

Змай былъ докторомъ медицины, хотя сначала онъ и изучалъ правовѣдѣніе; онъ работалъ во многихъ мѣстностяхъ, между прочимъ и въ Вѣнѣ. Поэзія его охватывала всю Сербію; онъ былъ однимъ изъ немногихъ людей, братски настроенныхъ къ кроатамъ. Вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Змай внимательно слѣдилъ за возстаніемъ босняковъ и черногорцевъ и даже самъ сражался съ ними. Онъ явился добрымъ гениемъ народу въ своихъ народныхъ пѣсняхъ; иногда онъ бывалъ и сатирикомъ, въ особенности, когда въ своей газетѣ „Змай (драконъ)“ — отъ которой и взялъ свой псевдонимъ — бичевалъ сербскихъ мѣщанъ и ихъ политическое хамелеонство. Нѣсколько разъ изъ подъ пера его выходили также и чисто политическія пѣсни (къ Мадзини и Гарибальди). Змай-Іовановичъ писалъ также прелестныя, нѣжныя стихотворенія для дѣтей, отличающіяся такой звучностью и такимъ мягкимъ юморомъ, что ихъ трудно сравнить съ тѣмъ либо другимъ въ прочихъ литературахъ. Въ эпосѣ онъ себя не пробоваъ. Смерть его означаетъ собою для сербскаго народа большую потерю.

До известной степени на противоположномъ полюсѣ поэзіи стоитъ Лаза Костичъ, самый выдающійся сербскій драматургъ, переведшій Шекспира.

Какъ лирика, критика разбирала его очень раз-

лично. Одни видѣли въ немъ генія, другіе — обыкновеннаго стихокропателя, заносащагося въ туманныя сферы. Если бы въ Сербіи существовалъ „модернизмъ“, то его сдѣлали бы главой импрессионистическаго символизма. Любовь его — изъ области сонныхъ грезъ; онъ никогда не можетъ достигнуть ея, благодаря чему чувствуетъ себя несчастливымъ — воспѣваніемъ этой противуестественной любви онъ и отличается отъ Змая. Къ тому же его стихотворенія искусственны: онъ напоминаетъ французскихъ декадентовъ. Костичъ извѣстенъ и во Франціи. Это человѣкъ съ необычнымъ кругозоромъ, который идетъ другими путями, чѣмъ тѣ, что приняты въ Сербіи. Его нѣжная, зачастую нервно настроенная поэтическая лира не бряцаетъ акордами народного пѣвца; въ немъ сказывается уже много общечеловѣческаго. „Самсонъ и Далила“ — это модернизированная легенда. Лаза Костичъ занимаетъ совершенно опредѣленное мѣсто въ сербской литературѣ; онъ субъективнѣйшій сербскій лирикъ.

Глубокочувствующимъ поэтомъ былъ Стефанъ Качанскій (1830—1890), который написалъ хотя и мало, но за то его произведенія образцовы по стилю и содержанію; патриотъ даже въ любви, онъ явился сербскимъ бардомъ въ истинномъ значеніи этого слова; тѣмъ не менѣе онъ никогда не ударялся въ высокопарность. Онъ и Владиміръ Вазичъ, рано умершій солдатъ, сербскій Кернеръ, являются лучшими патриотическими пѣвцами Сербіи.

Громкимъ именемъ пользуется семейство Ильичъ. Отецъ, Іово Ильичъ (1823—1901), является лучшимъ представителемъ сербскаго интеллекта, нетронутымъ культурой героемъ, думающимъ и чувствующимъ вполне естественно поэтомъ, который умѣетъ по-сербски, мужественно обойтись съ своими чувствами.

Большую часть своихъ стихотвореній онъ написалъ въ народномъ духѣ; они кажутся читателю

такими же поэтическими, как и истинныя народныя пѣсни. Апогеемъ его поэтического творчества является „Мейрима Дѣвойче“, которая доступна только тѣмъ, кто знаетъ боснійско-магометанскія условія жизни. Стихотвореніе: „Пастухи“ является до извѣстной степени сочетаніемъ художественной и народной поэзіи; здѣсь къ слову влетены нѣкоторыя черточки народной жизни, обычаи и суевѣрія. Јово Ильичъ, бывшій сербскій министръ, образуетъ какъ бы сколокъ съ Бана Мажуранича, хотя послѣдній и былъ классически образованъ. Кромѣ того, Ильичъ написалъ сербскую „Книгу пѣсень“. Вышею своеобразностью отличаются его восточныя пѣсни, съ которыми даже нельзя сравнить Боденштедтовскаго „Мирза Шаффи“. Уже благодаря поэтическому языку, сохранившему много турецкихъ выраженій, восточная окраска ихъ больше соблюдена, чѣмъ это возможно по-нѣмкенки. И струящаяся изъ нихъ житейская философія, стремленіе къ покою, покорность судьбѣ—все въ совершенствѣ соответствуетъ восточному мировоззрѣнію, такъ что выведенныя въ этихъ стихотвореніяхъ лица не являются наряженными въ восточныя платья фигурами, а истинными турками въ плоти и крови.

Јово Ильичъ самый общенародный и лучший поэтъ для той части читателей, которые любятъ встрѣчать въ поэтѣ частичку національнаго духа. Онъ тѣломъ и душой сербъ, и при томъ еще—благословенный Богомъ поэтъ. И онъ гораздо цѣннѣе тамъ, гдѣ является сербомъ, чѣмъ тогда, когда пускается въ различныя міеологическія, классическія или славянскія поэмы.

Јово былъ извѣстенъ какъ столь же счастливый, сколь и несчастливый отецъ. Его сыновья Милутинъ, Драгутинъ и Войславъ были тоже сербскими поэтами, но отецъ пережилъ Милутина (1892) и Войслава.

Войславъ Ильичъ (1862—1894) былъ признанъ къ концу своей жизни самымъ талантливымъ и образованнымъ сербскимъ поэтомъ. Онъ былъ Веніаминомъ среди братьевъ, любимцемъ Музы. Онъ былъ очень воспримчивъ къ классицизму; глазами художника смотрѣлъ онъ на Божій міръ, но красоты его воспринималъ сквозь призму пессимизма. Поэтому у него вездѣ проскальзываетъ скорбный тонъ, хотя порою и онъ бывалъ въ творествѣ жизнерадостнымъ и насмѣшливымъ. Послѣ его смерти всѣ сербскіе писатели соединились и издали въ его честь альманахъ подъ редакціей д-ра Г. Джорджевича.

Съ судьбами Черногоріи связываются имена Јована Сунчетича (1825—1900) и нынѣ царствующаго князя Николая (1841).

Сунчетичъ былъ редакторомъ многихъ повременныхъ изданій; онъ выступалъ защитникомъ объединенія сербовъ и кроатовъ; стихотворенія его доказываютъ богатую фантазію, картины которой онъ граціозно изображаетъ на своемъ „миломъ, родномъ языкѣ“.

Князь Николай I Петровичъ Негошъ, разсудительный правитель, подъ управленіемъ котораго Черногорія получила современныя сводъ законовъ (трудъ профессора министра Богичича), принадлежащий къ числу лучшихъ сербскихъ поэтовъ. Большой патриотъ, раздѣляющій со своими героями труды и славу, онъ воспѣваетъ дѣянія народа, черпая сюжеты изъ національной жизни, потому что онъ чувствуетъ вмѣстѣ съ народомъ, съ нимъ радуется, съ нимъ и горе дѣлать. При этомъ онъ нѣжный отецъ, посвящающій дѣтямъ прочувствованныя стихотворенія. Его стихотвореніе: „Туда, туда, за тѣ горы“ стало сербскимъ гимномъ и повсемѣстно поется.

Князь писалъ также патристическія драмы, изъ которыхъ „Балканская царица“, написанная на

сюжетъ изъ XV столѣтія, переведена на многіе языки.

Въ послѣднее время на сербской литературѣ тоже сказывается вліяніе западныхъ теченій. Среди молодыхъ писателей наиболѣе многообщающими талантами являются Свѣтославъ Стефановичъ, Дучичъ и Живичъ.

Общіе выводы можно сдѣлать слѣдующимъ образомъ:

Ни одна славянская литература не является столь демократичной, какъ сербская, поскольку послѣдняя является отраженіемъ народной жизни и только что перенесенной борьбы за свободу. Она является эхомъ естественнаго, простаго быта и незагнаннаго въ узкія рамки міровоззрѣнія. Наряду съ этимъ начинаетъ проступать вліяніе западно-европейскихъ теченій, хотя въ болгарской литературѣ оно сказывается еще сильнѣе. Но особенностью этой демократической сербской литературы, въ особенности прозы, является то, что въ выраженіяхъ своихъ она поражаетъ изяществомъ. Къ сожалѣнію эта особенность не поддается переводу. Народная пѣсня оказала благотворное вліяніе на поэзію.

IX.

Болгарская литература.

Для ново-болгарской литературы только-только еще занялась заря.

Вполнѣ понятно, что главную окраску этой литературѣ дали столѣтнее турецкое иго и сраженія за освобожденіе, такъ что на первое мѣсто выдвинулись патріотическія чувства. Болгарія была въ сторонѣ отъ западно-европейскихъ обычаевъ и теченій, но въ послѣднее время замѣчается мощный культурный прогрессъ. Поэзія не нашла себѣ въ трезвой балканской странѣ блестящаго двора; она

играла служебную роль при отечествѣ и его борьбѣ, и въ большинствѣ случаевъ сквозь нее красной нитью проходитъ патріотическій вопль или патріотической подъемъ.

Наоборотъ, проза, достигшая въ Иванѣ Вазовѣ своего апогея, заключаетъ въ себѣ много оригинальнаго, взятаго изъ жизни Балканъ, изъ долинъ розъ, изъ тѣхъ напоенныхъ кровью мѣстностей, гдѣ гайдукамъ съ папайотомъ Гитовымъ во главѣ приходилось бороться съ невѣроятными трудностями.

Гитовъ тоже описалъ свои странствованія по Старой Иланіи. Онастоящей техникѣ письма, о такомъ построеніи разсказа, чтобы онъ произвелъ свое дѣйствіе, еще не можетъ быть и рѣчи. Повѣствовательному искусству болгаръ все еще не хватаетъ продуманности и утонченности; сюжетъ зачастую звѣрски грубъ.

Два зла тяжелой лятой придавили Балканы: турецкое правительство, съ ея вошедшимъ въ поговорку безпорядкомъ, и греческое духовенство. Къ тому же старѣйшее поколѣніе получило, въ большинствѣ случаевъ, греческое образованіе; большинство македонцевъ знаютъ греческій языкъ.

Уже въ XVIII столѣтіи раздались голоса патріотически настроенныхъ монаховъ, которые требовали отъ своихъ соплеменниковъ горделиваго національнаго самосознанія и писали на смѣси церковнославянскаго и болгарскаго народныхъ языковъ.

О турецкомъ хозяйничаньи въ Болгаріи Европа узнала изъ путевыхъ описаній нѣкоторыхъ изслѣдователей; среди нихъ особенно важенъ профессоръ Григоровичъ, такъ какъ онъ извлекъ изъ тьмы забвенія и пыли временъ очень важныя церковнославянскія памятники на Аѳонѣ. Большой интересъ у русскихъ возбудила дѣятельность русскаго венгерца Георга Венелина (1802—1839), который энергично взялся за болгарскую литературу и обратилъ на нее вниманіе славянскаго міра. Болгары помя-

нули Венелина добромъ ко дню столѣтія его рожденія.

У себя на родинѣ болгары не смѣли заниматься своимъ роднымъ языкомъ. Отсюда понятно, почему болгарская литература должна была по преимуществу культивироваться за границей. Первая изданная на болгарскомъ языкѣ газета вышла въ Смирнѣ въ 1845 году, подъ редакціей учителя Фотинова, а въ томъ же году въ Парижѣ сербъ Огняковичъ издалъ болгарскій альманахъ. Начиная съ того времени появляются болгарскія книги и повременныя изданія въ Лейпцигѣ, Прагѣ и Вѣнѣ; патріоты Априловъ и Палауцовъ, живя въ Одессѣ, основали тамъ болгарскую школу; въ Москвѣ позднѣе дѣйствовалъ Жинзифовъ. Тургеневъ увѣковѣчилъ въ Инсаровѣ болгарина и тѣмъ обратилъ вниманіе на болгаръ.

Интересъ къ языку все возрасталъ, когда въ 1852 году Цанковъ издалъ болгарскую грамматику на латинскомъ алфавитѣ, а Миклошичъ включилъ болгарскій языкъ въ свою „Фонетику“; немало содѣйствовало этому интересу также и появленіе „Собранія болгарскихъ пѣсенъ“ извѣстныхъ своей несчастной судьбой братьевъ Миладиновыхъ. (Аграмъ, 1861).

Въ шестидесятыхъ годахъ возникла бурная эмигрантская литература; пребывавшіе на чужбинѣ болгары требовали для своего народа гуманнаго отношенія и боролись всѣмъ доступнымъ имъ оружіемъ противъ султана и греческаго духовенства. И болгары изъ Стамбула, которые во всякомъ случаѣ должны были видѣть въ султанѣ „заботливѣйшаго отца“, писали противъ греческаго духовенства въ очень обостренномъ тонѣ, который удержался въ журналистикѣ вплоть до стамбуловскихъ временъ.

Эмигранты, которымъ дома грозили висѣлицы, объявили Портѣ борьбу не на жизнь, а на смерть.

Сборными пунктами ихъ были Бѣлградъ и Бухарестъ; съ сверхчеловѣческимъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ они отдали себя на службу отечеству. Среди этихъ людей выдавались: Георгъ Раковскій (1818—1868), Христо Ботевъ и герой Левскій, котораго повѣсили во время возстанія; а между прочими—особенно Любенъ Каравеловъ и Петко Славейковъ.

Всѣ вышеупомянутые были патріотическими поэтами и журналистами, воспитателями народа въ истинномъ значеніи этого слова, а оба послѣдніе въдобавокъ еще и талантливыми писателями, хотя у нихъ не хватало времени для литературной обработки своихъ произведеній. Шутливый Славейковъ издавалъ газету въ турецкой Болгаріи и заботился также и о македонскомъ крестьянствѣ. Македонскій вопросъ въ послѣднее время снова вызвалъ обильную специальную литературу.

Въ 1872 году болгарская церковь получила самостоятельность. Экзархатъ отдѣлился отъ патріархата, что имѣло особенное значеніе уже въ виду того, что экзарху были подчинены болгарскія школы. Экзархату принадлежитъ важная роль въ дѣлѣ подъема болгарскаго самосознанія, и еще нынѣ онъ образуетъ собой громадную поддержку для македонскихъ болгаръ.

Начинается новый періодъ: возстаніе сербовъ и болгаръ, турецкія убійства въ Батакѣ и вѣрства башибузуковъ вызываютъ протестъ Гладстона; царь Александръ II жертвуетъ кровью своего народа, чтобы освободить болгаръ. Болгарская литература вступаетъ въ новую фазу. Эмигранты добились своей цѣли и возвращаются обратно въ свое отечество; въ своемъ воодушевленіи они пьютъ воды Дуная, цѣлуютъ болгарскую почву, поютъ пѣсни въ честь великаго князя и воспѣваютъ въ одахъ царя и его войско.

Старая Болгарія превратилась въ освобожденную, но надежды большинства не оправдались на новомъ князѣ. Въ 1885 году Болгарія соединяется съ Румеліей, въ слѣдующемъ году между нею и Сербіей завязывается война. Битва при Сливницѣ хотя и оставила слѣды въ поэзіи, но только послѣдней было не по себѣ подъ управленіемъ министра Стамбулова.

Наконецъ, наступаетъ успокоеніе; наука идетъ впередъ, въ періодической печати начинается сказываться славянофильская струя, основывается университетъ.

Самымъ значительнымъ писателемъ этого послѣдняго періода является Иванъ Вазовъ, произведенія котораго, въ особенности романъ „Подъ игомъ“, переведены на многіе европейскіе языки. Онъ первый проложилъ болгарской литературѣ дорогу въ Европу; кромѣ того, и самъ онъ много переводилъ на болгарскій языкъ.

Вазовъ—поэтъ и прозаическій писатель, причемъ онъ лучшій болгарскій стилистъ. Онъ поэтъ возстанія, хотя и не принималъ лично участія въ немъ; позднѣе его поэтическая душа страдала отъ мысли, что онъ могъ воспѣвать братоубійственную войну между сербами и болгарамъ. Толстой и русская литература являются для него великими образами. Онъ любитъ свою родину и ея природу, видитъ въ крестьяннѣ истинную опору молодого княжества.

Въ юности онъ былъ весь полонъ патріотической идеей освобожденія отечества. Но и принужденный скрыться изъ Болгаріи, живя въ Одессѣ или путешествуя по Италіи, вездѣ онъ оставался истиннымъ болгаринимъ, который, подобно Мицкевичу, страстно мечталъ о своей родинѣ. Среди пальмовыхъ и апельсиновыхъ рощъ онъ услышалъ возгласъ какого-то англичанина: „Но вѣдь это истинный рай!“, на что онъ послѣдовалъ отвѣтить: „Сэръ,

я знаю рай еще болѣе прекрасный!“—онъ вспомнилъ о долинахъ розъ въ Болгаріи.

Во время его эмиграціи въ Россію его духъ нѣсколько успокоился, и муза его занялась воспроизведеніемъ болѣе обще-человѣческихъ мотивовъ.

Драмы его не имѣютъ большой художественной цѣнности, хотя и отражаютъ собой картинки извѣстныхъ эпохъ. Наоборотъ, его проза останется будущимъ поколѣніемъ вѣрной картиной его молодости и „Дидаскаловъ“—учителей, образованныхъ по гречески и русски—затѣмъ—временъ возстанія, неистовствъ турецкихъ солдатъ, убившихъ его отца. Вазовъ изображалъ также первые годы свободы; менѣе посчастливилось ему въ новѣйшемъ романѣ „Казаларска царица“, хотя и въ этомъ произведеніи попадаются очень удачные типы изъ современной дѣйствительности.

Вазову нехватаетъ художественности формы, споровки, разсчитанности, но его естественность и непосредственность привлекаютъ читателя къ нему. Онъ является характернѣйшимъ писателемъ Болгаріи, который умѣетъ отразить народную душу, природу и, создавшее на балканскомъ полуостровѣ эпоху, время освобожденія. Въ дышащихъ жизненной теплотой картинахъ лежитъ его сила. „Хаджи-Ахиль“ и „Гайдукъ Славчо“ являются прекрасными памятниками болгарской письменности и прежнихъ условій жизни.

Тамъ, гдѣ болгары остались на родной почвѣ, они дали рядъ наиболее удачныхъ произведеній: ароматъ розъ, живописная одежда народа, восточная простота и честность, самобытность нравовъ въ поэтическомъ изображеніи несравненно почетнѣе для нихъ, чѣмъ обезьяничанье запада.

Среди молодыхъ надо упомянуть еще о Кирилѣ Христовѣ; выдающимися славистами являются: Милетицъ, И. Шишмановъ, Теодоровъ, Коневъ; воодушевленнымъ македоняниномъ былъ Матовъ.

X.

Новая кроатская литература.

Отрадное развитіе кроатской литературы приходится на послѣдніе двадцать пять лѣтъ XIX столѣтія. Во второй половинѣ прошлаго вѣка она можетъ похвастаться такими же явленіями, какъ и чешская литература.

Уже эпоха Гая и основаніе „Матицы“ 1842 года въ Богеміи встрѣтило выраженія симпатіи. 1848 годъ разбудилъ въ обоихъ народахъ большія надежды; банъ Елачичъ былъ и для чеховъ славянскимъ героемъ, Кукулевичъ, его правая рука, взялъ подъ свое покровительство Коллара, когда ему нельзя было оставаться жить въ Пештѣ. Но во времена Ваховской реакціи въ обоихъ литературахъ наступила пауза. Въ обоихъ литературахъ ученые принимали значительное участіе въ національной работѣ. Обѣ литературы ожили въ пятидесятыхъ годахъ, и притомъ—на почвѣ романтики. Самый выдающійся кроатскій писатель-романистъ Шеноа учился въ Прагѣ, гдѣ онъ вращался въ кружкѣ Галека-Неруды. Поколѣніе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, которому пришлось вести борьбу за равенство съ одной стороны, съ Вѣной, съ другой -- съ Пештоу, было настроено очень патріотически. Затѣмъ дороги ихъ разошлись; въ Богеміи литература мало по малу достигла своего расцвѣта; въ Кроатіи въ 80-хъ годахъ на литературное поле вышло новое поколѣніе съ Шандоромъ Гьялскимъ во главѣ; поколѣніе, которое внимательно наблюдало народъ и склонялось къ реализму и натурализму. Въ Кроатіи начинаютъ приниматься за изученіе народа, который такъ различенъ въ разныхъ областяхъ — въ окрестностяхъ Аграма, въ Славонской долигѣ, въ каменистой Истрии и недавно занятой Босніи. Кроатамъ приходилось бороться съ одной стороны.

съ мадырами, съ другой—съ итальянцами; морскіе берега издавна заключали въ себѣ для кроата, такъ же какъ и для серба, поэтическую притягательную силу. Тамъ, недалеко отъ литературнаго центра, Гьялскій нашелъ кроатское мелкопомѣстное дворянство, которое симпатизировало иллирійцамъ и играло важную политическую роль. Помѣстья этихъ дворянъ, давшихъ народу „*Illustrissimos, graecillustres ac generosos viros*“, доставили кроатамъ благодарный матеріалъ, въ обработкѣ котораго было много общечеловѣческихъ характерныхъ черточекъ; эти рассказы можно было, измѣнивъ имена, пересадить на любую западно-европейскую почву—такъ мало часто кроатскаго находится въ нихъ. На художественную форму и обработку кроаты обрабатываютъ больше вниманія, чѣмъ сербы; рассказы ихъ читаются съ болѣе напряженнымъ любопытствомъ, чѣмъ сербскіе, но зато послѣдніе являются болѣе искусными стилистами.

Проза находится у кроатовъ на большей высотѣ, чѣмъ поэзія; драма появляется только въ послѣднее время. Въ концѣ прошлаго вѣка молодые писатели, импрессионисты, возстали противъ стараго направленія традиціоналистовъ, подобно тому, какъ въ Богеміи модернисты и декаденты ополчились на Врхлицкаго.

Борьба эта еще далеко не кончилась.

Въ кроатской, какъ и богемской литературѣ, много переводится, въ особенности—съ русскаго языка, который освѣжилъ обѣ литературы.

Кроатскіе ученые.

Какъ поколѣніе ученыхъ, начиная съ Шафаржика и кончая Палацкимъ оставило глубокіе слѣды на чешской литературѣ, такъ и кроатскіе ученые въ продолженіе двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ вліяли на развитіе кроатской литературы. Объединяющимъ центромъ являлась южно-славянская академія и

основанный достопочтеннымъ меценатомъ епископомъ Штросмайеромъ университетъ въ Аграмѣ.

Южные славяне, среди которыхъ особенно выдѣлились историки и филологи, занимавшіеся также и исторіей южнославянскихъ литературъ, приняли наслѣдство и традиціи иллирійцевъ и объединили сообразно съ повѣйшими воззрѣніями кроатовъ, сербовъ, словенцевъ и болгаръ литературнымъ трудомъ. Такимъ путемъ становится понятнымъ, что сербскій филологъ Дюра Данчичъ въ Аграмѣ редактировалъ академическій словарь. Онъ является первымъ сербскимъ филологомъ, вышедшимъ изъ школы Миклошича. Р. фонъ-Режатаръ работаетъ въ Вѣнѣ.

Далеко не случайностью было то, что всѣ эти люди работали и на политическомъ поприщѣ. Самой уважаемой личностью былъ будущій вице-банъ Иванъ Кукулевичъ, первый, который пользовался въ кроатскомъ сеймѣ роднымъ языкомъ; написавшій уже въ 1837 году первую штокаво-кроатскую драму, но особенно извѣстный, какъ основатель „Архива южно-славянскихъ историческихъ изслѣдованій“, въ которомъ онъ самъ издавалъ глаголическія письма и вообще выступалъ въ качествѣ историка.

По его стопамъ шелъ нумизматъ Любичъ (1822—1896) и ученый историкъ Рачки, человекъ, работавшій съ научнымъ спокойствіемъ, писавшій о святыхъ братьяхъ Кириллѣ и Меодіи и изслѣдовавшій древнюю кроатскую исторію. Затѣмъ, не считая другихъ, назовемъ еще Смичкласа, Мельчетича, Маретича, Жрчела († 1905).

Къ старѣйшему поколѣнію принадлежатъ также профессоръ славистики вѣнскаго университета Ватрославъ Ягичъ (род. 1838 г.), котораго судьба кидала то въ Одессу, то въ Берлинъ, то въ Петербургъ, гдѣ онъ всюду оставлялъ учениковъ. Теперь онъ является общепризнаннымъ корифеемъ славянской

науки. Его „Архивъ славянской филологіи“ уже пережилъ пѣлые четверть вѣка.

Ягичъ издалъ древніе церковно-славянскіе памятники, чѣмъ положилъ славистикѣ прочное основаніе. Древній періодъ и стоящая въ связи съ нимъ дѣятельность учениковъ святыхъ братьевъ въ Македоніи и Болгаріи нашла въ немъ проницательнаго изслѣдователя. Родину церковно-славянской литературы онъ ищетъ на востокѣ отъ Салоникъ. Онъ считается специалистомъ въ вопросѣ о дѣятельности Кирилла и Меодія; также и въ изслѣдованіи глаголицы и кириллицы онъ принималъ участіе и являлся представителемъ взгляда, что глаголица—болѣе древняго происхожденія. Онъ опубликовалъ свои изслѣдованія о древнихъ глаголическихъ кроатскихъ, сербскихъ, русскихъ и рагузскихъ памятникахъ, освѣтилъ періодъ болгарскаго возрожденія во времена Константина Философа. Изслѣдованія этого ученаго о древне-русской литературѣ вызвали даже въ Россіи движеніе; онъ великолѣпно знаетъ литературныя произведенія этой страны въ XVIII столѣтіи, а также слѣдитъ и за новыми проявленіями этой необъятной литературы. Ягичъ обнимаетъ своимъ гениальнымъ духомъ все отрасли славистики, въ которыя его острый и пытливый умъ проникаетъ всесторонне и критически. Его мѣткія и остроумныя сужденія доказываютъ, что онъ выдающійся этнографъ съ тонкимъ чутьемъ, великолѣпный археологъ и лучший знатокъ славистики. Послѣднее доказываютъ его предисловія къ сборникамъ писемъ Добровскаго, Копитара и прочихъ славистовъ.

Что особенно вызываетъ удивленіе, такъ это необыкновенная плодovitость Ягича, а также способность постоянно оставаться въ курсѣ всѣхъ событий славянскаго міра и въ области сравнительнаго языковѣдѣнія. Онъ пишетъ на нѣсколькихъ языкахъ, принадлежитъ къ величайшимъ ученымъ

Европы и состоит членомъ самыхъ знаменитыхъ академій.

Кроатская беллетристика.

Августъ Шеноа (1838 — 1881) уже тѣмъ заслужилъ свою славу, что онъ создалъ читателя произведений на кроатскомъ языкѣ, тогда какъ до шестидесятихъ годовъ кроаты читали исключительно по нѣмцки. Онъ писалъ, главнымъ образомъ, историческіе романы, среди которыхъ самый наивѣстнѣйшій — „Золото ювелира“, картинка изъ пеховой жизни, затѣмъ — рассказы изъ незадолго до этого окончившейся эпохи увлеченія нлиризмомъ. Кроме того, онъ углублялся въ аgramскую жизнь и писалъ занимательные рассказы изъ былого и современнаго крестьянскаго, мѣщанскаго и дворянскаго быта, порою полные неподдѣльнаго юмора; заботился о подъемѣ сцены и неоднократно редактировалъ различные повременныя изданія. Въ кроатской литературѣ Шеноа имѣетъ неоспоримое значеніе. Его міровоззрѣніе было идеалистическимъ. Его сынъ является тоже писателемъ.

Общественный и историческій романъ культивировалъ также Томичъ (1843), давшій нѣсколько картинокъ жизни Босніи; небольшіе сюжеты удавались ему лучше, чѣмъ объемистые психологическіе романы. Беичичъ (1844) особенно идеализировалъ жизнь пограничныхъ мѣстностей, тогда какъ Кумичичъ-Сисольскій (1850—1904) — политикъ въ романтизмѣ и романтикъ въ политикѣ — любилъ и воспѣвалъ, въ качествѣ истріянина берега голубой Адриатики; кроме того, онъ стремился пересадить французскій реализмъ на кроатскую почву.

Многообещающимъ талантомъ является Чипико. Національную борьбу въ исторіи изображаетъ и воспѣваетъ темпераментный Эминъ Каръ. Среди широкой публики особенной популярностью пользуется В. Новакъ (1859—1905).

Самымъ выдающимся прозаикомъ послѣдняго времени безъ сомнѣнія является Шандоръ Гьяльскій (Любоміръ Бабичъ), род. 1854 г., который уже два десятка лѣтъ работаетъ на литературномъ поприщѣ. Его называютъ кроатскимъ Тургеневымъ; сѣдовѣательно, онъ является реалистомъ, изображающимъ своимъ соплеменникамъ жизнь мелкопомѣстнаго дворянства изъ Загорья и временъ Гал.

Но и въ рассказахъ изъ дѣйствительности, въ которыхъ онъ изображаетъ жизнь интеллигенціи и крестьянъ, онъ является мастеромъ въ дѣлѣ изображенія душевныхъ переживаній и аналитикомъ даннаго положенія. Недавно еще онъ руководилъ редактированіемъ „Вьенаца“. Какимъ уваженіемъ онъ пользуется, доказать его пятидесятилѣтній юбилей.

Наряду съ нимъ наиболѣе яркой индивидуальностью обладаетъ Іосифъ Козарацъ (1858). Отличный знатокъ Славоніи, онъ живописуетъ природу этой плодородной страны, съ густыми лѣсами которой живетъ общей жизнью, такъ какъ онъ является лѣсничимъ по призванію. Онъ видитъ, какъ чужеземцы высасываютъ всѣ соки изъ его родины, какъ варварски, изъ коммерческихъ соображеній, они уничтожаютъ дѣвные лѣса и при этомъ вытягиваютъ изъ сельскаго населенія подати, дѣйствуя, кроме того, развращающимъ образомъ на женскую его часть. Его рассказы зачастую преслѣдуютъ цѣли очищенія нравовъ. Козарацъ живописуетъ позорность общераспространенныхъ взглядовъ на бракъ, рассказывая, какъ изъ пустяковъ женщины бросаются на шею постороннимъ мужчинамъ. Тамъ, гдѣ Козарацъ остается честнымъ славонцемъ, онъ производитъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ когда онъ прячется за дарвиновскую теорію или хватается за высокія матеріи, хотя и въ этомъ случаѣ ему нельзя отказать въ психологической разработкѣ матеріала.

Въ качествѣ хорошаго изобразителя душевной

жизни, слѣдуетъ назвать далѣе симпатичнаго Янко Лесковара, меланхолика, открывающаго полное тепло сердца навстрѣчу бѣдливѣйшимъ изъ народа; произведенія его возбуждаютъ всеобщее вниманіе.

И Боснія тоже можетъ похвастаться собственной литературой и при этомъ столь же съ кроатской, какъ и съ сербской стороны. Среди всѣхъ прочихъ особенно популярное имя стяжалъ себѣ Иванъ Лепуничъ.

Прозаическая жизнь крестьянъ не является у кроатовъ такой излюбленной темой для разсказовъ, какъ у чеховъ или сербовъ.

Въ кроатской литературѣ наилучшее развитіе получили разсказы и повѣсти; у молодыхъ писателей наблюдается субъективизмъ и старательная, до мельчайшихъ деталей, обработка сюжета.

Новѣйшая кроатская поэзія.

Не на такой же высотѣ, какъ кроатская проза, стоитъ кроатская поэзія, которая до сихъ поръ не можетъ похвастаться такимъ явленіемъ, какъ Врхлицкій у чеховъ, Мицкевичъ и Жарский у поляковъ, и которая гораздо космополитичнѣе сербской.

Тѣмъ не менѣе и у кроатовъ имѣются таланты, какъ Арнольдъ, Граниловичъ, Гарамбаичъ. Лирика культивируется несравненно больше эпоса, представителемъ котораго является Назоръ (Славянскія легенды), и потомъ—скрывшійся за псевдонимомъ „Подравскій“—поэтъ, любящій дравскія мѣстности.

Въ лирикѣ пламенно воспѣвается отечество, любовь къ вину и женщинамъ. Молодые литераторы расширили свое міровоззрѣніе нѣмецкой, французской и итальянской поэзіей; они восприимчивы чужія идеи, но до сихъ поръ еще не переработали ихъ. Стремленіе къ модернизму сказывается и здѣсь, но ни сербу, ни кроату это не во спасеніе; только

изображеніе рафинированныхъ ощущеній находить, благодаря этому, доступъ въ литературу.

Разумѣется, романисты, какъ Томичъ, и драматурги, какъ Трезичъ-Павичичъ, тоже пишутъ стихотворенія.

Въ восьмидесятыхъ годахъ особенно выдвинулся покойный Гуго Бадаличъ (1851—1900), главнымъ образомъ благодаря своему циклу „У Адриана“. Благодаря своему либретто „Зрини“ онъ заслужилъ всеобщую популярность такъ же, какъ онъ заслуживаетъ быть упомянутымъ въ качествѣ переводчика Пушкина. Изъ оставшихся послѣ него бумагъ его сынъ издалъ первую часть Фауста.

Очень тонкимъ умомъ и большой образованностью отличается Дьюро Арнольдъ (1851), лучший поэтъ романсовъ и балладъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ проявляетъ себя философомъ, такъ какъ въ каждомъ выдвигаетъ определенную догму. Онъ былъ вожакомъ традиціоналистовъ и лучшимъ поэтомъ восьмидесятыхъ годовъ. Изъ массы стихотвореній его слѣдуетъ упомянуть — „У Шпрее“, „Подъ липами“.

Истиннымъ гениемъ красоты кроатской литературы является профессоръ Франко Марковичъ (1845), писавшій также драмы и въ качествѣ эстетика-критика, напоминающаго чеха Юсифа Дурдица. Онъ и Жрепелъ имѣли значительное вліяніе на вкусъ кроатскихъ литераторовъ.

Весьма замѣтнымъ явленіемъ на югѣ былъ Іованъ Граниловичъ, прежній редакторъ „Вьснац“, идеалистъ и патриотъ, при этомъ благородный и вдохновленный на все хорошее человѣкъ, который всегда выступалъ на защиту объединенія сербовъ и кроатовъ. Какъ знатокъ русской, польской и нѣмецкой литературы, онъ работаетъ также и въ области критики.

Весьма похожъ на него самый излюбленный поэтъ восьмидесятыхъ годовъ поэтъ д-ръ Августъ Гарамбаичъ.

рамбажикъ, посаженный въ тюрьму за свой политическій радикализмъ. Легкость, съ которой онъ пишетъ стихи, заставляла въ прежнее время зачастую обращаться къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было написать прологъ для національнаго торжества, хотя это и привело его къ пустой версификаціи. Патріотическое воодушевленіе, глубокое чувство и любовь звучатъ въ его многочисленныхъ стихотвореніяхъ, между которыми лучшими являются сборники „Ружмаринке“ и „Слободарке“. Онъ и Иза Великановичъ переводили лучшія произведенія графа Толстого, Пушкина, Сенкевича и Шевченки.

Въ девяностыхъ годахъ выдѣлился Тугомиръ Алауповичъ, первый боснійскій докторъ славистики своими неустанными статьями въ „Вьенац“. Стихотворенія его выдѣляются ясностью мысли, благородной манерой письма и теплымъ патріотизмомъ.

Въ Босніи слѣдуетъ отмѣтить поэта Крањевича, главнаго сотрудника прекратившей свое существованіе „Нада“. На него молодое поколѣніе глядитъ съ большимъ уваженіемъ и считаетъ его первымъ среди модернистовъ. Онъ старается выказать себя усталымъ душой, пессимистомъ, скептикомъ, несчастнымъ отъ ничтожества этого міра; мысли его облекаются въ туманную форму, иногда совершенно неясны, зато форма всегда великолѣпна. При этомъ онъ выискиваетъ всегда необыкновенные случаи и картины.

Среди молодыхъ писателей приведу трехъ братьевъ Остойничъ, выступившихъ на литературное поприще въ 1900 году, и Каталиничъ-Иеретова, котораго хвалятъ особенно за картинность выраженій и за тѣ стихотворенія, которые написаны имъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Въ кроатской литературѣ встрѣчаются такіе индивидуумы, которымъ мѣстная жизнь и ея условія кажутся слишкомъ тѣсными и узкими. Такъ, кроаты имѣютъ невращенника Михалевича; космо-

полита Сабича, который только и дѣлаетъ, что философствуетъ о вселенной и человѣчествѣ; почитателя романской литературы, поклонника шелка и позъ Беговича; затѣмъ Петравича, который съ большою силой набрасываетъ картины прошлаго и предпочитаетъ Кардуччи всѣмъ остальнымъ поэтамъ. Писатели, родомъ изъ Далмаціи, лучше всего знаютъ итальянскую литературу.

Среди молодыхъ слѣдуетъ назвать еще д-ра Дежелича. Сопеты его доказываютъ живую фантазію, богатое воображеніе и любовь къ жизненной правдѣ. Д-ръ Дежманъ, который велъ „молодыхъ“ въ бой, писалъ рассказы и историческіе романы. На ряду съ нимъ кроатами очень цѣнятся Михаилъ Николитчъ, лучший поэтъ среди „молодыхъ“.

Въ общемъ—поколѣніе восьмидесятниковъ глубже, яснѣе и естественнѣе, чѣмъ новѣйшее—первое, витающее въ полусознанныхъ снахъ. Но все-таки кажется, что это—только переходная эпоха.

XI.

Обновленная богемская литература.

Достопамятный 1848 годъ, принесшій съ собою чехамъ не только гражданскую и національную свободу, но и новый кругъ идей, ознаменовался въ литературѣ окончаніемъ сумеречнаго періода.

Въ безплодные пятидесятые годы одна только личность выдѣляется изъ сѣрости безвременья—это Карлъ Эрбенъ (1811—1870) со своимъ сборникомъ стихотвореній „Цвѣточный букетъ“; написанныя въ народномъ духѣ баллады поражали краткостью и силой выраженій и драматической обработкой сюжета, какъ, напримѣръ, стихотвореніе „Свадебная рубашка“, написанное на ту же тему, что и „Ленора“ Бюргера, но только съ мѣстнымъ оттѣнкомъ.

Эрбенъ, архивариусъ города Праги, былъ по существу историкомъ и славянофиломъ, который издалъ лѣтопись Нестора и сказки на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; онъ собиралъ народныя пѣсни и пословицы, чѣмъ сталъ для чеховъ Вукомъ Караджичемъ.

Его дальнѣйшей заслугой является опубликованіе имъ важныхъ древнихъ памятниковъ чешской письменности,—такъ, напримѣръ, произведеній Гусса, Томаса фонъ-Штитней и т. п. Его красивые, звучные стихи возбуждали восторгъ молодежи шестидесятыхъ годовъ, а „Цвѣточный букетъ“ находить и по сіе время откликъ въ Богеміи. Послѣ смерти Шафаржика взоры всѣхъ славянскихъ ученыхъ обратились на Эрбена и Іосифа Йиречека.

Краеугольнымъ камнемъ, отмѣчающимъ собой начало новой эпохи въ области литературы, является изданіе альманаха „Лада Ніола“ и „Май“, а также появленіе въ свѣтъ произведенія Божены Нѣмцовой „Бабочка“ (бабушка).

Любимцами молодыхъ писателей въ то время являлись современные имъ представители „Молодой Германіи“, въ особенности же Гейне и Верне, а также лордъ Байронъ, произведенія которыхъ такъ же приходились по сердцу ихъ юной издерганности и міровой скорби, какъ и мистическое мессіанство Польши.

Нѣмецкія произведенія, воспѣвавшія чешское прошлое, и романы Вальтеръ Скота встрѣчали большое сочувствіе у молодого, задорнаго поколѣнія; отдѣльные поэты „Майскаго кружка“ подражали русскимъ или французамъ. Но мало по малу національная самобытность проступала все рельефнѣе, литература во всѣхъ отрасляхъ шла въ ширь, и все совершеннѣе и совершеннѣе становилась форма.

Самымъ популярнымъ въ народѣ явленіемъ, носившимъ въ то же время на себѣ національную печать, былъ рассказъ „Бабочка“, съ которымъ Бо-

жена Нѣмцова выступила на литературное поприще въ качествѣ первой натуралистки чешской литературы. Она набрасываетъ въ этомъ рассказѣ законченную картину образа жизни и мыслей богемскаго крестьянина, непринужденно влетаетъ въ общую нить рассказа правы и обычаи, такъ что быть чешскаго народа встаетъ ясно и согласно съ дѣйствительностью передъ читателемъ. Простое, но тѣмъ не менѣе мастерское произведеніе это обнажаетъ свѣтотѣнь богемской сельской жизни и привлекаетъ къ себѣ читателя, словно стройная пригожая дѣвка въ національномъ костюмѣ, которой любятъ взоры всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ.

„Бабочка“ скоро завоевала всѣ сердца и была переведена на всѣ европейскіе языки. Кромѣ того, Боженѣ Нѣмцовой очень удалась ея сказки и рассказы изъ жизни Богеміи и Словакии, куда ее занесло судьбой; вездѣ писательница проявляетъ большую наблюдательность.

Если Божена Нѣмцова стала образцовой писательницей благодаря своей прозѣ, то среди поэтовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ слѣдуетъ назвать, какъ самаго популярнаго, Витьеслава Галека (1835—1874). Воспримчивый ко всему прекрасному его нѣжный талантъ въ изящныхъ тонахъ воспроизводитъ все то, что задѣвало его чувства. Всегда глубоко искренній въ своихъ чувствахъ, нѣжный въ оттѣнкахъ настроенія, Галека создавалъ стихотворенія, заставлявшія вспоминать о „Книгѣ Пѣсней“. Его „Вечернія пѣсни“ и „На лонѣ природы“ доказываютъ его глубокое чутье къ природѣ, въ то время какъ звучность стили и сердечность обезпечиваютъ ему любовь и позднѣйшихъ поколѣній.

Даже при обработкѣ ряда эпическихъ сюжетовъ, взятыхъ изъ Словакии, изъ южно-славянской жизни и чешской исторіи, его душа не можетъ отказаться отъ лиризма, и въявіе романтизма обвѣваетъ его болѣе длинные стихотворенія, въ которыхъ въ то

же время сказывается пристрастие къ Байрону и пропитанной скорбью польской литературѣ.

Галекъ пробовалъ свои силы также и въ драмѣ, но его лирическая натура оказалась и здѣсь без-сильной создать человѣка во плоти и крови суровой дѣйствительности.

Отношеніе Галека къ деревенскому населенію, которое онъ выводилъ и въ до нынѣ популярных многочисленныхъ разсказахъ, соответствовало его романтическому духу, но онъ умѣлъ возбудить въ читателѣ любовь и сочувствіе къ изображаемымъ въ нихъ личностямъ. Онъ является создателемъ легкой литературы (эскизовъ, арабесковъ, новеллъ), расцвѣтшей въ Богеміи въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ.

Его путешествіе по южно-славянскимъ землямъ дало ему матеріалъ для ряда фельетоновъ; такимъ образомъ, этотъ плодовитый писатель работалъ во всѣхъ отрасляхъ литературы и поднималъ чешскую литературу на замѣтную для того времени ступень.

Точно также во власти романтическихъ тенденцій и вначалѣ подъ влияніемъ Байрона былъ Моравскій (1833—1875), который первый сдѣлалъ шаги на пути къ чешскому реалистическому роману. Политическое и гражданское положеніе богемскаго народа вызывало его на рѣшеніе національных и социальныхъ вопросовъ, что онъ облекалъ въ форму романа. Такимъ образомъ, его надо считать основателемъ социального романа изъ жизни чешскихъ рабочихъ и фабричныхъ. Если иногда, какъ, напримѣръ, въ „Изъ маленькаго міра“ или „Потерянная жизнь“, онъ и напоминаетъ Шпилльгагена въ романѣ „Загадочная натуры“ и употребляетъ романтическія вспомогательныя средства, то это дѣлается имъ для того, чтобы достигнуть болѣе захватывающаго интереса и шумнаго успѣха, но при этомъ онъ остается въ предѣлахъ чешской дѣйствитель-

ности, въ особенности въ изображеніи жизни рабочаго люда.

Моравскій писалъ и другіе романы, въ которыхъ выносилъ свой приговоръ бюрократизму, перебѣжничеству и политическому равнодушію; но вездѣ любовь является мощной двигательной силой, которая рѣшающимъ образомъ вліяетъ на ходъ событий. Въ „Панѣ Выжинскомъ“ автору образцомъ служилъ „Евгеній Онегинъ“ Пушкина, въ чемъ онъ, однако, не хотѣлъ признаться.

Въ шестидесятыхъ годахъ литература растетъ въ количественномъ отношеніи и становится всестороннѣе; можно было бы назвать много въ свое время громкихъ именъ, которыя, однако, не имѣли вліянія на дальнѣйшее развитіе литературы, почему ихъ и слѣдуетъ обойти молчаніемъ.

И хочу только упомянуть здѣсь объ одной ярко выраженной личности—Карлѣ Сабинѣ (1813—1877), который сначала былъ посаженъ въ тюрьму за политическій радикализмъ, но впоследствии сталъ полицейскимъ агентомъ. Не говоря уже о его обильной исторіи литературы, о немъ слѣдуетъ упомянуть какъ о романистѣ, который старался вызвать сочувствіе къ богемскимъ дѣламъ своими произведеніями и умѣлъ защищать національную идею съ воодушевленіемъ и бурной убѣдительно-стью.

Окрашенный романтизмомъ міръ политики былъ тѣмъ полемъ, на которомъ онъ оперировалъ всего удачнѣе. Его романъ „Оживленные гробы“ имѣлъ въ тридцатыхъ годахъ положительно рѣдкій успѣхъ. И въ области историческаго романа онъ былъ какъ дома. Необыкновенное знаніе европейской литературы дѣлало его способнымъ къ остроумнѣйшей критикѣ. Извѣстно также среди его либретто „Проданная невѣста“, написанное имъ для Сметаны.

Съ именемъ Сабини долгое время связывалось проклятіе измѣннику родинѣ; въ послѣднее время

дѣлались попытки къ его литературному оправданію.

Іоганнъ (Янъ) Неруда (1834—1891). Среди кружка поэтовъ, группировавшагося вокругъ „Лады Ніола“, І. Неруда скоро занялъ первенствующее положеніе. Его личность выдается надъ всѣми современниками, словно художественно обточенная гранитная глыба, да и до сихъ поръ онъ остается въ чешской литературѣ непревзойденнымъ.

Въ немъ соединялась творческая изобрѣтательность съ проникновеннымъ умомъ и чутьемъ къ злободневнымъ вопросамъ, которые онъ умѣлъ освѣтить совершенно своеобразно въ видѣ остроумныхъ фельетоновъ, благодаря чему взгляды его дѣлались доступными широкимъ массамъ. Такимъ образомъ онъ непосредственно брался за разрѣшеніе важныхъ національных вопросовъ, на которое имѣлъ большое вліяніе, такъ какъ его остроумному слову придавали въ Богеміи большой вѣсъ, и его воскресные фельетоны въ „Народни Листы“ вызывали всеобщій восторгъ своимъ каскадомъ острогъ.

Несравненный, говорящій о правдѣ жизни юморъ струился изъ его сердца, полный любви къ народу и скрывающій незримыя слезы. Этотъ юморъ проявляется, однако, не только въ его фельетонахъ, путевыхъ картинкахъ и разсказахъ, но и въ поэтическихъ произведеніяхъ.

Трудно найти въ этомъ драгоценномъ камнѣ какой-нибудь дефектъ, потому что поэтъ умѣетъ сочетать необыкновенную ясность и неподражаемую гладкость формы съ поэтически-художественной выразительностью. Его философскій умъ, воспитанный на нѣмецкихъ образцахъ, проявляется не только въ критикѣ имѣвшихъ на лицо условій жизни, но и въ одѣлкѣ собственнаго творчества. Поэтому каждое изъ его стихотвореній является законченнымъ художественнымъ произведеніемъ. Его наблюдательность, которая часто возвращается къ собственной

своей сути и контролируется разсудкомъ, выражается характерной для него горечью, которая часто вырастаетъ до сарказма.

Въ то время, какъ его „Кладбищенскіе цвѣты“ (1858) выдають душевную эволюціонную борьбу юноши, въ „Книгѣ стиховъ“ (1867) Неруда является передъ нами уже зрѣлымъ поэтомъ, художественный языкъ котораго наполняетъ нашу душу удивленіемъ. Къ величайшимъ литературнымъ сокровищамъ принадлежатъ его „Баллады и романсы“, написанныя въ народной формѣ, но въ обще-человѣческомъ духѣ.

Вѣчные законы природы, какими они проявляются во всей вселенной, даютъ ему въ „Космическихъ нѣсплахъ“ матеріалъ для сравненій съ человекомъ и его отношеніями ко всѣмъ житейскимъ условіямъ, отечеству, жизни и смерти.

Наряду съ этими капитальными столпами чешской литературы, Неруда создалъ еще особый родъ разсказовъ, въ которыхъ выводилъ типъ мелкаго пражскаго мѣщанства съ присущимъ ему здоровымъ юморомъ. Эти плоды творчества Неруды понравились также и нѣмцамъ, такъ что почти всѣ разсказы были переведены. Геніальный реалистъ изображалъ, какъ и его другъ Галець, чужеземныя страны, которыя онъ объѣзжалъ, съ естественной свѣжестью и живостью; приправлялъ свои выводы аттической солью, такъ что „Остроуміе Неруды“ стало поговоркой въ Богеміи.

Неруда былъ въ высшей степени дѣятельнымъ и при этомъ сознательнымъ вожакомъ чешской литературы, съ одной стороны, какъ геніальный фельетонистъ нѣкоторыхъ газетъ, съ другой стороны, какъ редакторъ „Поэтичке бесѣды“, собранія книжечекъ, для котораго поэты восьмидесятихъ годовъ доставляли матеріалъ; противъ него ничего не могли сказать даже и „молодые“.

Адольфъ Геидубъ (1835). Однимъ изъ чле-

новъ „Мая“, кружка, стремившагося къ выработкѣ самостоятельной индивидуальности, былъ Адольфъ Гейдукъ, старѣйшій изъ живущихъ въ настоящее время чешскихъ писателей.

По своей индивидуальности и искренности Гейдукъ являетъ много родственнаго съ Галлекомъ. И его пѣсни тоже проникнуты романтизмомъ; проза отъ него очень далека. Даже эпические сюжеты складываются для него въ образъ пѣсни. Невозможно течетъ свѣтлый ручеекъ его поэзии, нѣжа слухъ своимъ мягкимъ журчаньемъ. Только однажды его поэзію всколыхнула скорбь по потерѣ единственной дочки.

Ближе всего стоитъ онъ къ чешскому духу и сердцу въ чудныхъ сагахъ, сказкахъ, басняхъ и побасенкахъ, изъ которыхъ такъ и струится пранный ароматъ цвѣтовъ и лѣсовъ его родины, и въ патріотическихкихъ пѣсняхъ.

За все долгое время своей дѣятельности Гейдукъ оставался вѣрнымъ себѣ—о какой-либо эволюціи у него не можетъ быть и рѣчи. „Богемскій лѣсной соловей“ сразу захватываетъ читателя искренностью своего тона.

Богемскіе лѣса съ чудной природой и своеобразностью народа доставляли ему богатый источникъ поэзіи; кромѣ того, его талантъ охотно проскальзываетъ въ уголокъ „прядильной горницы“, гдѣ и вилеетъ золотыя нити въ нѣжныя пѣсенки и стихотворенія типа балладъ. И въ области идилліи онъ тоже бродилъ; самой извѣстной является его баллада „Ольдрихъ и Божена“, разыгрывающаяся на богемскомъ тронѣ, и глубоко поэтическое „Завѣщаніе дѣда“.

Въ послѣднее время онъ выбираетъ библейскіе сюжеты, которые даютъ ему возможность наблюдать за человѣчествомъ.

Фантазія уносила его и въ область Словакии, но онъ восхищался не только словацкимъ народомъ.

но и величьемъ природы и безшабашностью цыганскихъ пѣсней.

Недавно еще поэзія завела его даже на Кавказъ. Въ послѣднемъ сборникѣ его стихотвореній „Изъ дневника бродячаго пѣвца“ поэтъ является словно помолодѣвшимъ и временами даетъ мощные аккорды страсти и самосознанія.

XII.

Неожиданный расцвѣтъ чешской литературы.

Чехъ, Врхлицкій, Зейеръ.

Борьба за политическія домогательства въ семидесятыхъ годахъ вызвала у чеховъ не только національный, но и литературный подъемъ.

Исходной точкой литературнаго движенія, коренившагося въ стремленіи къ разграниченію духовнаго развитія, образовалъ альманахъ „Рухъ“ 1868 года, вокругъ котораго сгруппировался рой молодыхъ мечтателей.

Этотъ кружокъ поэтовъ обращалъ особенное вниманіе на форму; на немъ неоднократно проявлялись слѣды вліянія иностранныхъ литературъ, въ особенности же французской и польской.

Молодое поколѣніе ученыхъ, изъ котораго вышло нѣсколько профессоровъ университета, проявляло въ обществѣ „Славія“ многообщающую дѣятельность. Основаніе чешскаго университета въ восьмидесятыхъ годахъ сыграло рѣшающую роль въ культивированіи научной литературы. Когда къ тому же, благодаря чешскому меценату Іосифу Главкѣ, была основана богемская академія искусствъ и наукъ, то наука получила въ ней новую опору. Многочисленные повременныя изданія распространяли въ народѣ просвѣщеніе, а предприимчивые издатели шли рука объ руку съ этими стремленіями.

Цѣлый переворотъ произвела въ то же время

борьба за подлинность Краледворской рукописи; борьба, въ которой политическая и литературная жизнь тѣсно соприкоснулись другъ съ другомъ. Быть можетъ въ стремленіи познать истину тогда зашли даже слишкомъ далеко, но зато эта гроза очистила воздухъ и подѣйствовала освѣжающимъ образомъ на всю чешскую литературу. Теперь и русскій реализмъ встрѣтилъ отзвукъ въ Богеміи; образовалась особая политическая партія, поставившая своей задачей культуру литературы; благодаря удачнымъ переводамъ философская литература была обогащена на славу. Въ чешской литературѣ наблюдается подъемъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Истинные поэты работаютъ по всѣмъ отраслямъ литературы; и романъ тоже встрѣчаетъ своихъ адептовъ.

Святополкъ Чехъ (1846). Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ Святополкъ Чехъ заслужилъ величайшую симпатію, которой онъ обязанъ содержаніемъ и духомъ своихъ стихотвореній и новеллъ. Въ немъ видѣли духовнаго пастыря, непосредственнаго переводчика-истолкователя чешской души, потому что онъ умѣлъ высказать то, что всѣхъ угнетало, такъ что онъ всѣхъ наэлектризовывалъ, увлекалъ за собой, какъ только открывалъ пламенной рѣчью свое сердце. Благодаря богатой пышной фантазіи, ослѣпительной красочности изображенія, мѣткости сравненій Чехъ стяжалъ поэтическіе лавры.

Наряду съ громаднымъ подъемомъ во всѣхъ его произведеніяхъ насъ поражаетъ рѣдкая искренность и глубина чувства; въ началѣ своей поэтической карьеры онъ охотно брался за патріотическіе сюжеты съ романтической окраской, но вездѣ чувствовалось глубочайшее внутреннее убѣжденіе поэта. Ни малѣйшаго пустозвонства, ничего звячущаго—что кипитъ въ его груди, то и находитъ себѣ исходъ въ его поэтической рѣчи. Точно также

и политическія пѣсни его явились плодомъ глубокаго убѣжденія; если онъ и не достигаютъ высоты художественнаго значенія „Утреннихъ пѣсенъ“ или „Новыхъ пѣсенъ“, то во всякомъ случаѣ тысячи людей были выведены ими изъ своей неподвижности. „Пѣсни раба“ произвели шумный успѣхъ и выдержали двадцать восемь изданій.

Богемскій историкъ Чехъ пользовался неоднократно для эпическихъ стихотвореній. Его „Адажизнь“ этого религіознаго мечтателя, обезпечили Чеху послѣ своего появленія въ свѣтъ почетное мѣсто въ чешской литературѣ. Очень хорошо его стихотвореніе „Дагмара“, представляющее судьбу дочери Оттокара, обрученной съ датскимъ королемъ. Ея путешествіе на новую родину даетъ поэту возможность изобразить несчастливую судьбу Ободритовъ, населявшихъ когда-то островъ Рюгенъ. „Вацлавъ зъ Михаловицъ“ даетъ намъ возможность бросить взглядъ на самый печальный періодъ чешской исторіи во время, послѣдовавшее за битвой у Бѣлой Горы. Въ „Йижижъ“ онъ воспѣваетъ чешскаго героя, тогда какъ въ „Рогачъ Сіона“ и другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ онъ проявляетъ свою любовь къ эпохѣ Гуса.

Среди его лиро-эпическихъ стихотвореній особенно выдается „Въ тѣни липъ“; произнесены великими идеями его „Европа“ и „Славія“.

Иногда въ поэзіи Чеха звучатъ также и социальныя струны, какъ, напримѣръ, въ его „Кузнецъ изъ Лежетины“, стихотвореніи, которое обошло страну въ тысячахъ списковъ, было положено на музыку и повсюду пѣлось.

Чистая лирика Чеха въ началѣ его поэтической карьеры даетъ извѣстное основаніе уподобить его отчасти Лермонтову. Позднѣе онъ выдвинулся въ „Молитвахъ Неизвѣстному“, „Утреннихъ пѣсняхъ“ и

„Новыхъ пѣсняхъ“ своей сильной и самоудовлетворяющей индивидуальностью.

И сатира, и юморъ играютъ немалую роль въ его поэзіи. Такъ, въ „Гануманѣ“ онъ создалъ животный эпосъ, а въ „Небесномъ ключикѣ“ обработалъ сказочную тему, анализируя шаткое понятіе „счастья“. Въ „Великанѣ Великановичѣ“, а также въ другихъ стихотвореніяхъ, въ особенности же — въ „Вручкіадахъ“ и „Живописныхъ поѣздкахъ по Богеміи“ онъ бичуетъ слабыя стороны національной жизни.

Кромѣ того, Святополкъ Чехъ выдвинулся и въ качествѣ прозаика, причемъ ему особенно удавалась легкая литература, какъ рассказы, новеллы, арабески и фелетоны. Сюжеты онъ выбираетъ обыкновенно изъ дѣйствительной жизни, хотя въ обработкѣ его и не пользуется чисто реалистическою манерой. Для чешской прозы онъ былъ тѣмъ же, тѣмъ былъ Пушкинъ для русской. Стиль его безукоризненъ; его также слѣдуетъ назвать мастеромъ рѣчмы. Въ „Вацлавъ Живза“ онъ обогащаетъ чешскую поэзію гекзаметромъ, приспособленнымъ къ чешскому языку.

Если мы говорили про Неруду, что онъ направлялъ общественное мнѣніе, то про Чеха можемъ сказать, что онъ является выразителемъ чешскаго сердца. Это незамѣнимый человѣкъ, который говорить во имя своего народа слово утѣшенія, когда горе и уныніе тѣснятъ его сердце и скорбь готова превратиться въ отчаяніе. И объ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ можно сказать: тысячи людей облагородилъ и поднималъ онъ, но не испортилъ — ни одного.

Ярославъ Врхлицкій (17-го февраля 1853). Среди солидныхъ журналовъ, возникшихъ въ семидесятыхъ годахъ подъ вліяніемъ охватившей всѣхъ жажды насажденія просвѣщенія, самымъ значительнымъ былъ „Лумір“, такъ какъ къ нему примкнулъ кружокъ поэтовъ, изъ котораго вышелъ са-

мый выдающийся чешскій поэтъ. — Ярославъ Врхлицкій, настоящее имя котораго было Эмилъ Фрида.

Онъ родился 17-го февраля 1853 года на дорогѣ между Лауномъ и Шланомъ (подобный же случай съ неопредѣленностью мѣсторожденія мы встрѣчаемъ въ біографіяхъ Мицкевича и Торвальдсена). Послѣ того, какъ онъ побывалъ во многихъ богемскихъ гимназіяхъ, Фрида поступилъ въ семинарію, но обратился къ изученію философіи (1873—1875). Въ качествѣ воспитателя графа Монтекуколи онъ пробывъ годъ въ Италіи. На ясную и чистую натуру поэта годъ пребыванія въ классической странѣ произвелъ значительное впечатлѣніе; здѣсь старая божества облекались новой жизнью, здѣсь старая воспримчивую душу дѣйствовали произведенія искусства; онъ основательнѣе забрался въ средне-вѣковую и современную итальянскую литературу и искусство и явилъ глубокое чутье къ романскимъ литературамъ.

По возвращеніи въ Богемію онъ сталъ важнѣйшей опорой Луміровскаго кружка.

Съ 1892 года, когда Врхлицкій былъ избранъ докторомъ „honoris causa“ и профессоромъ современной литературы чешскаго университета, онъ работаетъ и въ качествѣ критика и историка литературы. Какъ секретарь IV класса чешской академіи наукъ онъ редактируетъ важный сборникъ переводовъ и въ качествѣ поэта, писателя и редактора проявляетъ кипучую дѣятельность; за это на его долю выпалъ почетный призвъ въ австрійскую палату господъ.

Въ настоящее время Ярославъ Врхлицкій является самымъ плодовитымъ и универсальнымъ поэтомъ, лирикомъ и эпикомъ, съ которыми не идетъ въ сравненіе ни одинъ изъ современныхъ поэтовъ. Его поэтическая сфера не знаетъ земныхъ границъ, гений его обнимаетъ исторію всего человѣчества. Онъ возносится въ Хаосъ, сливается чувствомъ съ

ангеломъ, не могущимъ испытать человѣческой любви къ женщинѣ, испытываетъ дьявольскія муки, переносится на индійскія поля, чтобы впнать въ себя буддійскую мудрость, слѣшнть перенестись черезъ персидскіе сады розъ въ страну возлюбленной древности, боговъ и классическаго искусства, которые онъ оживляетъ однимъ дыханіемъ, и погружается въ таинственную тѣму чешскаго прошлаго.

Вся эпопея человѣчества съ Христомъ во главѣ влечетъ его воспѣть ее; дѣйственные хѣса, пальмовыя роши юга и дивныя поля Богеміи навѣвають на него свои чары.

Вскорѣ онъ погружается въ сѣверную сагу, за тѣмъ тутъ же всхлипываетъ и разражается криками восторга вмѣстѣ съ пастухами, переноситъ насъ во времена трубадуровъ, вызываетъ къ жизни Сиды, Роланда, вводитъ насъ въ кругъ мысли и чувства выдающихся поэтовъ всѣхъ великихъ литературъ и здравымъ разсудкомъ охватываетъ всѣ жизненные обстоятельства; въ своей гуманности онъ все можетъ понять и все прощаетъ. Его богатая, пышная фантазія пронизываетъ все и все покрываетъ золотомъ своихъ чаръ; но въ особенности же лучезарнымъ вѣнцемъ одѣваетъ онъ любовь къ женщинѣ. Въ молодости любовь была для него важнымъ импульсомъ его жизнерадостности и веселости; только позднѣе свѣтящіяся краски сливаются въ „сѣрость“, и въ послѣднее время порою звучитъ въ его поэзіи вѣжнй тонъ покорности и горечи житейскаго опыта.

Такъ шагаетъ Верхлицкій, словно герой, все впередъ и впередъ, не обращая вниманія на вражескія нападки, и фигура его вырастаетъ до безконечности. Но сердце его охотно ластится къ преданному существу; то онъ любитъ и лобзаетъ съ здоровой, естественной чувственностью, то философствуетъ какъ ученый, рѣшаетъ важные вопросы, черпаетъ мудрость изъ источниковъ жизни, вѣры и философіи, то погружается духомъ въ таинствен-

ность старыхъ легендъ, живетъ со старыми классиками, чувствуетъ съ художниками, братается съ Данте, Петраркой. Все, даже самое маленькое впечатлѣніе вызываетъ въ его душѣ поэтическій откликъ; лучшимъ доказательствомъ эластичности его генія являются его „Ночныя пѣсни“. Врхлицкій является поэтомъ, жаждущая душа котораго тоскуетъ „объ океанѣ красоты, который можно было бы выпить“, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ; „Бурю и миръ, кипень и грезы, радость и горе, адъ и рай, блаженство и холодъ“—все, что несла съ собою жизнь, онъ отразилъ въ своихъ стихотвореніяхъ, и когда волшебница-ночь принимается пряхъ ткань мысли, онъ пытается охватить сущность жизни.

По своей натурѣ Врхлицкій космополитъ, хотя онъ и пользовался чешскимъ матеріаломъ для своихъ произведеній. Но въ поэмахъ изъ узкаго круга родины онъ не проявляетъ своего истиннаго „я“. Его любовь къ греческому и римскому классицизму и романскимъ литературамъ, а также его влеченіе къ міру еврейства оставило глубокіе слѣды на его поэзіи. Поэтому, для того, чтобы воспринять его творчество съ наслажденіемъ и пониманіемъ, необходимо страстно любить чистоту и ясность античнаго классицизма. Но лирическія стихотворенія являются у него плодомъ его внутренняго настроенія. По разнообразію и богатству фантазіи Врхлицкій приближается къ боготворимому имъ Виктору Гюго, по спокойствію и ясности—къ Гете.

Многочисленные сборники лирическихъ стихотвореній, выходяшіе въ свѣтъ подъ самыми причудливыми заглавіями, содержатъ въ себѣ чистѣйшіе перлы поэзіи. Къ нимъ присоединяются эпическія стихотворенія большого и малаго размѣра, легенды и миѣы, въ которыхъ онъ платитъ свою дань также и чешскому духу. Такъ, напримѣръ, въ „Легендѣ о святомъ Прокофій“ онъ сумѣлъ соединить національный вопросъ съ религіозностью и вѣжной

любовью. Въ романтическомъ эпосѣ „Марка“ отражается часть міра чешскихъ преданій, въ которомъ чешскія амазонки не сумѣли противустоять очарованію любви.

Въ балладахъ Врхлицкій замѣстилъ теперь Неруду; онѣ пишутся имъ вполне въ чешскомъ духѣ.

Картину еврейской философіи даетъ драматическій эпосъ „Баръ-Кохба“ и другія стихотворенія, такъ же, какъ и драма „Мудрость раввина“. И въ области драмы проявляется необыкновенная сила творчества Врхлицкаго.

Онъ написалъ около тридцати драмъ, для которыхъ выбиралъ сюжеты изъ жизни античныхъ, чешскихъ и иностранныхъ народностей. Въ „Ночи на Карлштейнѣ“ Врхлицкій далъ образецъ классической чешской драмы, переведенной даже на нѣмецкій языкъ.

Выдающееся значеніе имѣла его дѣятельность въ качествѣ переводчика. Онъ внесъ въ чешскую литературу величайшія сокровища по крайней мѣрѣ десятка иностранныхъ литературъ, открылъ своимъ соплеменникамъ кладези лучшей поэзіи германской, романской и славянской литературъ. При этомъ онъ умѣетъ передать иностранное произведеніе совершенно въ его духѣ, съ природнымъ колоритомъ и въ размѣрѣ оригинала.

Что касается формальной стороны его творчества, то ни рима ни размѣръ не представляютъ для него ни малѣйшихъ затрудненій. Его бѣглость, даже мастерство во владѣніи языкомъ достойно удивленія. Стихи на чужомъ языкѣ онъ можетъ тутъ же передавать по-чешски. Кромѣ того, онъ обезпечилъ за всѣми стихотворными размѣрами право гражданства въ чешскомъ языкѣ.

Врхлицкій является также и искуснымъ стилистомъ-прозаикомъ; онъ написалъ собраніе маленькихъ рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Цвѣтныя

черешки“, которое было переведено и на нѣмецкій языкъ.

Особенно важными являются его историко-литературныя работы, которыя касались въ большинствѣ случаевъ оцѣнки иностранныхъ, а иногда и чешскихъ произведеній. Научная эрудиція большинства его этюдовъ доставила его мнѣнію въ этой области большой вѣсъ.

Юлій Зейеръ (1841—1901) былъ однимъ изъ выдающихся членовъ Лумірскаго кружка.

Онъ представляетъ изъ себя одного изъ индивидуальнѣйшихъ поэтовъ Чехіи, самобытный, настолько отличающийся собственнымъ колоритомъ таланта, что сравненіе его съ кѣмъ бы то ни было оказалось бы неподходящимъ. Его поэтическая душа, отражающаяся въ его произведеніяхъ, возвышается надъ повседневностью, его стихотворенія возносятся духъ читателя въ тѣ области, въ которыя не проникаетъ пошлая дѣйствительность. Зейеръ колоссально богатъ поэтическими грезами, онъ всегда правдивъ въ изображеніи своихъ чувствъ, чистъ и является страшнымъ идеалистомъ и законченнымъ художникомъ.

Какъ поэтъ Зейеръ эпикъ, но содержаніе его произведеній отличается мягкой, лирической обработкой; развитие сюжета проводится съ напряженнымъ интересомъ. Его фантазія уноситъ его во всѣ страны, во всѣ времена. Онъ оживляетъ средневѣковый образъ Карла Великаго и его палладиновъ, его духъ витаетъ во временахъ германцевъ, приноситъ сокровищницы сѣверныхъ сагъ, витаетъ въ Ирландіи, Литвѣ и чаруетъ нашъ глазъ пламенной пышностью востока. Зейеръ снялъ со своихъ героев грубые солдатскіе доспѣхи и превратилъ ихъ въ доступныхъ самымъ глубокимъ чувствамъ личности, свѣточами которыхъ являются святая вѣра, христіанская любовь и любовь къ женщинѣ, но всегда идеальная.

Женщина представляет из себя для него воплощенную любовь. Это идеальное отношеніе къ женщинѣ и его глубокое, истинно религиозное убѣжденіе возбуждаютъ въ читателѣ къ нему высокое уваженіе.

Онъ является образцомъ благороднаго рыцарскаго дѣльца изъ эпохи среднихъ вѣковъ, выступившаго на защиту высокихъ принциповъ. Его въ послѣднее время усилившаяся религиозность, дошедшая до таинственной вѣры въ чудеса и обожествленія Маріи-Дѣвы, привела его къ тѣсному общенію съ современной католической школой.

Зейеръ несравнимъ въ своей „Эпопее Каролинговъ“ и въ тѣхъ эпикахъ, гдѣ онъ пользовался сюжетами изъ древнихъ богемскихъ сказаній.

Зейеръ писалъ и прозой, которая у него представляла изъ себя нѣчто вроде бѣлыхъ стиховъ; въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ Зейеръ страшно рѣдко пользуется римой. Въ многочисленныхъ разсказахъ его извѣстное впечатлѣніе достигается роскошью красокъ и пристрастіемъ къ иноземнымъ сюжетамъ. Его усѣянный цвѣтами истинной поэзіи стиль выглаженъ на славу, разсыпанныя повсюду сравненія—поразительны, рѣчь течетъ мощнымъ плавнымъ потокомъ.

И въ драмѣ Зейеръ тоже выказалъ себя поэтомъ въ лучшемъ значеніи этого слова.

Несмотря на это, только послѣ своей смерти онъ былъ вполне признанъ; при жизни только немногіе могли понять возвышенность его натуры.

XIII.

Друзья и послѣдователи Врхлицкаго.

Врхлицкій и его друзья, сгруппировавшіеся, главнымъ образомъ, вокругъ издаваемого профессоромъ Сладекомъ „Луміра“, образовали собой высшую школу чешской поэзіи.

Главной заслугой ихъ является совершенство и гладкость формы и звучность рими, съ которой Врхлицкій „игралъ словно съ змѣей“, и особенно—расширеніе горизонтовъ поэзіи, въ особенности относительно нѣмецкаго и романскаго міра.

Іосифъ Сладекъ заслужилъ всеобщее уваженіе, какъ какъ писалъ просто, отъ сердца, въ духѣ народныхъ пѣсень; въ особенности цѣнны его переводы съ англійскаго и польскаго. Какъ переводчикъ съ польскаго извѣстенъ далѣе Отокаръ Мокрый, тоже довольно популярный писатель.

Пламенной славянкой является Эльза Красногорская, которая особенно любитъ Богемскій лѣсъ и славянской югъ и очень остро критикуетъ претензіозность молодого поколѣнія. Красногорская мастерицей перевела „Пана Тадеуша“ и двѣ книги стихотвореній Пушкина. „Небожественную комедию“ и многія стихотворенія Асныка перевелъ на чешскій языкъ Францъ Квапиль; онъ—авторъ „Княжскихъ пѣсень“, сюжетъ для которыхъ взялъ изъ русскихъ былинъ. Между прочимъ, онъ написалъ также большую статью о Мицкевичѣ; вмѣстѣ съ профессоромъ Зибромъ онъ редактируетъ извѣстія Чешскаго Музея.

Его однофамилецъ—Ярославъ Квапиль состоитъ редакторомъ „Злата Прага“ и воспѣваетъ въ тонко прочувствованныхъ стихотвореніяхъ женщинъ и ихъ чары, красное какъ кровь солнце, тихія моря, падающія звѣзды и розовые кусты. Временами онъ впадаетъ въ изысканность и изображаетъ скорѣе напускное, чѣмъ пережитое. При этомъ онъ счастливый драматургъ, вліятельный руководитель чешской литературы и почитатель Врхлицкаго, подобно Антону Клажтерскому, богемскому Франсуа Коппэ, лирику съ яснымъ взоромъ и теплымъ сердцемъ, выбравшимъ тихую жизнь для изображенія въ своемъ творествѣ. Побѣдка въ Италію дала ему случай издать сборникъ стихотвореній, въ которыхъ

все время звучит тоска по родинѣ; очень красивы его легенды о Христѣ и національных святыхъ.

Въ чешской литературѣ послѣдней четверти вѣка съ одной стороны, ясно выражается космополитическое теченіе съ Врхлицкимъ и Зейеромъ во главѣ, съ другой, — національно-патріотическое теченіе съ тяготѣніемъ къ славянству и злобѣ дня. Признанной главой послѣдняго является пользующійся повсемѣстной популярностью Святополкъ Чехъ, хотя самъ онъ и держится вдали отъ общественной жизни, затѣмъ — Мужикъ, Эмиль фонъ-Ченковъ, Каминскій, изображающій чешскихъ салонныхъ львовъ и Фр. Прохазька, сборникъ стихотвореній котораго выдержалъ много изданій.

Замѣтнымъ, изящнымъ явленіемъ была серафическая муза Ад. Черни, писавшаго подъ псевдонимомъ Янъ Ракита. Его бѣлые идеальные образы и цвѣты лотоса напоминаютъ классическія статуи; въ послѣднее время онъ идетъ „по стопамъ Христа“ и возвыщаетъ то истинное христіанство безъ формальностей, которое мы видимъ у Хельмичекаго; то христіанство, которое не терпитъ шовинизма, а требуетъ дѣятельной любви.

І. С. Махаръ (1864) является представителемъ реализма, какъ въ политикѣ, такъ и въ психологіи, хотя нѣкоторые стихотворенія изъ временъ его юности и выдаютъ склонность къ романтизму.

Задорный, критиканъ и зачастую впадающій въ личности Гейне. Изъ „Тристіумъ Виндобона“, сборника стихотвореній, къ намъ доносится тоска по родинѣ одинокаго Ведетты на Дунаѣ, но уже здѣсь онъ возстаётъ противъ исторически устанавливаемыхъ правъ и ссылается на естественныя права чешскаго народа. Какъ врагъ фразерства и напыщеннаго патріотизма Махаръ, счертя голову, ударилъ на пражскія дѣлишки, чѣмъ и приобрѣлъ многихъ враговъ. Но не смущаясь этимъ, Махаръ еще больше при-

нялся бичевать всѣхъ порядки; молодая генерация признала его своимъ духовнымъ вождемъ.

Апогеемъ его поэтического потенциала явились нѣкоторые сборники стихотвореній, въ которыхъ еще не выступаетъ политико-сатирическое направление послѣднихъ лѣтъ: „1893—1896“, „Гдѣ должны бы цвѣсти розы“, „Голгофа“ и отдѣльныя стихотворенія, въ которыхъ онъ вызываетъ передъ нами духовъ различныхъ личностей древности.

Весьма характерной для него является непосредственность его выраженій, законченность формы стихотвореній, почти всегда таящихъ въ себѣ зерно мысли. Благодаря продуманному выбору словъ и мастерскому примѣненію ихъ на надлежащихъ мѣстахъ, а также благодаря ѣдкости своихъ остротъ, Махаръ производитъ своими произведеніями большое впечатлѣніе.

Какъ умѣлъ Махаръ изображать социальныя отношенія выяснилось лучше всего въ его „Магдалинѣ“, произведеніи, которое выросло изъ женскаго вопроса, и которое великолѣпно изображаетъ безвкусную, пошлую жизнь сплетничающаго провинціального города, съ его предрасудками и безнравственностью.

Махаръ работалъ также и въ качествѣ прозаика, но критика ставитъ его, какъ поэта, много выше, пока онъ не отклоняется отъ чисто художественныхъ задачъ и не бросается въ политическую или классовую борьбу.

Антону Совѣ пришлось пройти цѣлую лѣстницу эволюціоннаго развитія; въ настоящее время онъ принадлежитъ къ послѣдователямъ реализмическаго направленія, хотя въ его поэзіи и сказываются отголоски фантастическаго, сверхчужденнаго элемента; иногда кажется, будто онъ не можетъ отдѣлаться отъ какого то болѣзненнаго призрака. Подобно Махару онъ тоже является аналитикомъ чешскаго общества, которое, благодаря своимъ фи-

листерскимъ взглядамъ, являеть собой малоблагопріятную почву для самостоятельно думающихъ людей.

Сова писалъ также и прозой; обыкновенно его эскизы содержатъ въ себѣ глубокую мысль; его герои ищутъ твердой почвы въ жизни, которая, однако, ускользаетъ отъ нихъ. „Хоть бы когда нибудь отдохнуть отъ самого себя!“ Какой болью звучитъ этотъ возгласъ поэта!

Много было говорено о „Романѣ Иво“, въ которомъ Сова изобразилъ любовь мечтателя къ сильной волей женщиной, преслѣдующей высокія цѣли. Сова (псевдонимъ: Илья Георговъ) возбуждаетъ въ послѣднее время особенное вниманіе литературнаго міра.

Всѣмъ этимъ еще далеко не законченъ рядъ чешскихъ поэтовъ, среди которыхъ самые молодые работаютъ около 15 лѣтъ и проявляютъ опредѣленную литературную фizioномію. Большинство названныхъ поэтовъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, смотря на Врхлицкаго, какъ на своего учителя.

XIV.

Чешская проза въ послѣднія десятилѣтія.

Въ послѣднія десятилѣтія особенной любовью пользуются новеллы, жанровая проза и рассказы, въ самое послѣднее время культивируется бытовая и историческій романъ. Фельетонъ получилъ совершенно опредѣленную форму; въ немъ, по заведенному творцемъ его, Нерудой, обычаю, трактуются злободневные вопросы и разсматриваются произведенія литературы и искусства. Талантовъ имѣется большое количество, пишется очень много, а выдающіеся писатели объединились въ союзъ, опубликовающій произведенія своихъ сочленовъ въ издаваемомъ при немъ журналѣ.

И въ прозѣ тоже наблюдается два теченія: чешское—мѣство-патріотическое, и обще-человѣческое—чисто художественное.

Большинство писателей стараются удовлетворить читательской горячкѣ публики, которая проявляетъ наибольшій интересъ къ бытовому роману изъ жизни высшаго общества. Главной пружиной послѣдняго является любовь, съ которой сплетается національная идея. Въ этой области тоже видно быстрое развитіе маленькаго, полного стремленій народа.

Во главѣ этого рода литературы, стоитъ заслуженный издатель „Освѣты“, В. Влчекъ, который написалъ цѣлый рядъ подобныхъ и историческихъ романовъ, изъ которыхъ одинъ посвященъ нападенію прусаковъ на Богемію въ 1866 году; теперь онъ издаетъ свои мемуары.

Рядомъ съ нимъ можно назвать Фердинанда Шульца († 1905 г.), прежняго редактора „Злата Прага“, который въ свое время былъ знаменитъ романами изъ аристократическихъ круговъ. Появившіеся въ 1904 году листки его Нимбурекскихъ воспоминаній даютъ интересную картину изъ жизни сороковыхъ годовъ, когда чешскіе города начали мало-по-малу раскрѣщаться отъ нѣмецкаго вліянія.

Политическую борьбу семидесятыхъ годовъ между старо-и младо-чехами изображалъ плодovitый писатель Ф. Х. Свобода, писавшій также и бытовые романы. Его супруга Роза считается выдающеюся писательницей. Самъ онъ тоже принадлежитъ къ лучшимъ драматургамъ.

Самобытнѣе всего оказываются тѣ авторы, которые пытались отразить народную душу различныхъ мѣстностей; подобные рассказы натуралистическаго характера, напоминающіе произведенія нашей народнической литературы, имѣютъ большую цѣность.

На первое мѣсто надо поставить картинки изъ сѣверной Богеміи, написанныя Карломъ Райсомъ, великолѣпнымъ знатокомъ Ичинской мѣстности. Райсъ отлично знаетъ деревенскую жизнь и понимаетъ сердце народа до мельчайшихъ деталей. Популярнѣе всего у него тѣ произведенія, въ которыхъ онъ выводитъ уже вымирающій типъ стараго учителя-органиста и того священника-патріота, который вынесъ на своихъ плечахъ всю работу по возрожденію чешскаго народа.

Сѣверные уголки Богеміи дали также и Анатолію Стражеку благодарный матеріалъ для его „Мечтателей нашихъ горъ“, въ которыхъ онъ выводитъ типы спиритовъ. Это новое ученіе очень распространено среди обитателей Семилы и Рохпштадта и дѣйствуетъ благотворно на нравственность ея послѣдователей.

Стражекъ отличный знатокъ польской литературы. Какъ разъ противоположную сторону Богеміи, а именно—Богемскій лѣсъ, описываетъ Карлъ Клостерманъ, изъ подъ пера котораго всегда выходятъ интересныя произведенія, за какой бы сюжетъ онъ ни брался.

Излюбленными имъ типами являются дровосѣки и стекловары; но и въ описаніи самого лѣса онъ является такимъ же мастеромъ, какъ и русскій Мельниковъ (Печерскій). Клостерманъ знатокъ не только богемскаго, но и нѣмецкаго населенія лѣсовъ, и съ одинаковой любовью относится къ обѣимъ народностямъ. Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько рассказовъ и большой романъ изъ жизни вѣнскихъ чеховъ.

Чешскую особенность составляетъ полная сплетень жизнь провинціальныхъ городковъ, въ которыхъ жители взаимно знаютъ другъ друга, собираются по вечерамъ за пивомъ, политиканствуютъ, играютъ въ карты, тогда какъ женская часть населенія собираетъ новости, которыя и выкладываетъ

при встрѣчахъ или въ вечернихъ „кофейныхъ“ собраніяхъ, во время которыхъ онѣ вяжутъ чулки и вздыхаютъ по чему-то невѣдомому. Эту счастливую ограниченность съ подобающимъ юморомъ описываютъ Фр. Геритесь и Штехъ.

Геритесь, бывший аптекарь, теперь редакторъ „Мая“, сразу заслужилъ популярность при первомъ выступленіи на литературномъ поприщѣ своимъ „Гербаріемъ“, въ которомъ вывелъ цѣлую бездну челоѣческихъ типовъ и особенностей.

Лучшимъ произведеніемъ его является „Богъ въ народѣ“, гдѣ онъ рисуетъ, какъ представляетъ себя чехъ въ несчастіи Бога. Недавно Геритесь издалъ свои воспоминанія о Волдьянѣ, Мокромъ и Зейерѣ, съ которыми былъ въ большой дружбѣ.

Заслугой Игнатія Германа было то, что онъ проникъ въ самые низы Праги, но и тамъ сумѣлъ найти челоѣческія чувства. Его эскизы очень популярны въ Богеміи, такъ какъ Германъ выдающійся юмористъ. Сердца читателей онъ особенно покорилъ воскресными рассказами въ „Народны Листы“, подписываемыми имъ „Иисилономъ“, въ которыхъ проявилъ веселость и наблюдательность.

Пражскія катакомбы изслѣдовалъ также Рудольфъ Кровбауеръ, специалистъ въ описаніи „крайнихъ инстанцій жизни“, а именно—сумасшедшихъ домовъ и родильныхъ пріютовъ. Въ послѣднее время онъ пишетъ романы изъ жизни Праги, гдѣ на первый планъ выступаетъ жизнь артистической богемы. Въ предисловіи къ „Катакомбамъ“ онъ описываетъ пражскіе писательскіе и художническіе союзы восьмидесятыхъ годовъ. Картины изъ болѣе высокихъ слоевъ Праги набрасываетъ Гладикъ, перешедшій редакторъ Луміра, который смотритъ на пражское мѣщанство глазами парижанина. Изъ Франціи и Англіи, гдѣ Гладикъ живетъ подолгу, онъ вынесъ новый масштабъ для чешскихъ обстоятельствъ. Три послѣднихъ писателя выказываютъ

искусный стиль и большой жизненный опытъ въ своихъ произведеніяхъ, что слѣдуетъ приписать той журналистической школѣ, которую имъ пришлось пройти.

Жизнь и взгляды сельскаго населенія Морави являютъ собой много самобытнаго, что дало богатый матеріалъ обомъ братьямъ Мржтичъ, лучшимъ чешскимъ реалистамъ и отличнымъ знатокамъ студенческой нищеты. Вильгельмъ Мржтичъ выступилъ передовымъ бойцомъ и защитникомъ русскаго реализма и французскаго натурализма; онъ перевелъ „Войну и миръ“.

Въ „Санта Лючіа“ онъ изображаетъ тяжелую борьбу за существованіе, выпадающую на долю студенту чешскаго университета, который, въ концѣ концовъ, не выдерживаетъ и попадаетъ въ больницу. Книга вызываетъ большой интересъ среди литераторовъ, студентовъ и врачей. Вильгельмъ Мржтичъ пишетъ также сообща съ братомъ Алономъ, — авторомъ „Года въ деревнѣ“, литературнаго произведенія перваго ранга, въ которомъ онъ глубоко проникъ въ чешскую народную душу.

Алонъ и Вильгельмъ Мржтичъ принадлежатъ къ числу лучшихъ чешскихъ художниковъ; въ нихъ сказывается что-то общее съ Тургеневымъ.

Кромѣ этого, чешская литература можетъ похвастаться длиннымъ рядомъ писателей и писательницъ, знаменитыхъ своимъ знаніемъ опредѣленныхъ мѣстностей; даже Шлевія нашла своего Сламу.

Въ совершенно своеобразномъ направленіи идутъ два реалиста-писателя — Шимачекъ и Шлейяръ.

М. Шимачекъ, прежній редакторъ „Свѣтлора“, теперь редакторъ „Звона“, является чешскимъ Гончаровымъ.

Это спокойная, глубокая художественная натура, которая не снисходитъ до личнаго участія къ изображаемымъ ею личностямъ; внимательный наблюдатель, отъ остраго взгляда котораго не усколь-

знетъ даже визитная карточка на двери, при этомъ философъ, который вмѣстѣ со своими героями взвѣшиваетъ всѣ жизненные обстоятельства и высказываетъ свое мнѣніе.

Хотя онъ рассказываетъ спокойно и безстрастно, но умѣетъ такъ же увлечь читателя, какъ это удавалось русскимъ классикамъ-романистамъ, съ которыми его связываетъ также великая идея любви и всепрощенія. Въ особенности мастерски удается ему жизнь служащихъ и рабочихъ на сахарныхъ заводахъ.

Въ своемъ большомъ романѣ „Отблески прошлаго“, надъ которымъ онъ проработалъ нѣсколько лѣтъ, онъ анализируетъ взгляды врача, находящагося подъ вліяніемъ своей чувственной природы, и его внутреннюю борьбу; онъ чувствуетъ свою слабость къ женщинамъ, негодуетъ на самого себя, копаются въ малѣйшей мысли и дѣйствіи, но не можетъ заставить себя проявить сильную волю, хотя и сознаетъ свою слабость. Нерѣшительность характера удерживаетъ его отъ какой-либо плодотворной работы, хотя онъ и проявляетъ писательскія способности; наконецъ, благодаря сильной душевной борьбѣ, онъ вырабатываетъ соответствующую его природѣ философію и въ качествѣ деревенскаго врача отдается удовлетворяющей его дѣятельности рядомъ съ любимой чувственной любовью женой. И женскіе характеры здѣсь превосходно проведены. Отъ первоначальнаго плана Шимачекъ не отступаетъ ни на волосъ, что видно также и въ его драмахъ. Какъ драматургъ онъ занимаетъ почетное мѣсто и является лучшимъ аналитикомъ среди всѣхъ чешскихъ писателей.

Нѣчто общее съ нимъ имѣетъ Іосифъ Шлейяръ. И онъ знаетъ, главнымъ образомъ, быть сахарныхъ заводовъ и является, подобно Шимачеку, хорошимъ психологомъ. О немъ можно даже сказать, что онъ скорѣе психопатологъ, который доходитъ до край-

ностей въ своихъ описаніяхъ любви; онъ любитъ несчастныхъ, страдающихъ, даже бѣдныхъ животныхъ („Меланхолическая курица“, „Рыбка“, „Змѣя“), чѣмъ приближается къ Достоевскому. Цѣлью его служить изображеніе неприкрашенной дѣйствительности; временами онъ чувствуетъ почти болѣзненно; въ его реализмѣ кроется сентиментальность, какъ у автора „Братьевъ Карамазовыхъ“. Его стиль тяжелъ, его картины мрачны, его опытъ горекъ, но всюду и вездѣ проявляются горячая любовь къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“. Всѣ только-что названные писатели являются представителями чешскаго реализма.

Въ послѣднее время культивируется также романъ изъ жизни рабочихъ (Тума-Соколь, Юнашъ), гдѣ зачастую социальный вопросъ связывается съ національнымъ; чехъ обыкновенно бываетъ рабочимъ, тогда какъ нѣмецъ или еврей—работодателемъ.

Извѣстной обособленностью отличается литература чешскаго духовенства, тоже знакомаго съ жизнью въ деревнѣ и бытомъ крестьянъ, но неизмѣнно проявляющаго въ своихъ произведеніяхъ желаніе поучать. Многие священники писали также бытовые романы и являлись плодовитыми писателями.

И писательницы тоже часто встрѣчаются въ Богеміи; съ одной стороны, у нихъ надо отмѣтить основательное знаніе отдѣльныхъ мѣстностей, съ другой—сентиментальность и ревностный патриотизмъ. У старшихъ (сестры Подлипскія, Свѣтла) замѣтно нѣмецкое вліяніе, хотя въ чешской литературѣ не нашли себѣ мѣста столь излюбленные нѣмками писательницами рассказы изъ быта сверхчеловѣковъ, синихъ чулковъ и пансіонерокъ; въ Богеміи главнымъ рычагомъ романа является любовь, прослоенная патристическими чувствами. Изъ длиннаго ряда авторшъ, изъ которыхъ многія высказываютъ истинное пониманіе обычаевъ и сущности простонародья,

я выдѣлю только Габріэль Прейсъ, писавшую словачскіе рассказы и совершенно натуралистическія драмы.

Любимымъ чтеніемъ въ Богеміи является историческій романъ, который усиленно культивировался нѣкоторыми писателями. Богемскій народъ гордится гуситскими войнами, Карломъ IV, отцемъ націи, и съ грустью думаетъ о послѣдствіяхъ несчастной тридцатилѣтней войны и католической реакціи, уничтожившихъ его самобытность. Историческіе книги и рассказы издавна пользовались въ Богеміи популярностью; благодаря покойному Вацлаву Бенешу Тжебизскому и Алонзу Йиразеку любовь эта не ослабла и въ настоящее время.

Вацлавъ Бенешъ Тжебизскій былъ католическимъ священникомъ, но его патристическимъ чувствамъ пришлось очень по душѣ еретическое время гуссизма. Онъ любилъ „соломенные крыши“ и умѣлъ читать въ душахъ тѣхъ, кто жилъ подлѣ нихъ. Съ истекающимъ кровью сердцемъ писалъ онъ элегіи изъ тридцатилѣтней войны. Въ Богеміи въ свое время онъ былъ популярнѣйшимъ писателемъ. Сюжеты онъ выбиралъ почти исключительно изъ чешской исторіи; только однажды онъ воспользовался матеріаломъ изъ казаккой и болгарской жизни. Иноземецъ едва-ли можетъ понять выразительность и полетъ его рѣчи. Иногда онъ позволялъ своимъ чувствамъ увлечь его за счетъ художественности.

Въ настоящее время въ Богеміи изъ всѣхъ писателей читаютъ больше всего Алоиза Йиразека, который наряду съ Врхлицкимъ является самымъ плодовитымъ авторомъ. Какъ историкъ по призванію онъ много сдержаннѣ Тжебизскаго; его эскизы и рассказы носятъ на себѣ культурно-историческій и лингвистическій отпечатокъ того времени, которое они изображаютъ. Онъ проникъ во всѣ времена чешскаго прошлаго, которое и описалъ съ присущей

ему пластичностью. Разсказы его подобны мастерским историческим картинамъ; по реалистической манерѣ и образной фантазій онъ можетъ быть приравненъ къ Сенкевичу. Было бы трудно передать вкратцѣ содержаніе 30 томовъ его сочиненій, особенно часто попадающихся въ рукахъ учителей и интеллигенціи.

Ирразекъ умѣлъ переноситься также и въ древнюю сказочную эпоху; онъ обработалъ цѣлую серію сюжетовъ изъ временъ люксембургскихъ и гусситскихъ войнъ, когда чехи разсѣялись по всей средней Европѣ. Съ художественной точки зрѣнія больше всего цѣнятъ его „Собаки головы“, въ которыхъ онъ воздвигъ безсмертный памятникъ ходскому крестьянину Сладкому; послѣдній всталъ во главѣ крестьянъ, чтобы бороться противъ гнета помещиковъ. Ирразекъ снова вызвалъ къ жизни времена чешскаго возрожденія въ „Фр. Л. Вѣжъ“ и въ новѣйшей хроникѣ „У насъ“, въ которой вывелъ всѣхъ тѣхъ друзей отечества, которые содѣйствовали великому національному перевороту. Заслуги Ирразека уже признаны критикой. Ирразекъ писалъ также и драмы, въ которыхъ выказалъ себя эпикомъ; безпартійный реализмъ выказываютъ его романы, тогда какъ драмы даютъ историческія картины.

Среди прочихъ писателей, пользовавшихся историческими сюжетами, слѣдуетъ назвать Зигмунда Винтера, основательная историка культуры, которому удавалось воспроизводить колоритъ и говоръ изображаемой эпохи. При этомъ онъ оставался замѣчательнымъ юмористомъ.

Самостоятельную группу образовываютъ писатели-славянофилы, которые особой любовью освѣщаютъ жизнь и культурныя стремленія отдѣльных славянскихъ народностей. Среди чешскихъ славянофиловъ вниманіе на себя въ послѣднее время оставилъ Гавласса, который любитъ чудовищныя

страсти и романтическія совпаденія, хотя и выказываетъ при этомъ сильный талантъ.

До извѣстной степени консуломъ лужицано-вендовъ является Адольфъ Черни, занявшій мѣсто покойнаго Эдуарда Йелинека. И Россія нашла своего чешскаго живописателя въ докторѣ Серваціусѣ Геллерѣ, романы котораго изъ русской жизни положительно глотались въ Богеміи въ двадцатыхъ годахъ. Эти романы изъ жизни русскихъ степей, изъ области русскаго нигилизма и сыска стяжали ему большую популярность, чѣмъ его романы изъ пражской жизни.

Дальнѣйшую рубрику образуютъ въ чешской литературѣ разсказы изъ жизни южныхъ славянъ. Въ нихъ было много романтической самобытности, вслѣдствіе чего они встрѣтили въ Богеміи живѣйшій откликъ. Сюжетомъ имъ служили обыкновенно занятіе Босніи, возстаніе въ Герцеговинѣ и время, когда славянскіе братья не чувствовали ни малѣйшей общности съ австрійскими славянами-солдатами. Изъ сѣятелей этой отрасли литературы слѣдуетъ въ особенности упомянуть о покойномъ Игнатіи Хожичѣ, Раужарѣ и Голечекѣ.

Игнатій Хожича зналъ чуть-ли не каждый камень въ Катарской бухтѣ; онъ участвовалъ въ возстаніи на югѣ и въ качествѣ хорошаго наблюдателя позналъ положеніе босняковъ. Для того, чтобы понять особенность этого народа, необходимо имѣть историческія и этнографическія знанія, на которыя опирался Хожича. Онъ былъ искуснымъ рассказчикомъ, который умѣлъ возбудить любопытство читателя своими эскизами изъ жизни военныхъ. Кромѣ того, онъ написалъ также нѣсколько историческихъ романовъ, когда его постигла въ Марселѣ скоропостиная смерть.

Совершенно своеобразнымъ явленіемъ въ чешской литературѣ оказался Йосифъ Голечекъ, редакторъ „Народни Листы“, извѣстный какъ другъ сер-

бовъ и русскихъ, такъ же какъ и почитатель Черногоріи. Ни у одного славянскаго народа нѣтъ такихъ детальныхъ свѣдѣній о черногорскомъ житіи-бытіи какъ у чеховъ, благодаря Голечекъ; да и про будущее время можно сказать съ увѣренностью, что старая Черногорія и вымирающее поколѣніе черногорскихъ героев найдутъ въ Голечекъ лучшаго бытописателя. Онъ освѣщаетъ и настоящее положеніе вещей—но вмѣстѣ со старымъ, неумѣвшимъ писать министромъ мало по малу вымираетъ и древняя славянская Спарта съ ея славными обычаями. О Россіи Голечекъ написалъ достойный вниманія этюдъ; эти работы возбуждали вниманіе и въ русской литературѣ.

Очень интересенъ его взглядъ на чешскую душу. По примѣру русскихъ славянофиловъ онъ ищетъ въ народѣ здоровое славянское ядро, изъ его теперешнихъ особенностей выводитъ объясненія его историческаго прошлаго и находитъ въ крестьянствѣ такія черты, которыхъ до него не видѣлъ никто. Голечекъ выступаетъ съ опредѣленной системой и потомъ объясняетъ ею все, что онъ утверждаетъ и предполагаетъ. Это—философъ, глубокий умъ, умѣющий подыскивать убѣдительные доводы для своихъ доказательствъ. Хотя Голечекъ написалъ много рассказовъ и перевелъ финскую „Калевалу“, но его славу обезпечить за нимъ какъ разъ объективное изслѣдованіе чешскаго народа, которому онъ предавался послѣднее время.

Къ лучшимъ талантамъ принадлежитъ Яковъ Арбесъ, создатель оригинальной художественной формы, а именно—романетто. Содержаніе ихъ всегда необычайно, чрезвычайно ново, въ большинствѣ случаевъ романтично, обработка—своеобразна: нервы читателя напрягаются до послѣдней степени, утонченность разработки положительно поражаетъ. Его рассказы и романы подобны роскошному калейдоскопу, въ которомъ каждый поворотъ являетъ

новыя очаровательныя картины, сходящіяся въ извѣстной точкѣ. Все у него хорошо взвѣшено, а въ подходящій моментъ является и развязка узла интриги. Изъ его романеттъ вѣдетъ извѣстная нервозность, которая завладѣваетъ также и личностью читателя, какъ это имѣетъ мѣсто при чтеніи рассказовъ Мопассана. Самый большой романъ Арбеса—„Мессія“—разыгрывается частью на американской почвѣ во время войны за освобожденіе негровъ.

Арбесъ написалъ также рядъ привлекательныхъ картинокъ изъ жизни чешскихъ художниковъ, нашедшихъ признаніе за чертой своей родины, и занимался подробнымъ жизнеописаніемъ несчастнаго Гинека Махи.

Фантазія и даръ неисчерпаемаго воображенія приравниваютъ Арбеса къ самымъ интереснымъ славянскимъ писателямъ; по своему содержанію его произведенія, также какъ и Зейера и Клостермана, были особенно доступны иностранцамъ.

Кромѣ вышеназванныхъ, длинный рядъ писателей заботится о духовной пищѣ широкихъ круговъ населенія.

Результаты чешской литературы начала XX столѣтія въ общемъ благоприятны. Чехи могутъ похвалиться плодотворнымъ и универсальнѣйшимъ писателемъ Врхлицкимъ и обладаютъ подлѣ него подающей надежды порослью молодыхъ прозаиковъ и поэтовъ. Пишется необыкновенно много. Развитіе чешской литературы отъ эпохи возрожденія національнаго самосознанія вплоть до нашихъ временъ, слѣдовательно, отъ почти незримыхъ ростковъ до теперешняго ея аногетъ, шло съ поразительной быстротой, такъ что подобное явленіе не находить себѣ мѣста въ какой-либо другой европейской литературѣ.

XV.

Мѣстная польская литература послѣ 1830 года.

Романтизмъ.

Польская литература XIX столѣтія ярче всего возсіяла въ созвѣздіи Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго. Эмигрантская литература беретъ верхъ надъ мѣстной по самобытности и подъему, такъ какъ литературѣ въ Россіи (въ Царствѣ Польскомъ) приходилось бороться съ неблагоприятными обстоятельствами. Въ общемъ лучше всего привилась литература въ Галиціи.

Въ количественномъ отношеніи литература теперь находится въ большемъ подъемѣ, въ особенности проза. Ея главной особенностью является патріотизмъ, всосавшійся поляку въ плоть и кровь и являющійся для него такимъ убѣдительнымъ импульсомъ, что полякъ готовъ во имя его на всякія жертвы.

Поляки любятъ идеализировать въ романахъ прошлое своего отечества, этого „образца свободы“. Часто въ этихъ романахъ замѣтны слѣды гегелевской философіи.

Въ узкихъ рамкахъ этого труда я могу назвать только самыя значительныя имена этого періода времени.

Въ большой чести былъ въ свое время графъ Генрихъ Ржевусскій, родившійся въ знаменательное третье мая 1791 года и скончавшійся въ 1866 году въ сумасшедшемъ домѣ. На литературное поприще онъ вступилъ благодаря Мицкевичу; славу свою утвердилъ „Мемуарами пана Северина Соплицы“, личность котораго Мицкевичъ увѣковѣчилъ въ „Панѣ Тадеушѣ“.

Соплица былъ барскимъ конфедератомъ, нашедшимся въ услуженіи у Карла Радзивилла. Ржевусскій изобразилъ въ данномъ случаѣ живущую

въ пышности и довольствѣ шляхту, но въ послѣдствіи сталъ реакціонеромъ, обскурантомъ и клерикаломъ, съ которымъ, однако, не могло ужиться даже и католическое духовенство.

Романтизмъ повсюду былъ въ полномъ цвѣтѣ.

Послѣднимъ романтикомъ Галиціи былъ искренній другъ народа Ужейскій, авторъ польскаго національнаго гимна „Съ дымомъ пожаровъ“, поэтъ съ большимъ духовнымъ подъемомъ, написавшій „Плачъ Іереміи“ и переработку изъ Ветхаго Завета.

Его произведенія встрѣчали въ Польшѣ воодушевленный приѣмъ, подобно „Пѣснямъ Януша“ Винкента Поля.

Поль былъ наполовину нѣмцемъ, издавшимъ по-нѣмецки „Польскія народныя пѣсни“ (1833 г.); какъ политическій изгнанникъ, онъ велъ очень неструю жизнь и, въ концѣ-концовъ, оказался приверженцемъ старыхъ воззрѣній и врагомъ тѣхъ самыхъ народныхъ слоевъ, которые прежде казались ему идеаломъ. Уланъ Янушъ воспѣваетъ въ этихъ пѣсняхъ скорбь и страданія повстанцевъ, которымъ приходилось глотать порохъ, биться, подставлять грудь подъ выстрѣлы и таскать каштаны изъ огня для дипломатической знати, заведшей переговоры съ русскими.

Стихотвореніе это вполне соответствовало задорному и мятежному настроенію того времени, теперь же оно почти забыто. Поль былъ также знакомъ съ основными принципами гегелевской философіи и писалъ стихи, въ которыхъ воспѣвалъ красоты карпатской природы, здоровье и силу ихъ обитателей и славу своей родины. Онъ и Семенскій, будущій фельетонистъ „Часа“, были единственными поэтами Польши, которые съ воодушевленіемъ принимали славянскій конгрессъ въ Прагѣ 1848 года (Семенскій пріобрѣлъ извѣстность какъ переводчикъ „Краледворской рукописи“ и „Слова

полку Игоревъ“ и какъ авторъ „Вечера подъ липами“). Поль написалъ къ открытію конгресса стихотвореніе, въ которомъ мечтаетъ о соединеніи всѣхъ славянъ въ лонѣ римско-католической церкви, мысль, которая кажется совершенно нелѣпой патриархальнымъ православнымъ славянамъ.

При закатѣ своей жизни Винцентъ Поль вызвалъ жестоку критику со стороны модернистовъ.

Противоположность названному поэту составлялъ Кондратовичъ-Сырокомля, польскій Бѣринъ, послѣдній представитель литовской школы, изъ которой вышли Мицкевичъ и его другъ Одиенецъ. Судьба преслѣдовала этого удивительнаго знатока средне-польско-латинской литературы, этого покровителя бѣдныхъ, этого простого, сердечнаго пѣвца. „Я не склою ни пѣсни, ни главы своей ни передъ кѣмъ на свѣтѣ и гордо, съ лирою въ рукѣ умру пѣвцомъ мужицкимъ“—было его девизомъ.

Въ Галиціи таланты росли, какъ грибы послѣ дождя; но это были писатели второго разбора, которые обыкновенно предпочитали браться за историческій романъ.

Въ качествѣ автора историческихъ романовъ выдвигается Сигизмундъ Качковскій (1826 г.), который былъ когда-то приговоренъ къ смерти черезъ повѣшеніе, но въ тюрьмѣ измѣнившій свои взгляды на консервативные. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ заводилъ книжный рынокъ своими романами, написанными на историческіе сюжеты, и на темы, взятые изъ галиційской жизни.

Товарищемъ по призванію его былъ Захаревичъ, которому больше удавались романы въ бытъ высшей аристократіи, чѣмъ историческіе. Такъ какъ онъ умѣлъ влетать въ оловякъ ихъ волокна любовнаго интриги, то былъ любимцемъ женщинъ-читательницъ. Еще въ девяностыхъ годахъ онъ написалъ веселую исторію „Fin de siecle“. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ авторъ занимался от-

ношеніями между поляками и рутенцами и ихъ положеніемъ въ Позенѣ.

Въ Галиціи работали также Шайноха (1818 — 1868 гг.), историкъ и романистъ, который, будучи чехомъ по рожденію, разбудилъ въ полякахъ любовь къ историческимъ описаніямъ. Когда въ 1857 году онъ ослѣпъ, то приказывалъ читать себѣ историческія сочиненія и диктовалъ историческіе романы, а также — стихотворенія, на память.

Въ Пруссіи особенно процвѣтала научная литература. Во главѣ этого умственнаго движенія стояли рачинскій и дзялинскій институты. Въ пятидесятыхъ годахъ наступилъ застой. Въ Шлезвигѣ Мерка работала на пользу національнаго возрожденія.

Среди камубовъ развился собственный мѣстный патриотизмъ, и докторъ Ценова старался вызвать къ жизни мѣстную литературу; но попытки эти не дали результатовъ. Въ послѣднее время, послѣ того, какъ Рамульгъ издалъ камубскій словарь, замѣчается оживленный интересъ къ этому нарѣчію и его отношенію къ польскому языку.

Въ Россіи долгое время чувствовалось послѣдствіе 1830 года; пишущая интеллигенція была разсыпана по блгу-свѣту, университеты виленскій и варшавскій, также какъ и „общество ревнителей науки“ — упразднены, а большія бібліотеки переведены въ Петербургъ. Важнымъ литературнымъ объединяющимъ центромъ была и по днесь выходившая въ Варшавѣ „Бібліотека Варшавска“, которую основалъ въ 1840 году Войцицкій; послѣдній, историкъ литературы, ревностно занимался также исторіей варшавской культуры и писалъ для широкихъ массъ населенія.

Происходилъ изъ Австрій, но долгое время работалъ въ Варшавѣ „польскій Бальзакъ“ — Юсифъ Корзеніовскій (1797—1863 гг.), авторъ многихъ комедій и драмъ, бравшій матеріалъ изъ современныхъ ему обстоятельствъ, основательный знатокъ

варшавскаго житѣ-бытѣ, который позднѣе писалъ основательно продуманные романы; для этого онъ обыкновенно выбиралъ фигуру изъ мелкой шляхты.

Къ варшавскому кружку принадлежить также художникъ и поэтъ Ленартовичъ, который обезпечилъ славянскій поэзіи извѣстность и любовь итальянцевъ. По рожденію онъ былъ магуромъ; онъ хорошо зналъ и умѣлъ съ настоящей стороны выставить деревенскую жизнь. Въ „Гладиаторахъ“ онъ занялся вопросомъ объ отсутствіи единодушія у славянъ, тогда какъ въ „Сраженіи у Радлавицы“ воспѣлъ достославнѣйшій эпизодъ изъ возстанія Косцюшко.

Самой выдающейся личностью этого періода былъ Іосифъ Крашевскій (1812—1887 гг.), извѣстный въ Германіи по своему тюремному заключенію въ Магдебургѣ. Брюкнеръ называетъ его „титаномъ умственного труда“, такъ какъ онъ одинъ написалъ цѣлую литературу и принадлежить къ плодотвѣйшимъ писателямъ міра. Когда въ 1879 году праздновали его пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности, то уже тогда выяснилось, что имъ къ тому времени было написано 444 тома. Крашевскій былъ всесторонне образованнымъ умомъ, столь же неисчерпаемымъ, какъ и Врхлицкій, который занимался самыми разнообразными вопросами. Онъ былъ археологомъ, историкомъ литературы и культуры, знатокомъ искусствъ, публицистомъ, романистомъ и эпикомъ. Въ романахъ онъ старался проводить опредѣленные взгляды, въ особенностяхъ — патріотическіе. Какъ романтикъ, онъ охотнѣе всего изображалъ идеалистовъ, которые вступаютъ въ противорѣчіе съ дѣйствительной жизнью. Онъ любилъ, такимъ образомъ, сверхъчеловѣковъ, и его манера напоминать нѣмецкихъ писателей. Крашевскій былъ мастеромъ стиля и развитія интриги и умѣлъ переманить читателя на

сторону своихъ взглядовъ. Польскую жизнь онъ зналъ хорошо, и въ области музъ онъ обладалъ болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ въ области Цереры. Онъ выступалъ защитникомъ свободы совѣсти, развитія духа въ христіанскомъ смыслѣ, уравниенія сословій, человѣчности безъ космополитизма. Послѣ 1868 года онъ писалъ въ Дрезденѣ подъ псевдонимомъ „Болеславита“ ядовитыя статьи, направленные противъ господства русской бюрократіи. За двадцатилѣтнюю земледѣльческую дѣятельность онъ имѣлъ возможность подробно ознакомиться съ хорошими и дурными свойствами польской шляхты и народной нищетой. Послѣ 1849 г. онъ на короткое время заразился ретроградными взглядами, но поѣздка на востокъ, по счастью, скоро излѣчила его отъ этого сумасшествія.

Хотя Крашевскій и не написалъ какого-нибудь первокласснаго произведенія непреложной цѣнности, а значеніе его въ данное время уже далеко не то, что было десяткомъ лѣтъ тому назадъ, но за нимъ остается та заслуга, что онъ разбудилъ въ полякахъ охоту къ чтенію, и что его книги нашли доступъ даже въ шляхетскіе салоны, гдѣ до тѣхъ поръ господствовалъ одинъ только французскій языкъ. Благодаря его произведеніямъ, переведеннымъ на всѣ западно-европейскіе языки, за границей въ 1863 году пробудилось участіе къ польскимъ дѣламъ.

Ни въ одной литературѣ женщинамъ не было открытъ такой легкой доступъ, какъ въ польской. Разсказы эти обыкновенно живописуютъ отношенія между нимъ“ и „ею“, развитіе ихъ любви, а въ концѣ — объясненіе въ любви или свадьбу. При этомъ интересъ увеличивается романтической судьбой героевъ, добровольныхъ или недобровольныхъ эмигрантовъ или политическихъ преступниковъ, причемъ обыкновенно приводится разладъ между сознаніемъ патріотическихъ обязанностей и чувства-

ми. Какъ и въ женской литературѣ другихъ народовъ, подробное описаніе „душевныхъ переживаній“ занимаетъ здѣсь широкое мѣсто. Самой значительной писательницей была Жмаховская.

Т. Т. Ежъ (Милковский) 1825 г., подобно Зейеру, только очень поздно вступилъ на литературное поприще; въ 1883 году былъ очень шумно отпразднованъ двадцатипятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности. Онъ прославился своими романами изъ жизни южныхъ славянъ. Кромѣ того, онъ писалъ также романы изъ польской жизни, въ которыхъ высказываетъ суровую правду о ловеласахъ и бѣдныхъ гувернанткахъ, приводить свои наблюденія надъ разговорами аристократической молодежи.

Ежъ своеобразенъ какъ по манеру рассказывать, такъ и по міровоззрѣнію; онъ любитъ давать фотографически точныя изображенія, особенно тамъ, гдѣ описываетъ народъ, и любитъ сгущать краски. Эта яркость красокъ проявляется особенно въ его южно-славянскихъ рассказахъ, которые удался ему больше, чѣмъ рассказы изъ польскаго прошлаго.

XVI.

Новѣйшая польская литература (Сенкевичъ, Пруссъ).

Исторически достопамятный 1863 годъ былъ для литературы не столь важнымъ, какъ 1830. Эта революція повліяла очень печально на развитіе польской литературы, въ особенности же въ Россіи, гдѣ правительство прибѣгло къ репрессіямъ по отношенію польскаго народа. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій здѣсь царилъ полная придавленность. Наоборотъ, въ Австріи замѣчается громаднй національный подъемъ; въ 1860 году польскій языкъ

находить доступъ въ университетъ, послѣ чего краковское шляхетство пріобрѣтаетъ большее вліяніе на мѣстѣ и въ Вѣнѣ.

Послѣ послѣдняго повстанія въ литературѣ не замѣчается, подобно тридцатымъ годамъ, никакого раскола. Большинство изъ вышеупомянутыхъ писателей — Польша (1872 г.), Крашевскій (1887 г.), Лемартовичъ (1893 г.) и Ежъ еще были въ живыхъ въ то время. Истинный расцвѣтъ новѣйшей польской литературы приходится на середину семидесятихъ годовъ, то есть какъ разъ на то же время, какъ и у чеховъ. Важный центръ обрѣтаетъ наука въ краковской академіи и въ университетахъ; въ изыщной словесности пальму первенства и руководящую роль захватила Варшава, съ которой соперничали Краковъ и Львовъ.

Эта литература заботится, согласно принципу „pro bono publico“, о духовномъ развитіи всѣхъ слоевъ населенія. Она продолжаетъ выносить новые таланты, растетъ количественно и качественно. И въ художественномъ отношеніи она стоитъ на значительно высокой ступени. То обстоятельство, что польскій народъ принадлежитъ къ тремъ царствамъ, даетъ себя знать и въ литературѣ.

Послѣ 1864 года и за границей образуются пріюты для польской литературы, такъ, напримѣръ, — въ Дрезденѣ и въ Швейцаріи (Раппершвилль), гдѣ находится эмигрантскій музей.

У себя на мѣстѣ все больше и больше прививается литература, относящаяся съ участіемъ къ рабочему, крестьянину и женской эмансипаціи. Соціальныя вопросы проникаютъ во всей своей обостренности въ газеты и журналы. Взгляды на различныя литературныя произведенія встрѣчаютъ различную оцѣнку у консерваторовъ, неоконсерваторовъ и прогрессистовъ. Отсюда — обостренный обменъ мнѣніями. Подъ лозунгомъ „позитивизмъ“ возвеличивается трезвость и народное благососто-

ніе — во главѣ этого движенія стоятъ Александръ Свентоховскій, Гомулицій и Пруссъ.

Сильнѣе всего разыгралась эта борьба въ 1874 году (Атенеумъ), такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь шла о взаимоположеніи „старыхъ“ и „молодыхъ“ относительно романтизма. Все это вызвало живѣйшій интересъ къ литературному самоопредѣленію.

Исторія польской литературы сдѣлала гигантскій шагъ впередъ. Въ началѣ этого столѣтія появляются солидные труды у русскихъ, поляковъ и чеховъ. Правда, у поляковъ уже давно былъ ихъ Вишневицкій, но исторія литературы, написанная имъ, доходила только до 1650 года.

Въ послѣднее время появились три исторіи польской литературы: графа Тарновскаго, покойнаго Хмеловскаго и профессора берлинскаго университета Алексавдра Брюкнера, издававшего свой трудъ въ нѣмецкой переработкѣ. Всѣ трое еще раньше выпустили цѣлый рядъ монографій. Трудъ Тарновскаго восходитъ только до середины XIX столѣтія. Тарновскій является великолѣпнымъ эстетомъ, художникомъ, который вездѣ даетъ чувствовать свое шляхетское міросозерцаніе польскаго аристократа.

Талантливый профессоръ Брюкнеръ представляетъ изъ себя человѣка съ широкимъ кругозоромъ, который не боится высказать самостоятельное мнѣніе, поражающее своей увѣренностью, хотя временами онъ впадаетъ даже и въ экстравагантность. Онъ разбираетъ этнографическую литературу и миѳологию славянъ и литовцевъ, является отличнымъ знатокомъ старо-польской и чешской литературы, ученымъ невѣроятной образованности, котораго глубоко уважаютъ даже и за границей. Брюкнеръ, специалистъ исторіи старѣйшаго періода и XVII столѣтія, ошеломляетъ своимъ знаніемъ новѣйшихъ литературъ. Это — острый критическій умъ.

Недавно скончавшійся Хмеловскій былъ опас-

нымъ аналитикомъ, который положительно анатомировалъ писателей остротой своего критическаго, но далеко не эстетическаго чувства. Временами онъ впадалъ въ страстный тонъ, но никогда не забывался. Онъ мастерски разбирался въ отдѣльных партіяхъ, но ему не хватало способности схватить все общей концепціей.

Не задолго до своей смерти Хмеловскій ударился въ полемику съ профессоромъ Третьякомъ, который издалъ основательное изслѣдованіе творчества поэта Словацкаго и занимался отношеніями между Мицкевичемъ и Пушкинымъ. Профессоръ Нерингъ занимался изслѣдованіемъ вліянія древне-богемской литературы на древне-польскіе памятники письменности; Калина изучалъ полабскій словарь Шульца и средневѣковые памятники болгарской письменности. Будущій историкъ литературы назоветъ также съ уваженіемъ имя Владимира Спасовича, мастера въ адвокатурѣ и въ литературѣ, который слѣдитъ изъ Петербурга за теченіями въ польской и русской литературахъ. Спасовичъ — ученый большого полета, проникновенно смотрящій въ будущее.

Въ общемъ, необходимо признать, что поляки въ научномъ отношеніи очень внимательно занялись изслѣдованіемъ древняго и новѣйшаго періода. Они могутъ похвастаться рядомъ монографій, такъ что въ этомъ отношеніи чехи далеко отстали отъ нихъ, а о другихъ славянахъ, за исключеніемъ русскихъ, не можетъ быть и рѣчи.

Генрихъ Сенкевичъ (1846 г.) является въ настоящее время самымъ известнымъ въ Европѣ и самымъ знаменитымъ польскимъ писателемъ; въ особенности въ Италіи и Богеміи онъ пользуется популярностью среди народа; то же и въ Россіи — его произведенія продаются даже на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, а въ переводахъ они известны и въ Польшѣ, Французамъ и англичанамъ.

У себя дома его положительно боготворят. Его литературный юбилей превратился в национальное торжество; сам граф Тарновский передал ему письмо Юліана Клячко; благодарная нация поднесла ему имѣніе Обленгорекъ.

Сенкевичъ въ высшей степени плодовитый и эластичный писатель, такъ что его соотечественники могли даже ожидать отъ него романа изъ бурской войны. Онъ творитъ очень легко, является мастеромъ стиля, поэтомъ настроенія, гениальнымъ наблюдателемъ чужбины и признаннымъ художникомъ историческихъ картинъ.

Его объемистую литературную дѣятельность можно разбить на 1) историческіе романы, 2) бытовые романы изъ дѣйствительной жизни, 3) путевыя картинки и 4) мелкіе очерки.

Въ историческихъ романахъ его проявляется богатая, ясная сила воображенія, вызывающая мощныя картины, и скульптурная лѣпка, дающая возможность видѣть дѣйствующихъ лицъ во плоти и крови, а сцены—словно въ панорамахъ. Сюжетъ для своей извѣстной трилогіи: „Огнемъ и мечемъ“, „Потопъ“, „Крестоносцы“, онъ взялъ изъ исторіи Литвы и казачества, затѣмъ—изъ эпохи борьбы поляковъ съ нѣмцами крестоносцами. Въ новѣйшемъ романѣ „На полѣ славы“, Сенкевичъ воспѣваетъ національнаго героя Іоанна Собѣскаго и набрасываетъ блестящую картину его двора.

„Quo vadis?“ способствовало упроченію его славы по всему свѣту. Въ этомъ романѣ Сенкевичъ сравнился съ величайшими писателями міра, которые изображали борьбу между гибнущимъ классическимъ Римомъ и восходящимъ свѣтиломъ героически страдающаго христіанства.

Среди мощно написанныхъ сценъ незабвенной останется, разумѣется, та, гдѣ Петръ и Назарій идутъ по *via Appia*, оставляя своихъ собратій по вѣрѣ на мучительство палачей Рима.

Когда Петръ увидѣлъ въ солнечномъ сіяніи какой-то образъ, хотя и не слышалъ никакихъ шаговъ, и листья деревьевъ задрожали въ сіяніи, посахъ выпалъ изъ его рукъ, онъ упалъ на колѣни, поднявъ къверху руки и воскликнулъ:

— Христось! Христось!

И склонилъ главу свою къ землѣ, какъ будто цѣлуя чьи-то ноги.

Долго длилось молчаніе, пока, наконецъ, въ тишинѣ не раздался задыхающійся отъ рыданій голосъ старца:

— Quo vadis, Domine?..

Назарій не слышалъ отвѣта, но Петръ внялъ печальному, но сладкому голосу, который говорилъ:

— Если ты оставляешь народъ мой, то я иду въ Римъ, чтобы они снова распяли меня.

И Петръ вернулся вселять. И на всѣ вопросы отвѣчалъ спокойно и радостно:

— Я видѣлъ Господа.

Подобную сцену могъ написать только глубоко-вѣрующій человекъ. Немудрено, если „Quo vadis?“ было передѣлано въ драму и обошло съ невѣроятнымъ успѣхомъ всѣ сцены.

Сенкевичъ всегда отличался наклонностью къ вѣрѣ въ таинственные чудеса, такъ какъ еще мальчикомъ погружался въ чтеніе легендъ Скарги и ревностно изучалъ польскую литературу XVI и XVII столѣтій.

Въ историческомъ романѣ онъ даетъ широкій просторъ своимъ патріотическимъ чувствамъ.

Въ „Безъ догмата“, романѣ изъ жизни современнаго общества, онъ рисуетъ человека съ чрезвычайно чувствительными, даже болѣзненными нервами, который слишкомъ отдается во власть настроенію и съ трудомъ считается съ дѣйствительностью. Герой этого романа находится въ состояніи вѣчнаго самоанализа и доходитъ въ своей пытливости до геркулесовыхъ столбовъ; изъ лабиринта

мучительного сомнѣнія для него не остается иного выхода, кромѣ—пули. И любящая женщина избрана въ этомъ романѣ съ неподражаемой тонкостью.

Какъ противовѣсъ Плошовскому, Сенкевичъ вывелъ въ „Семѣ Половецкихъ“ здоровыхъ, предпримчивыхъ людей съ сильной волей, людей труда, которые забываютъ объ удовлетвореніи сердца.

Въ романахъ изъ дѣйствительной жизни Сенкевичъ стоитъ выше всего; современная психологія празднуетъ въ нихъ свой истинный триумфъ.

Сенкевичъ живетъ обыкновенно въ Италіи на Ривьерѣ, въ Бретани, объѣздитъ часть Африки, Египетъ и Занзибаръ, былъ также и въ Калифорніи и вывезъ изъ всѣхъ этихъ мѣстностей самыя разнообразныя впечатлѣнія.

Необыкновеннымъ мастеромъ стиля является Сенкевичъ въ мелкихъ разсказахъ; въ особенности, когда онъ пишетъ безъ перерыва въ одномъ настроеніи, изъ подъ пера его выходятъ истинныя сокровища. Во всѣхъ областяхъ онъ является специалистомъ — пишетъ-ли о деревенскихъ обитателяхъ (жизнь которыхъ изображаетъ очень реально), переноситъ-ли насъ въ Индію или разсказываетъ объ олимпийскихъ богатахъ, даетъ-ли исходъ своему юмору, или со слезами на глазахъ разсказываетъ про Бартека-побѣдителя;—вездѣ онъ находитъ сочувствіе, въ поэмѣ-ли страданія, какъ „Янко музыкантъ“, или въ описаніяхъ природы, лѣса или чистой любви. Въ этихъ разсказахъ онъ слѣдуетъ двумъ путеводнымъ звѣздамъ, какъ выразился однажды самъ Сенкевичъ: „Душа народа ищетъ теплоты; это — свѣтъ и любовь, это—правда!“

Сенкевичъ написалъ, кромѣ того, кучу эскизовъ и этюдовъ; его критика Золя еще у всѣхъ въ памяти. Его „Эскизы углемъ“ сами говорятъ за себя своей правдивостью и живостью.

Сенкевичъ писалъ подъ псевдонимомъ „Литвошъ“

въ „Газетѣ Польской“; онъ одинъ написалъ цѣлую литературу. Если онъ и не является глубочайшимъ польскимъ писателемъ, то наряду съ Пруссомъ его можно считать самымъ популярнымъ.

Болеславъ Пруссъ (Александръ Главацкій) является самымъ выдающимся представителемъ позитивизма; въ Варшавѣ особенно памяты его фельетоны, такъ какъ въ нихъ онъ говорилъ отъ имени народной души, какъ Неруда у чеховъ. Но для литературы важнѣе всего являются его тенденціозные романы изъ девятыхъ годовъ: „Лялька“ (1891 г.), „Эмансипированныя“ (1894 г.) и „Фараонъ“, переведенный даже на чешскій языкъ. Съ художественной точки зрѣнія они непогрѣшны, такъ какъ обнимаютъ собой рядъ бытовыхъ картинокъ, продуманныхъ въ малѣйшихъ деталяхъ, но страдающихъ отсутствіемъ стройности общей концепціи. Въ „Лялькѣ“ онъ рисуетъ жестокую борьбу выдающейся личности съ окружающей средой. „Эмансипированныя“ являютъ собой картину изъ жизни эпохи, когда впереди всего горѣла лозунгъ „Эмансипация женщинъ“. Въ „Фараонѣ“ онъ соперничаетъ съ Эберсомъ и развертываетъ гениальную картину древне-египетской культуры, причемъ главнымъ мотивомъ является не любовь, тогда какъ у Сенкевича она всегда играетъ главную роль. И въ этомъ отношеніи оба писателя отличаются другъ отъ друга.

У Прусса больше воображенія, больше глубины и разнохарактерности сюжета; онъ больше философъ, чѣмъ Сенкевичъ. Но послѣдній болѣе совершенный стилистъ и художникъ, чѣмъ Пруссъ. Оба писателя взаимно дополняютъ другъ друга. Для Прусса жизнь является загадкой, которую онъ старается разрѣшить, тогда какъ Сенкевичъ видитъ въ жизни мощный аккордъ красокъ, личностей и движеній.

И въ ихъ взглядахъ на сверхчужественное замѣ-

чается существенная разногласица; Сенкевичъ довольствуется тѣмъ, что вѣрить. Во взглядахъ на любовь они тоже расходятся; для Сенкевича любовь и „вѣчно-женственное“ является той силой, которая двигаетъ міромъ, тогда какъ Пруссъ видитъ въ ней чудовищную силу природы и не забываетъ основныхъ чертъ человѣческой любви — страданія и горя.

Наряду съ большими романами Пруссъ написалъ также полные юмора рассказы изъ жизни дѣтей и животныхъ, въ которыхъ словно живыя встаютъ природа и ея созданія. Кроме того, Пруссъ взялъ нѣсколько картинокъ изъ жизни крестьянъ, какъ, напримѣръ, чисто-славянскій типъ „Слимака“ („Улитка“) и типы полуидіотовъ, живущихъ въ природѣ и съ природой. Подобно Сенкевичу и Прусу лучше всего удаются маленькіе рассказы и новеллы, писанные съ одного раза. Для произведеній Прусса очень характернымъ является слѣдующая его фраза: „Пусть мы бродимъ по землѣ, но необходимо, чтобы головой мы касались неба“.

Вообще, — это являлось лозунгомъ позитивистовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Александръ Свенхорвскій, который пѣлую четверть вѣка редактируетъ газету „Правда“. Свои статьи „Libri cum veto“ онъ подписываетъ „Вѣстникъ правды“. Къ той же генераціи принадлежитъ Михайль Валуцкій, авторъ лучшихъ польскихъ комедій, жизненная драма котораго кончилась, однако, трагической развязкой.

Почетное мѣсто въ новой польской литературѣ занимаютъ писательницы Элиза Ожешко и Марія Конопницкая. До сихъ поръ Ожешко преслѣдовала въ своихъ произведеніяхъ исключительно благородныя цѣли; но въ раннемъ періодѣ творчества она отдавалась служенію чистаго искусства. Еще въ семидесятыхъ годахъ она занялась женскимъ вопросомъ, освѣтила жизнь женщины, какъ матери, и притомъ такъ, что объ этомъ заговорила вся Польша.

та. Въ началѣ своей литературной карьеры она прошла школу женской sentimentalности по опредѣленнымъ шаблонамъ. Языкъ въ этихъ произведеніяхъ отличается высокопарной напыщенностью. Мало-по-малу она обратила вниманіе на окружающую ее дѣйствительность, на евреевъ и мужиковъ изъ прибалтійскихъ областей, изъ Литвы и Бѣлоруссіи. При этомъ ея плодотворный умъ не обходитъ также и современнаго общества, въ которомъ замѣтными валами вздымались лозунги: „реализмъ, позитивизмъ, пессимизмъ, космополитизмъ, нигилизмъ“. Видно, что лавры Тургенева не давали ей спать, но хотя она и не достигла величинъ этого писателя, она все-таки занимаетъ положеніе большой писательницы. Романы ея были переведены почти на всѣ языки.

Изъ плеяды женщинъ-писательницъ я назову только литвинку Родзевичъ, любящую изображать любовныя бури, затѣмъ — Остою, пишущую очень живо и интересно, Гайоту, произведенія которой полны боли и страданій. Польскимъ Зола является Габріель Запольская; но это направление не встрѣтило сочувствія не только у поляковъ, но и, вообще, — у всѣхъ славянъ. Запольская писала также драмы и предавалась описаніямъ „хрупкой души“.

Всѣ эти писательницы болѣею частью принадлежатъ уже къ новому времени.

XVII.

Новѣйшая польская проза.

Покончивъ девяностыхъ годовъ уже не стоитъ подъ флагомъ позитивизма, но обратилось къ отечеству; нѣкоторые истинные таланты развиваются вполне естественнымъ путемъ; другіе, среди которыхъ много поэтовъ, такъ называемые „модернисты“, присягаютъ лозунгу: „Искусство для искусства“.

Къ самымъ выдающимся представителямъ молодого поколѣнія принадлежатъ Реймонтъ, Жеромскій, Сѣрошевскій; пока еще трудно было бы рѣшительно высказаться относительно молодого поколѣнія, изъ котораго вышелъ также Вацлавъ Берентъ, песнникъ, изобразитель душевныхъ мукъ; его произведение „Пыль“, разыгрывающееся въ художественныхъ и писательскихъ кружкахъ Мюнхена, является особенно выдающимся.

Владиславъ Ст. Реймонтъ (1868 г.) въ ранній періодъ литературной дѣятельности былъ излишне-субъективенъ и пускался въ чрезырочное философствованіе; теперь онъ сталъ реалистичнѣе и развивается съ поразительной быстротой.

И прежде въ польской литературѣ занимались изображеніемъ варшавской жизни; въ Краковѣ мѣстными описаніями занимался Балуцкій; въ Лембергѣ точно также образовался кружокъ писателей, любящихъ городъ, который три раза перемѣнялъ свою національность. Картины деревенской жизни набрасывали Сенкевичъ, Пруссъ, Ожешко и эдастичный, склонный къ новѣйшимъ лозунгамъ, Северъ (Мацѣевскій); деревенскихъ евреевъ, проявляющихъ человѣческое сердце и чувства, охотно изображалъ покойный Юноша. Такимъ образомъ, городъ, народъ, шляхта давно уже были известны полякамъ, но вплоть до Реймонта они не знали о новыхъ центрахъ промышленности и интеллигенціи, гдѣ фабрики, рабочіе, желѣзныя дороги совершенно измѣнили какъ пейзажъ, такъ и духовную фizioномію народа. Этотъ новый міръ—давно извѣстный въ Силезіи и Богеміи—Реймонтъ открылъ читателямъ въ „Благословенной странѣ“; въ этомъ двухтомномъ произведеніи описывается въ видѣ поплава Лодзь, этотъ польскій Манчестеръ, протянувшій руки къ близлежащимъ деревнямъ и лѣсамъ, чтобы ихъ проглотить, высасывающій кровь изъ

людей, чтобы собрать миллионы въ руки отдѣльныхъ личностей.

Послѣднимъ произведеніемъ Реймонта являются его двухтомные „Мужики“ („Осень“ и „Зима“), еще незаконченное произведеніе, написанное въ бурномъ приливѣ вдохновенія. Это—крестьяне, изображенные по-крестьянски, безъ сантиментальности, но и безъ поэзіи. Это—кусочекъ безпартійной народной эпопеи, но нѣчто большее, чѣмъ просто наичужнее этнографическое описаніе.

Съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ привѣтствовало молодое поколѣніе Стефана Жеромскаго (1868 г.), автора „Безродныхъ“, „Золы“ и пр. Герой романа „Безродные“ отказывается отъ любви благородной женщины и посвящаетъ себя служенію человѣчеству. Зло, а не добро является у Жеромскаго закономърной основой челоѣчества; но челоѣкъ для него является такой святыней, по отношенію къ которой никогда не должна совершаться несправедливость. По сравненію съ Реймонтомъ Жеромскій является субъективистомъ. Стиль его служить полнымъ отраженіемъ его внутренняго „я“; форма всегда своеобразна.

По слѣдамъ Жеромскаго идетъ также и Густавъ Даниловскій, поэтъ, изображавшій разницу между тѣмъ челоѣкомъ, который живетъ практической жизнью, и тѣмъ, который работаетъ для будущаго. Очень поэтично онъ описалъ образъ ребенка, вступившаго идеальнымъ реформаторомъ.

Въ сибирскіе края, далеко на сѣверъ къ якутамъ и тунгузамъ судьба забросила Вацлава Сѣрошевскаго (Сирко), челоѣка съ душой полной вѣры въ побѣдную силу добра. Онъ написалъ интересное изслѣдованіе жизни этихъ первобытныхъ народовъ; тамъ еще водятся люди, готовые пожертвовать собой за народъ, чтобы спасти его и поддержать старыя традиціи. Сѣрошевскій даетъ рядъ художественныхъ картинъ сибирской природы, раз-

сказывать подробно и объективно, но уметь соблести при этомъ и живость. Изъ его произведений мы знакомимся съ сибирской тайгой, рыбацкими поѣздками, жизнью въ юртѣ среди вѣчныхъ холодовъ. Это произведение, почерпнутое Стромшевскимъ изъ двѣнадцатилѣтняго личнаго опыта, ставить его наравнѣ съ самыми выдающимися географами, такъ что даже Императорская академія наукъ въ С.-Петербургѣ избрала бывшего политическаго ссыльнаго своимъ членомъ и командировала его въ Японію для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ послѣднее время онъ писалъ „Китайскіе рассказы“ и былъ для Россіи очень важнымъ писателемъ во время русско-японской войны.

Судьбу сибирскаго ссыльнаго испыталъ также Адамъ Шиманскій, лирическая душа, изнывавшая на чужбинѣ въ тоскѣ по родинѣ. Въ его рассказахъ, въ которыхъ онъ изображаетъ борьбу ссыльнаго съ жестокой арктической природой, основной нотой звучитъ глубокое страданіе. Онъ пишетъ немного, но каждое произведение его встрѣчаетъ въ Польшѣ живѣйшій интересъ.

Прежде большія надежды возлагали на Домбровскаго, какъ на очень провицательнаго наблюдателя, но онъ вдругъ пересталъ писать. „Легенды“ Нѣмовскаго вызвали много разговоровъ, такъ что, благодаря имъ, онъ получилъ гораздо болѣе извѣстность, чѣмъ благодаря „Письмамъ безумнаго“.

Недзвичкій является представителемъ натуралистическаго направленія; онъ часто проявляетъ совершенно мопассановскую вервозность.

Многіе изъ польскихъ писателей пишутъ съ невѣроятной легкостью, что особенно сказывается на журналистахъ, изъ которыхъ назову Грушевскаго, писавшаго о положеніи рабочихъ, спортъ, силезскихъ полякахъ, словакахъ и т. п. Въ послѣднее время можно наблюдать, какъ одна часть молодыхъ

писателей подпадаетъ влиянію субъективизма, тогда какъ другая — реализма. Въ общемъ же, поляки болѣе склонны къ романтизму и субъективизму.

XVIII.

Новѣйшая польская поэзія.

Возстаніе 1863 года доказало справедливость половицы, что „Inter arma silent Musae“.

На нѣсколько десятилѣтій польская муза оказалась разслабленной. Послѣдніе могиканы романтизма и байронизма находились при послѣднемъ издыханіи; Ужейскій мало-по-малу выдыхался, отголосокъ въ обществѣ встрѣчали взгляды позитивистовъ.

Періодъ послѣднихъ десятилѣтій отмѣчается совершенствомъ стиха и художественной законченностью формы.

Наиболѣе крупнымъ литературнымъ явленіемъ въ области поэзіи этой эпохи были: Адамъ Асникъ, постоянно подписывавшійся „E...y“, Маріа Конопницкая и старикъ Фаленскій (1826 г.), пользующійся всеобщимъ уваженіемъ.

Фаленскій какъ-то уметь проявлять постоянное прекраснѣе; это стоишь съ нѣкоторымъ оттякомъ пессимизма, въ совершенствѣ владѣющій формой. Наибольшими литературными заслугами его были переводы Данте и Петрарки и его изслѣдованія въ области исторіи литературы.

Истиннымъ поэтомъ является Адамъ Асникъ (1838—1897 гг.), демократическій редакторъ „Реформы“, поэтъ-философъ, раздумывающій надъ важнѣйшими жизненными вопросами—о сущности человѣка, о мірѣ, о всемъ человѣчествѣ и его прошлымъ. Онъ склоняется къ пессимистическому воспріятію вѣшняго міра и приходитъ къ выводу, что „все суета“. Что касается его философской инди-

видуальности, то въ этомъ отношеніи онъ приближается къ Кардуччи. Это не поэтъ любви, хотя онъ и пронизанъ весь страстной любовью къ эллинизму. Наряду съ этимъ въ немъ слышатся сатирическія нотки, а къ концу его дней муза его начинаетъ брать аккорды и на политической лирѣ.

Неоспоримой заслугой Асныка было то, что онъ довелъ до возможнаго совершенства поэтическую форму; въ художественной чеканкѣ стиха онъ превзошелъ даже Словацкаго.

Асныкъ писалъ также и драмы, но по своей сущности онъ былъ современнымъ лирикомъ. Въ Богеміи онъ пользовался большою популярностью и любовью, благодаря художественнымъ переводамъ Фр. Квациля.

Марія Конопницкая (1846 г.) въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ Асныка, какъ истинно-мужской гений съ наклонностью къ классическому міру; съ послѣднимъ она познакомилась въ Италіи и Греціи.

Она—мастеръ безукоризненной формы и звучности стиха. Всю поэзію ея пронизываетъ „горе и печаль женщины“. Большое вниманіе обратила на себя ея еще незаконченная эпопея „Панъ Балтазаръ въ Бразиліи“. Апостемъ ея поэтического самоопредѣленія является ея „Кredo“ въ „Фрагментахъ“. Ея литературный юбилей праздновался не только въ Польшѣ, но и въ Богеміи, гдѣ она приобрѣла всѣ права литературнаго гражданства, благодаря массѣ переводовъ ея стихотвореній.

Къ этой же группѣ принадлежитъ также и Гомулицкій (1851 г.), у котораго мастерство техники перевѣшиваетъ чувство. Гомулицкій хорошо знаетъ варшавскую жизнь, которую часто описываетъ.

Наряду со всѣмъ этимъ въ девяностыхъ годахъ формируется новая школа „Модернистовъ“, которая въ отношеніи идей и формъ очень напоминаетъ подобное же направленіе у чеховъ.

XIX.

Славянский модернизмъ.

Конецъ XIX столѣтія принесъ чешской, русской, польской, словенской и кроатской литературѣ новое направленіе, названное „модернизмомъ“.

Творческій импульсъ этой школѣ дали французскіе декаденты и символисты. Основы французскаго направленія не пустили на славянской почвѣ прочныхъ корней. И теперь уже можно опредѣлить, что въ этомъ направленіи было много нездороваго. Но какъ-ни-какъ, а съ нимъ связано рафинированіе понятій и формъ; и если на насъ и вѣетъ холодомъ отъ этой поэзіи, то поэтамъ этого направленія все же нельзя отказать въ тонкомъ чутьѣ къ благозвучности языка; девизъ „искусство для искусства“ повелъ къ аристократизаціи литературы, въ которой теперь оказалось „много званныхъ, но мало избранныхъ“, что, въ свою очередь, сдѣлало ее неестественной и удалило отъ народа. Для широкихъ слоевъ населенія модернизмъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, да онъ и избѣгаетъ даже малѣйшаго соприсношенія съ ними. „Модернисты“ присягаютъ опредѣленнымъ лозунгамъ, причемъ жизнь и дѣйствительность имѣютъ для нихъ минимальную цѣнность; основные принципы берутся изъ французскаго декадентства, но и подобныя же явленія въ области другихъ литературъ обращаютъ на себя ихъ вниманіе, тогда какъ реалистическая русская литература вызываетъ съ ихъ стороны полнѣйшее равноушіе. Въ общемъ, модернисты являются интернаціоналистами въ наше столь ярко націоналистически выраженное время.

Польскій модернизмъ.

Лучшимъ примѣромъ этому является польскій модернизмъ, въ которомъ наблюдается два теченія — краковское, съ Пшибышевскимъ во главѣ, и варшавское — несравненно болѣе здоровое и естественное — руководимое Мириамъ Пшемисскимъ; тѣмъ не менѣе, въ краковской школѣ наблюдается возвратъ къ народу.

Съ польскимъ модернизмомъ повсемѣстно связывается имя Пшибышевскаго, который еще въ девятидесятыхъ годахъ, въ качествѣ нѣмецкаго писателя, писалъ „*Nomine sapiens*“ и „*De profundis*“, и вдругъ перемѣнилъ свое нѣмецкое перо на польское.

Пшибышевскій выработалъ собственные взгляды на искусство, открылъ „обнаженную душу“ и стать отцомъ младо-Польши. Онъ совѣтовалъ своимъ приверженцамъ писать такъ, какъ они чувствуютъ, любить и страдать. Такимъ образомъ, характерными признаками модернизма явились — грезы, сверхчувственные явленія, тоска по женщинѣ, культъ Астарты, богини безплоднаго соитія, переутомленіе, нервная возбужденность, вербализмъ; зато къ дѣйствительности у нихъ не оказалось никакого чувства — они замѣнили ее силой собственного воображенія, достигающаго особенно у Пшибышевскаго большого размаха. И съ вѣшной стороны писанія модернистовъ отличаются отъ прочихъ книгъ — выгази, точки въ контекстѣ, малое количество печати, желтая, растерзанная бумага.

Въ настоящее время отецъ модернизма обратился къ „*Ueberbrette*“.

Виспянскій происходитъ изъ окрестностей Кракова. Для своей „Свадьбы“ онъ воспользовался матеріаломъ изъ народной жизни, причемъ въ пьесу сумѣлъ вплести также и народный говоръ и обычаи; много шуму и толкованій вызвали „Варша-

вянка“, „Болеславиты“ и, главнымъ образомъ, — „Искушение“.

Нѣкоторые видятъ въ Виспянскомъ величайшій талантъ среди модернистовъ; другіе склонны видѣть его въ Каспровичѣ, котораго во многихъ отношеніяхъ можно сравнить съ Махаромъ. Онъ примыкалъ къ редакціи демократической газеты „*Курьеръ Львовскій*“. Поэтъ происходитъ изъ познанскихъ крестьянъ; крестьянская кровь и самобытность проявляются у него иногда въ бурномъ, порою грубомъ темпераментѣ. Онъ не хочетъ знать горя и страданія поляковъ, а глядитъ на несчастій всего человѣчества, расчленяетъ понятіе „сила“, не терпитъ никакой несправедливости, но энергично и доказательно выступаетъ противъ каждаго проявленія ея, причемъ становится даже демоничнымъ; но порою онъ впадаетъ въ самолюбование своей сознательностью и духовнымъ превосходствомъ. Каспровичъ выдаетъ свою силу даже въ языкѣ; это истинный талантъ и очень плодовитый писатель, который занимается, главнымъ образомъ, переводами съ нѣмецкаго.

Къ модернистамъ, далѣе, я причисляю также Риделя и Шерва-Тетмайера, хотя до извѣстной степени они и стоятъ въ сторонѣ.

И въ частной жизни Люсьяны Ридель является практическимъ приверженцемъ природы; его популярности въ Австріи много содѣйствовала „Заколдованный кругъ“, сюжетъ котораго взятъ изъ народнаго быта. Въ драмѣ „Навсегда“ онъ рисуетъ конфликтъ между любовью и патриотизмомъ.

Казиміръ Шерва-Тетмайеръ является поэтомъ даже и тогда, когда пишетъ прозой. Тетмайеръ — поэтъ юности, его произведенія дышатъ чувственностью; по содержанію и формѣ онъ напоминаетъ чешскаго поэта Галека. Горячая жажда счастья, ясность выраженій характеризуютъ его стихотво-

ренія; при этомъ онъ являетъ большую своеобразность.

Въ его романахъ сказывается большое вліяніе Сенкевича.

Центромъ модернистскаго направленія въ Варшавѣ является „Химера“ Мириамы (Зенона Пшемисскаго), талантливаго знатока французской и чешской литературы. Мириамъ — поклонникъ красоты и формы. Онъ является вожакомъ символистовъ; Мириамъ занимался также и переводами, причемъ переводилъ произведенія Метерлинка, Врхлицкаго и Зейера.

Чешскій модернизмъ.

Къ началу девяностыхъ годовъ чешскій модернизмъ открылъ жестокую пальбу по Врхлицкому и его послѣдователямъ. На молодыхъ особенно замѣтно вліяніе французской критической литературы и Рескина, а еще больше — декадентовъ, поэтовъ ужаса и смерти; многіе склоняются къ католицизму или предались оккультизму (вѣриѣ — неомистицизму). Чешскій модернизмъ тоже совершенно не принимаетъ въ расчетъ народа, время и пространство не являются для его послѣдователей источниками какихъ-либо затрудненій. Приверженцы этого направленія состоятъ въ дѣятельномъ общеніи съ иностранцами, особенно — нѣмцами, печатаютъ въ своихъ журналахъ нѣмецкія стихотворенія и почитаютъ наравнѣ съ французскими декадентами и символистами Оскара Уайльда, Уайта Уайтмана и Ницшеваго сверхчеловѣка. Что то болѣзненное, извращенное, чудовищное, что то похожее на ароматъ туберозъ исходитъ отъ этой холодной поэзіи, вся слава которой поконится исключительно на формѣ и на созвучіяхъ. Въ многіе поэты занимаются, главнымъ образомъ, любовью, половыми отношеніями, тоской по женщинѣ; для рѣшенія великихъ

жизненныхъ вопросовъ ихъ опытности оказывается уже недостаточно.

Чешскій модернизмъ объединился вокругъ журнала „Чешска Модерна“ Эрнеста Прохазька, который переводилъ съ французскаго и давалъ оригинальную критику. Въ модернистской дѣятельности въ настоящее время главное мѣсто занимаетъ критика, что видно, лучше всего, по Георгу Каразеку, вождю этого движенія. Развитие чешскаго модернизма шло впередъ довольно бурнымъ путемъ. Среди ихъ приверженцевъ назову пронику и даже циника Дика, талантъ котораго въ послѣднее время развивается въ высшей степени многообобщающимъ путемъ; Войковича, автора нѣжно выписаннаго этюда „Герда“; не столь плодотворнаго, но болѣе самобытнаго знатока провинціальной жизни Опольскій; на фаустовскомъ сюжетѣ пробовалъ свои силы Іосифъ Голый.

Совершенно въ сторонѣ стоитъ католическій модернизмъ, дѣятелями котораго въ большинствѣ случаевъ являются молодые люди духовнаго сословія. Ихъ призваніе до извѣстной степени уже предопредѣляетъ ихъ направленіе, но и при такой ограниченности ихъ художественнаго поля дѣйствій они смогли дать много цѣннаго.

Словенскій модернизмъ.

Въ девяностыхъ годахъ модернизмъ объявился и въ словенской литературѣ, хотя это направленіе лучше назвать вѣнской школой, такъ какъ представители его имѣли возможность познакомиться съ новыми теченіями въ литературѣ во время своего студенчества въ Вѣнѣ.

Словенскій модернизмъ нельзя считать вполне привившимся къ мѣстной почвѣ; многого въ этомъ направленіи во всякомъ случаѣ не сдѣлано.

Назову Фр. Говекара (1871 г.), романъ котораго „Въ крови“ и сборникъ „О женщины!“ возбудили большое вниманіе.

Среди болѣе молодыхъ писателей многое обѣщаетъ Зупанчичъ, являющійся поэтомъ съ необыкновенной творческой мощью и законченностью формы.

Что касается кроатскаго модернизма, то о немъ мы уже говорили при разборѣ новѣйшей кроатской литературы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Возрожденіе польской литературы	3
II. Періодъ польскихъ гениевъ: Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій	10
III. Возрожденіе чешской письменности	30
IV. Начатки словенской литературы	46
V. Иллиризмъ	50
VI. Словенская литература послѣ Прешерна	61
VII. Сербская литература	66
VIII. Новѣйшая сербская литература	74
IX. Болгарская литература	84
X. Новая кроатская литература	90
XI. Обновленная богемская литература	99
XII. Неожиданный расцвѣтъ чешской литературы	107
XIII. Друзья и послѣдователи Врхлицкаго	116
XIV. Чешская проза въ послѣднія десятилѣтія	120
XV. Мѣстная польская литература послѣ 1830 г. Романтизмъ	132
XVI. Новѣйшая польская литература (Сенкевичъ, Прусъ)	138
XVII. Новѣйшая польская проза	147
XVIII. Новѣйшая польская поэзія	151
XIX. Славянскій модернизмъ. — Польскій модернизмъ. — Чешскій модернизмъ. — Словенскій модернизмъ	153

✱KSIĘGARNIA✱
ANTYKWARIAT

Nr 780455

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Въ 1909 году
ПОДПИСЧИКИ
„Биржевыхъ Вѣдомостей“

—ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ,
КРОМѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, ПОЛУЧАТЬ
совершенно бесплатно
ВОЛШОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

литературы, истории искусства и общественной жизни

„НОВОЕ СЛОВО“

и
„иллюстрированный художественно-литературный
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ“

„НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

На страницахъ еженедѣльнаго журнала „Новая Иллюстрація“, издававшагося при „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ—Второе Изданіе“ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, помѣщались произведенія выдающихся русскихъ писателей.

Журналъ „Новая Иллюстрація“ явился и въ 1901 году иллюстрированнымъ обзоромъ всѣхъ событій послѣдней недѣли. Въ живыхъ наброскахъ художниковъ, съцѣпленою комедируемыхъ на мѣста событій, въ художественныхъ снимкахъ цѣлаго штата фотографовъ „Новая Иллюстрація“ дасть немедленные отклики на всѣ крупныя извѣстія міровой жизни.

Въ журналѣ „Новая Иллюстрація“ будутъ помѣщаться рисунки и описанія дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ для семей средняго достатка.

Въ теченіе года читатели получатъ возможность изъ 52 номеровъ „Новой Иллюстраціи“ составить

большой богато-иллюстрированный томъ

въ 400 съ лишнимъ страницъ обычнаго формата еженедѣльныхъ журналовъ, могущій служить украшеніемъ любой библиотекѣ.

Подписная цѣна на

„Биржевыя Вѣдомости—Второе Изданіе“

съ пересылкой въ Россіи и БЕЗПЛАТНЫМЪ приложеніемъ журналовъ „НОВОЕ СЛОВО“ и „НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“.

На годъ . . . 5 р. © На по . . . 2 р. 60 к.

На три мѣсяца . . . 35 к.

Главная Контора изданій С. М. Проппера:
С.-Петербургъ, Галерная ул., собств. домъ, № 40.

67 82411

„ЗДРАВІЕ СЕМЬИ“

популярно-медицинскій

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый С. М. Пропперомъ,

подъ редакціей д-ра мед. Е. Г. Ландсберга

и при участіи извѣстныхъ специалистовъ
медицинской науки.

==== VIII-й годъ изданія. ====

**Цѣль журнала: сохраненіе здоровья
и предупрежденіе болѣзней.**

Въ журналъ „ЗДРАВІЕ СЕМЬИ“ помѣщаются
статьи по вопросамъ практической медицины,
общей и личной гігіены, о новѣйшихъ лечеб-
ныхъ средствахъ и способахъ леченія, практи-
ческіе совѣты на случай внезапнаго заболѣва-
нія и указаніе мѣръ, которыми слѣдуетъ поль-
зоваться до прибытія врача, подробные отвѣты
на вопросы читателей.

Въ 1909 году
всѣ годовые подписчики полу-
чаютъ бесплатно

три медицинскіхъ книги

(въ общемъ 240 стр. текста).

Подписная цѣна на журналъ „Здравіе Семьи“
со всеми приложен. и съ перес. въ Россіи
ОДИНЪ руб. въ годъ.

Главная Контора изданій С. М. ПРОППЕРА:
СПБ., Галерная ул., собствен. домъ, № 40.